ISSN 2312-0312

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

№ 4 (68) 2024

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, № 4 (68) 2024

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Учредитель – Государственное бюджетное научное учреждение
при Правительстве Республики Марий Эл
«Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева»

Редакционный совет:

Григорьева Людмила Яковлевна, председатель ред. совета, канд. филол. наук, директор МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Акшиков Александр Геннадьевич, секретарь ред. совета, канд. ист. наук, зам. директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Агранат Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

Воронцов Владимир Степанович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН (г. Ижевск)

Муллонен Ирма Ивановна, д-р филол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Карельского НЦ РАН (г. Петрозаводск)

Косинцева Елена Викторовна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

Крыласова Наталья Борисовна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь)

Куршева Галина Александровна, д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Лехтинен Илдико, д-р философии, доцент Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия)

Ошаев Алексей Григорьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Пустаи Янош, профессор, д-р философии, председатель Ассоциации финно-угорских литератур, директор Института Collegium Fenno-Ugricum (г. Бадачонь-томай, Венгрия)

Ракин Анатолий Николаевич, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Тендер Тыну, д-р философии, директор Института эстонского языка (г. Тарту, Эстония)

Чузаев Родион Иванович, канд. ист. наук, директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Редакционная коллегия:

Ипакова Марина Тимерьяновна – главный редактор, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Никитина Татьяна Багишевна – зам. главного редактора, д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Пенькова Мария Викентьевна – отв. за выпуск журнала, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Акилбаев Александр Владимирович – отв. редактор направления «Археология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кошкина Ольга Анатольевна – отв. редактор направления «История», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Орлова Ольга Викторовна – отв. редактор направления «Социология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Свечников Сергей Константинович – отв. редактор направления «Этнология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – отв. редактор направления «Лингвистика», канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – отв. редактор направления «Литературоведение и фольклористика», канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Абукаева Любовь Алексеевна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Иванов Ананий Герасимович – д-р ист. наук, профессор Марийского государственного университета

Ключева Мария Аркадьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, профессор Марийского государственного университета

Молотова Тамара Лаврентьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Шкалина Галина Евгеньевна – д-р культурологии, профессор Марийского государственного университета

Эрцикова Галина Алексеевна – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе МарНИИЯЛИ

Мнения, высказанные в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ, 2024
© Авторы статей, 2024

FINNO-UGRIC STUDIES, No. 4 (68) 2024

Scientific journal
The journal is founded in 1994 (February).
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Founder – State Budget Scientific Institution under the Government of the Republic of Mari El "V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History"

Editorial Review Board:

Grigoryeva L.Ya., Candidate of Philology, Director of the Mari Research institute, Chairperson of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Akshikov A.G. Candidate of History, Deputy Director-Academic Secretary of the Mari Research Institute Secretary of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Agranat T.B., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior Researcher at the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk)

Mullonen I.I., Doctor of Philology, Professor, RAS Corr. Fellow, Chief Researcher at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk)

Kosintseva E.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher of Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)

Krylasova N.B., Doctor of History, Chief Researcher at the Institute of Humanitarian Studies of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm)

Kursheva G.A., Doctor of History, Director of the Research Institute of Humanities affiliated to the Governmet of the Republic of Mordovia (Saransk)

Lehtinen Ildiko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Oshaev A.G., Candidate of History, Associate Professor of the National History Chair, Faculty of History and Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Pusztay János, Doctor of Philosophy, professor emeritus universiteta Loranda Eötvösa (Budapest), Chairman of the Association of Finno-Ugric Literatures, Director of Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary)

Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar)

Sergeev O.A., Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)

Tõnu Tender, Doctor of Philosophy, Director of the Estonian Language Institute (Tartu, Estonia)

Chuzaev R.I., Candidate of History, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication (Yoshkar-Ola)

Editorial Board:

Ipakova M.T., Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Nikitina T.B., Deputy Editor, Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Penkova M.V., Executive Editor, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Akilbayev A.V., Executive Editor of the series «Archaeology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Koshkina O.A., Executive Editor of the series «History», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Orlova O.V., Executive Editor of the series «Sociology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Svechnikov S.K., Executive Editor of the series «Ethnology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Sibatrova S.S., Executive Editor of the series «Linguistics», Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Fedoseeva N.A., Executive Editor of the series «Literary Studies and Folklore Studies», Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Abukaeva L.A., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Ivanov A.G., Doctor of History, Professor of the Mari State University

Klyucheva M.A., Candidate of Art History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Kudryavtseva R.A., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University

Molotova T.L., Candidate of History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Shkalina G.E., Doctor of Culturology, Professor of the Mari State University

Ertsikova G.A., Candidate of Philology, Deputy Director for Scientific Work of the Mari Research Institute

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

Бредис М.А. Соматические образы и этнолингвомаркёры в пословицах финно-угорских народов России о скупых на фоне разноструктурных языков .. 7
Иванищева О.Н. Метафорические модели саамских пословиц 22
Иванов Е.Е. Универсальные пословицы в вепсском языке 36
Ломакина О.В. Паремиология как система (на материале горномарийского литературного языка) 51

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Ельцова Е.В. Поэтическое воплощение образов и мотивов русской революционной и пролетарской поэзии в творчестве коми писателя В.Т. Чисталева 62
Зайцева Т.И., Максимова О.М. «Человек и труд» в художественном решении удмуртского послевоенного очерка 75
Миронова В.П. Сюжетно-тематический состав карельских свадебных рун (по материалам научного архива КарНЦ РАН и фонограммархива ИЯЛИ) 87

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Акилбаев А.В. Вооружение марийского населения IX–XI веков: культурные и социальные аспекты 104
Мушкина Н.В. Песни в гостевом обряде медведевских мари 115

РЕЦЕНЗИИ

Садиков Р.Р. Рец.: Марийская этническая религия в призме лингвокультурологического анализа (о монографии Л.А. Абукаевой) / Абукаева Л.А. Концептосфера марийской этнической религии: монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2024. – 364 с. 126

ХРОНИКА

Григорьева Л.Я. VII Всероссийская научная конференция финно-угроведов «Современное финно-угроведение: наука – общество – культура» 131
Хроника научных и культурных мероприятий финно-угорского мира за 2024 год 139

CONTENTS

ARTICLES

LINGUISTICS

Bredis M.A. Somatic images and ethno-linguistic markers in proverbs of Finno-Ugric peoples of Russia about misers (in comparison with typologically different languages) 7

Ivanishcheva O.N. Metaphorical models of Saami proverbs 22

Ivanov E.E. Universal proverbs in the Vepsian language 36

Lomakina O.V. Paremiology as a system (based on the Hill Mari language material) 51

LITERATURE STUDIES AND FOLKLORISTICS

Yeltsova E.V. Poetic embodiment of images and motifs of Russian revolutionary and proletarian poetry in Komi writer V.T. Chistalev's works 62

Zaitseva T.I., Maksimova O.M. «Man and labour» in the artistic solution of an Udmurt post-war essay 75

Mironova V.P. C Plot and thematic composition of Karelian wedding runs (based on the material oF KarRC RAS scientific archives and audio archives of ILLH) 87

HISTORY AND ETHNOLOGY

Akilbaev A.V. Weapons of the Mari of the IX–XIII centuries: cultural and social aspects 104

Mushkina N.V. Songs in the guest ritual of the Medvedevo Mari 115

BOOK REVIEWS

Sadikov R.R. Review: Mari ethnic religion under the prism of linguistic and cultural analysis (about Lyubov A. Abukaeva's monograph) / Abukaeva L.A. Conceptosphere of Mari ethnic religion: monograph. – Yoshkar-Ola: MarNII, 2024. – 364 p. 126

CHRONICLE

Grigoryeva L.Ya. VII All-Russian Finnougrist Conference "Modern Finno-Ugric Studies: science – society – culture" 131

Chronicle of scientific and cultural events of the Finno-Ugric world in 2024 .. 139

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.11+81’25
DOI 10.51254/2312-0312-2024-4-68-7-21

СОМАТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ЭТНОЛИНГВОМАРКЁРЫ В ПОСЛОВИЦАХ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИИ О СКУПЫХ НА ФОНЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

© 2024 г. М.А. Бредис

Введение. Соматические образы в пословицах финно-угорских языков при сопоставлении с пословичной образностью разноструктурных языков имеют потенциал для исследования с точки зрения паремиологии как современного направления лингвистики. Этнолингвомаркёры являются компонентами, в которых заложено этническое своеобразие пословичной картины мира народа. **Цель статьи** – выявление в ходе сопоставительного анализа общих и специфических компонентов пословиц финно-угорских народов о скупых на фоне паремий разноструктурных языков, сходства и различия в использовании соматизмов и этнолингвомаркёров. **Материалы и методы.** Рассмотрено 86 пословиц карельского, вепсского, коми, марийского, мордовского и удмуртского языков на фоне более 700 паремий 11 разноструктурных языков. Применялся метод сопоставительного лингвокультурологического и лингвоаксиологического анализа на основе теории семантических моделей в паремиологии. **Результаты исследования, обсуждение.** В ходе работы выявлены общие с другими языками, а также этнокультурно маркированные семантические модели и пословичные образы, в частности соматические, дающие представление о внешнем облике и характере скупца. **Заключение.** Общее финно-угорских пословиц о скупых с паремиями разноструктурных языков связано с единой природой человеческой скупости и сходным отношением к ней в разных культурах.

Ключевые слова: паремиология; пословица; финно-угорские языки; этнолингвомаркёры; соматизмы; ценности; скупость; компаративистика.

Введение

Пословичный фонд языка отражает стереотипные представления народа об окружающем мире, образуя паремиологическую картину мира. Фрагменты этой картины связаны с многовековым опытом людей и несут в себе ценную культурную информацию. Многие паремии аксиологически заряжены, отражают основные ценностные ориентиры людей.

В пословицах разных народов присутствуют образы-соматизмы, которые, «наряду с анимализмами, колоративами, онимами, представляют собой одну из самых продуктивных групп для фразеообразования в различных языках» [Ломакина, Овчинникова, 2021, с. 20]. Это справедливо для паремий, которые составляют фразеологический фонд языка. Соматический, или телесный, код культуры – «один из основных в классификации кодов по своей значимости во всех культурно-национальных картинах мира» [Ковшова, 2012, с. 182]. Тело с древнейших времен было первым, с чем человек сравнивал различные предметы и явления действительности. Соматизмы во фразеологии (в том числе в паремиях) отражают наивное представление носителей языка о теле, частях тела и органах [Козеренко, Крейдлин, 2011, с. 55]. Наивная анатомия отождествляет с телом человека окружающий мир, при этом наделяя телесность определенной символикой [Ковшова, 2012, с. 183]. В этом смысле присутствие соматизмов в паремиях можно считать явлением, общим для всех языков, при этом семантика этих образов может быть этноспецифической.

С точки зрения раскрытия национальной самобытности паремий важной представляется роль этнокультурно маркированных компонентов пословиц – этнолингвомаркёров (термин О.В. Ломакиной). Под этнолингвомаркёрами понимаются такие компоненты паремий, которые несут «культурную память», отражают этнокультурное своеобразие «и могут не иметь прямых аналогов в других языках» [Ломакина, 2018, с. 85]. К числу таких компонентов относятся имена собственные, названия артефактов культуры, этнонимы [Там же]. Пословицы, содержащие этнолингвомаркёры, вызывают затруднения в понимании их смысла, особенно у представителей других культур. При переводе таких паремий в двуязычных и многоязычных паремиографических сборниках, как правило, требуется лингвокультурологический комментарий.

Соматическая образность паремий финно-угорских народов и этнолингвомаркёры в сопоставительном плане с паремиями разноструктурных языков имеют потенциал для исследования с точки зрения паремиологии как направления лингвистики.

Цель статьи – выявление в ходе сопоставительного анализа общих и специфических компонентов пословиц финно-угорских народов о скупых на фоне паремий разноструктурных языков, сходства и различия в использовании соматизмов и этнолингвомаркёров.

Материалы и методы

Материалом работы служат 86 пословиц финно-угорских языков народов России (карельского, вепсского, марийского, мордовского, удмуртского и коми), отобранные автором в картотеку из опубликованных пословичных сборников и словарей, а также 700 пословиц типологически разноструктурных языков, представляющих германскую, тюркскую и монгольскую группы языков, из паремиографических источников, выходные данные которых приведены в списке источников и литературы.

Методологической базой исследования являются теоретические исследования в области паремиологии как современного направления лингвистики и пословицы как единицы языка [Паремиология на перекрестках…, 2022; Бредис, Димогло, Ломакина 2020; Бредис, Ломакина, Мокиенко 2019 и др.]. Использовалась методика сопоставительного анализа паремий на основе семантических моделей, или *пословичных конденсатов* (термин Е.И. Селиверстовой) [Селиверстова 2017].

В задачи работы входило выявление особенностей образности пословиц рассматриваемых финно-угорских языков о скупых в сопоставлении с паремиями русского, польского, латышского, латгальского, литовского, немецкого, английского, турецкого, алтайского, тувинского, калмыцкого языков.

Результаты исследования, обсуждение

Скупой в пословицах разных языков, как правило, является отрицательным персонажем. По определению четырёхтомного «Словаря русского языка», *скупой* – это чрезмерно, до жадности бережливый, избегающий всяческих расходов человек [1988, IV, 126]. Грань между скупостью и жадностью очень тонка. Согласно тому же словарю, понятие *жадный* определяется как ‘стремящийся взять себе, получить, иметь у себя как можно больше чего-либо’, а также скупой, корыстолюбивый’ человек [Словарь русского языка… 1985, I, 469]. Поэтому семантика паремий о скупых часто пересекается с таковой в пословицах о жадных, и в словарях по тематике эти пословицы относятся к одному разделу.

1. Как выглядит скупой в пословицах (соматические образы)

В ходе анализа выявлены несколько групп семантических пословичных моделей в соответствии с соматическими образами, которые позволяют узнать, как выглядит скупой в пословицах (образы *глаза, руки, кровь*).

Образ *глаза* используется в удмуртской пословице о скупых: *Чурыт муртлэн синмыз горд* ‘У скупого глаза красные’. Образ красных глаз имеет отрицательную коннотацию. *Красные* здесь означает *налитые кровью*, несущие зло. В удмуртской мифологии *горд ош* ‘красный бык’ ассоциируется с землей и подземным миром. Кроме того, во фразеологизмах *горд ош* образно олицетворяет стихию огня и пожара [Панина, 2013, с. 43]. Также сочетание *синмыз*

горд ассоциируется с сильной степенью алкогольного опьянения. Удмуртский фразеологизм намекает на красноту глаз пьяного: *синъёсыз чабаклэн кадь луизы* ‘глаза как у плотвы’. Известно, что у плотвы глаза красные, поэтому в удмуртских говорах ее название – *гордсин* ‘красные глаза’ [Душенкова, 2020, с. 116].

Интересно, что в тувинском языке фразеологизм *карак кызыл* (букв. ‘глаз красный’) не несёт отрицательной оценки и означает ‘упорный, старательный, самоотверженный’. По-видимому, здесь красный цвет глаз подчеркивает напряжение сил. В тувинских пословицах о скупых соматические образы глаз сопровождаются другими эпитетами: тув. *Харам кижиниң кара соок* ‘У скупого глаза холодные’; *Харам кижиниң караа куду, / Калдар ыттың дижи сарыг* ‘У скупого глаза вниз смотрят, / У кусачей собаки клыки видны’. Эпитет *холодный* подчеркивает равнодушие и холодную враждебность скупца по отношению к людям. Вторая пословица имеет характерную для тувинских паремий двухчастную структуру, в которой вторая часть иллюстрирует первую, представляя собой развернутое сравнение скупого со злой собакой с торчащими клыками, а звериные клыки символизируют злобу и агрессию.

В мордовских паремиях говорится о глазах жадного: *Сельме – яма: кельги лама* (*Жаднай сельме веши лама*) ‘Глаза – яма: вмещают много (ненасытны); *Жаднай сельмоть аньцек сорхне топафтсазь / Жадной сельмесь аньсяк песоксо пештеви* ‘Жадные глаза только песком насытишь’; *Жаднайнь сельме мзярдовок аф топафтови / Жадноень сельмесь зярдояк а пештеви* ‘Глаза жадного никогда не бывают сытыми. Эти пословицы содержат негативную оценку, отражая семантическую модель *Скупой (жадный) ненасытен.* Русская пословица с соматизмом *глаза* имеет модель *Скупой жёсток (тверд).* В этой пословичной модели тело скупого жестко в прямом и переносном смысле. Скупой непреклонен в своем желании ничего никому не давать: *Хоть иглой в глаза, не выщербишь (т.е. скуп).*

В пословицах финно-угорских народов используется также компонент-соматизм *руки*: морд. *Ломань паршити сонь кяденза кувакат* ‘На чужое добро его руки длинные’; вепсск.; *Käzi pit’k, ulotub kaiktäna* ‘Рука длинная, дотянется всюду’. Из этого ряда выделяется вепсская пословица *Käredan ristitun sormed ot harotadud* ‘У злого человека пальцы врастопырку’, в которой образ *злой* равнозначен образу *скупой, алчный.* Образ *пальцы врастопырку* подчеркивает желание такого человека схватить, урвать, присвоить. В мордовских и вепсских пословицах образ руки характеризуется эпитетом длинные, что показывает стремление скупца дотянуться и забрать себе что-то. Ещё одна вепсская паремия гласит: *Otajan käzi ei surdu, a andajan surdub* ‘Рука берущего не устаёт, а дающего устаёт’. По семантике и образности она близка русским пословицам: *Бравши, рука не устанет; Бравши, рука не приберётся, а давши – при-*

даётся. Последняя требует комментария: слово *прибраться* имеет значение укорачиваться, становиться меньше, а слово *придаться* означает *исчерпаться, перестать давать.* Вепсская и русская пословицы о руке дающего и берущего имеют сходную семантическую модель и используют соматический образ руки, поэтому можно говорить о заимствовании вепсами русской пословицы или о контактной параллели.

Пословицы других тюркских и монгольских языков тоже обращают внимание на руки скупого. Так, алтайская паремия отмечает: *Кысканчактың колы кыска* ‘У скупого руки короткие’. В отличие от мордовской и вепсской пословицы, в которых используется эпитет *длинные*, т.е. способные дотянуться, отобрать, образ коротких рук у алтайцев символизирует нежелание давать. Калмыцкая пословица подчёркивает цвет рук скупца:

Хар хәәсни йорал хар,	У черного котла дно черное,
Хармч экнрин һар хар,	У скупой женщины – руки черные,
Хар саната седкл хар.	У злого человека думы черные.

В калмыцкой пословице важен цветовой код культуры наряду с соматическим. Паремия трехчастная, она создает общую картину грязного и злого. Руки и мысли – черные, сравниваются с закопченным котлом. У скупой женщины руки черные. Для пословиц обширного ареала монгольской и саяно-алтайской культур характерно осуждение скупости именно женщины, хозяйки юрты. Тувинская двухчастная пословица подчеркивает: *Калбак кезек – от чуду, / Харам кадай – өг чуду* ‘Толстое полено огонь гасит, / Скупая хозяйка дом срамит’.

Другой вариант калмыцкой пословицы сравнивает руки скупца по цвету, давая в целом неприглядную картину:

Харалч күмни санан хар,	У проклинающего мысли черные,
Хармч күмни һар хар,	У скупого руки черные,
Хар хәәсни йорал хар.	У закопченного котла дно черное.

В немецких пословицах скупой имеет специфический физический недостаток, отличающий его от большинства нормальных людей – он туг на ухо: нем. *Ein Geizhals ist auf der Seite taub, wo er's Geld hat* ‘Скупец глух на ту сторону, где у него деньги’.

Ещё одна группа паремий связана с соматизмом *кровь*: марийск. *Чаҥга еҥын парняжым пӱчкат гынат, вӱр ок лек* ‘Если у скупого порежешь пальцы, все равно кровь не пойдет’; удм. *Чурыт муртлэн чиньыысьтыз но вир уг поты* ‘У скупого и из (порезанного) пальца кровь не потечёт’. Семантика и образы обеих паремий имеют большое сходство, что объясняется генетиче-

ским родством марийского и удмуртского языков, а также длительным соседством двух народов. У скупого так велико нежелание что-либо отдавать, что и кровь у него не идёт. В английском языке мы также выявили паремию с образом *кровь*: *His money come from him like drops of blood* ‘Его деньги выходят из него, как капли крови’. По семантике она близка к марийской и удмуртской паремиям, кровь здесь сравнивается с деньгами, с которыми скупой не хочет расставаться так же, как со своей кровью. А если ему приходится отдавать, то очень немного, по капле. В русской паремии *От скупости кровь из зубов* образ крови связан с соматизмом *зубы*. Вероятно, скупой так стискивает зубы от нежелания отдавать, что из них идет кровь.

Ещё одна группа паремий, связанных с телесным кодом культуры, имеет семантическую модель *Скупой жесток (твёрд)*: коми *Скуп мортлысь корӧмыд сизь кокысь вый пычкӧм кодь* ‘У скупого просить, всё равно, что из ног дятла выжать масло’. Понятно, что скупой жесток настолько, что ничего не отдаст. Образ ног дятла встречается только в пословице коми о скупых и, видимо, является этноспецифическим. В других языках символ невозможной твёрдости, с которой сравнивают скупца, это камень: турецк. *Taştan yağ çıkar ondan çıkmaz* ‘Из камня масло выжмешь, а из него нет’; рус. *Он и с камня лыки дерет.* Удмуртская пословица по модели *Скупой жесток (твёрд)* использует образ масла: *Чурыт муртэ вӧяса (вӧйын) но уд небӟыты (ни)* ‘Скупого и маслом не смягчишь’.

В целом облик скупого в пословицах финно-угорских народов (и не только) весьма уродлив: это существо с недобрыми красными глазами, длинными руками. Как правило, он богатый, но жесткий ко всем и во всем. Это показывает, что скряга олицетворяет антиценность *Скупость*, входящую в поле *Богатство* так же, как антиценности, в большинстве рассматриваемых паремий.

Отметим, что в ряде финно-угорских народов России названия скупого представляют собой заимствования из русского языка:

мордовский (эрз., мокш.)	скупой, жаднай, жадной
коми	скуп (мортыд), скупысь-скуп
карельский	skuuppa

Вероятно, заимствованы из русского обозначения скупого и в пословицах родственных славянским балтийских языков: латышского (skops) и латгальского (skūps). Латгальская пословица *Skūps na glups* ‘Скупой не глуп’, скорее всего, заимствована из русского языка: *Скуп не глуп, себе добро хочет.* Эти заимствования объясняются генетическим родством языков и длительным периодом общей истории в пределах одного государства – Российской империи. Приведенные выше русская и латгальская пословицы принадлежат к немно-

гочисленным паремиям, которые оправдывают скупость в разумных пределах, связывая ее с умом.

Относительно финно-угорских языков Поволжья и Приуралья А.Е. Китиков отмечал связь средств выразительности паремий с русским фольклором, которая «находится в зависимости от степени прочности и длительности экономических и культурных контактов между этими народами», при этом наиболее древние заимствования из русского зафиксированы в языке коми [1989, с. 105].

Среди пословиц финно-угорских народов также фиксируются паремии с семантической моделью *Скупой разумен*, например, удм. *Чуртым но ас интыяс кулэ* ‘Кое в чем и скупость нужна’. Скупость здесь рассматривается как противоположность расточительности. Другая удмуртская пословица объясняет, что иногда возникает необходимость в разумной прижимистости: *Куазь но чурыта* ‘И погода скупится’. Карельская паремия при помощи образа хозяйки бедного дома объясняет, что скупым человек может быть от бедности: *Itara on vähän emäntä, visu pikkusen pitäjä* ‘Скаредна хозяйка в бедном доме, аккуратен, кто в тесном наряде’. Вторая часть пословицы образом тесного наряда дополняет основную семантику, подчеркивая, что из скудости приходится жить по средствам. Но пословиц с такой семантикой немного по сравнению с паремиями, осуждающими скупых. Так, карельской пословице о бедной хозяйке, казалось бы, противоречит русская паремия с противоположной семантикой: *Не от скудости скупость – от богачества.* В свое время вопрос о противоположных значениях паремий поднимал африканский лингвист Квеси Янка (Kwesi Yankah) в работе “Do Proverbs Contradict?” («Противоречат ли пословицы?») и пришел к справедливому выводу, что речь идет не о том, что значения пословиц противоречат друг другу, а о том, что ситуации разные и проблема противоречивости пословиц обусловлена лишь незнанием их контекста [Yankah, 1994, с. 132]. С этим трудно не согласиться, ведь, как отмечал финский паремиолог Матти Кууси (Matti Kuusi), даже интонация или выражение лица влияют на контекст и демонстрируют, произносится ли пословица как «ода или как сатира» [Kuusi 1994, с. 107].

Логическим продолжением ряда семантических моделей являются пословицы рассматриваемых языков с моделью *Богатый скуп*: рус. *Чем богатее (богаче), тем скупее;* мордовск. *Кува козякодат, сия жаднайгодат / Кие сюпав, се жадной* ‘Богатеешь – жаднеешь’; латгальск. *Kas bogōts, tys skūps* ‘Кто богат, тот и скуп’; латышск. *Jo bagāts, jo nabags* ‘Чем богаче, тем беднее’; лит. *Šykštus ir turtingas* ‘Скупой богат’; англ. *Poor and liberal, rich and covetous* ‘Бедный и щедрый, богатый и жадный (скупой)’.

2. Скупой – бедный. Этнолингвомаркёры и лингвокультурологический комментарий

В пословицах финно-угорских народов встречается семантическая модель *Скупой – бедный*: морд. *Скупой козясь нищайдонга беднай* ‘Скупой богач бед-

нее нищего’; *Скупойть эряфоц (седиец) трёшникта уцез* ‘Жизнь скупого дешевле копейки’; коми *Быд пестерӧ пӧ тэчӧма деньгасӧ, да оз убӧлит сёйны* ‘Говорят, что у него во всех кузовах денег навалом, а себе не позволяет есть’.

В приведенной мордовской пословице обращает на себя внимание этнолингвомаркёр – *трёшник* – в значении *копейка*. *Трёшник* – заимствование из русского языка, в наши дни происхождение этого образа при переводе на русский уже непонятно. Здесь следует дать небольшой лингвокультурологический комментарий.

По слову *трёшник* можно определить время появления данной пословицы – не ранее 1840 года. Это слово связано с реформой российской денежной системы министра финансов Е.Ф. Канкрина в царствование Николая I. В России с 1769 года появились первые бумажные деньги – ассигнации, которые получили даже первенство над серебром. Ассигнации обменивались на металлические деньги по разным курсам в разных районах страны. «Манифест об устройстве денежной системы» [Полное собрание законов… 1840, сб. II, т. XIV, 1, с. 600–602], подписанный императором Николаем I 1 июля 1839 года, был призван положить этому конец, установив «серебряную Российского чекана монету» главной государственной платёжной монетой, а серебряный рубль – главной монетной единицей обращающихся в государстве денег [Там же, с. 600]. Вводился единый курс обмена – 3 рубля 50 копеек ассигнациями за один серебряный рубль. Что касается имевшей хождение мелкой медной монеты, манифест предписывал «в отношении к серебру считать три с половиной копейки медью… за одну копейку серебром» [Там же, с. 602]. На монетах стали писать “одна копейка серебром”, но это не значит, что монеты стали серебряными. Просто все монеты привязывались к стандарту – серебряному рублю. Так, одна копейка серебром стала тремя с половиной копейками (трёшником). Новую копейку стали называть в разных областях России тройкой, троячкой, трынкой, две копейки – семичником. Эти названия нашли отражение в четырехтомном «Словаре русского языка» [1988, IV, с. 410]. В мордовском языке за копейкой серебром закрепилось название трёшник.

В следующих русской и турецкой пословицах из группы с семантикой *Скупой – бедный* также имеются этнолингвомаркёры: рус. Богат, как Крёз, а живет, как пёс; тур. *Karun malına malik olsa, bir akçesine kıymaz* ‘Если бы владел богатствами Гаруна, ни одной акче не потратил бы’. Антропонимы *Крёз* и *Гарун аль-Рашид* широко известны, однако требуют небольшого лингвокультурологического комментария. Русская пословица как символ невероятного богатства упоминает античного лидийского царя Крёза, жившего в VI веке до нашей эры, о котором Геродот в своей истории писал как о человеке, баснословно богатом. В русскую фразеологию имя Крёза вошло из античной традиции и стало нарицательным. На Востоке славу античного Крёза снискал Гарун

аль-Рашид (Харун ар-Рашид), богатейший халиф Багдада, символ несказанного богатства, овеянный легендами и ставший героем знаменитых арабских сказок «Тысячи и одной ночи».

В турецкой пословице также используется другой этнолингвомаркёр – наименование денежной единицы *акче. Акче* (турецк. ‘беловатый’) – мелкая серебряная монета в Турции в XIV–XVII веках, которую ввели в обращение в правление второго бея из династии Османов – Орхана I Гази, Урхана (1326–1359). Первоначально *акче* весила 1,2 г серебра 900-й пробы [Зварич, 1979, с. 9]. С течением времени вес монеты снижался, она утеряла значительную часть стоимости. Кроме того, *акче* называлась серебряная монета Крымского ханства в XV–XVIII веках [Там же].

Группа пословиц с семантической моделью *Скупой – бедный* является самой распространенной среди пословиц о скупых и встречается в разных языках: рус. *Владеет городом, а помирает голодом, Шуба висит, а тело дрожит*; латышск. *Skops nabagāks par nabagu* ‘Скупой беднее бедного’; *Ar kājām iet, bet nauda maisā* ‘Ходит пешком, а денег – мешок’, *Uz naudas sēž, bet badu mirst* ‘На деньгах сидит, а с голоду помирает’; *Skopam paēst žēl* ‘Скупому поесть жаль’; лит. *Šykštus didžturtis yra biednesnis už ubagą* ‘Скупой богач беднее нищего’; нем. *Geiz ist die grösste Armut* ‘Скупость – самая большая бедность’; алт. *Карамчыныӈ карманы тежик, / Кериктиӈ койыны јыртык* ‘У жадного карманы дырявые, / У скупого пазуха рваная’; *Керик кижи кеден кийер* ‘Скупой человек холстину наденет’; англ. *A covetous man is like a dog in a wheel that roasts meat for others* ‘Скупой человек как собака в колесе, которая жарит мясо для других’. Английская пословица при переводе требует лингвокультурологического комментария, поскольку скупец в ней сравнивается не со злобной клыкастой собакой, как в тувинской паремии, а с собакой особой породы, выведенной в Англии для работы в вертельном колесе. Речь идет о породе Turnspit dog ‘вертельная собака’; это были собаки небольших размеров, с короткими лапами. Их предназначение состояло в том, чтобы бегать в колесе, подобно белке, и таким образом крутить вертел над огнем. Вертельные собаки появились в Англии в XVI веке и занимались своей работой до XIX столетия. Эта полезная собака работала в колесе, не боясь огня и не обращая внимания на запах мяса. Зная об этом, мы сразу понимаем суть метафоры: скупой – бедный, тяжело трудится, не позволяя себе ничего и обслуживая других.

Семантика польской пословицы *Skąpiec dla drugiego zbiera, a sam głodem umiera* ‘Скупец для другого собирает, а сам с голоду умирает’ близка предыдущей английской паремии. О ее древности говорит тот факт, что данная пословица вошла в сборник песен знаменитого поэта польского Ренессанса Яна Кохановского (1530–1584). Приведем строки из собрания Кохановского Pieśni (Книги первая. Песнь XXIV) с нашим переводом на русский язык:

A nad chłopa chciwego	Чем жадный мужик,
Nie masz nic nędzniejszego;	Нет ничего отвратнее,
Bo na drugiego zbiera,	Потому что для другого собирает,
A sam głodem umiera.	А сам с голоду умирает.

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ пословиц финно-угорских народов о скупых на паремиологическом фоне типологически разных языков позволил выявить общие и специфические семантические модели, сходство и различие в использовании соматических образов и этнолингвомаркёров.

Предсказуемо, что у генетически близких соседних народов больше общего, это объясняется и родством, и длительным соседством. В финно-угорских пословицах о скупых обнаруживается наличие заимствований из русского языка, которое трактуется многовековым соседством и культурным взаимовлиянием.

Этномаркированные паремии часто содержат компоненты, которые не переводятся на другие языки. В двух- и многоязычных пословичных словарях необходимо приводить соответствующий лингвокультурологический комментарий, позволяющий понять базовое значение паремии и её образов.

Сходство в семантике и образности паремий неродственных языков связано с общей человеческой природой скупости и ее проявлений в людях. Лингвокультурологический анализ помог выявить общие и этноспецифические образы. Во многих языках пословицы о скупых используют соматические ключевые символы. Лингвоаксиологический анализ дает возможность понять ценностные предпочтения народов, выявить, что скупой в пословицах рассматриваемых языков представляет антиценность *Скупость*, входящую в семантическое поле *Богатство*. Поэтому образы скупого в подавляющем большинстве отрицательные. Лишь одна небольшая группа пословиц оправдывает разумную скупость, прижимистость.

Результаты исследования могут использоваться в процессе изучения особенностей национальной картины мира в пословичных фондах финно- угорских языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алтайские пословицы и поговорки (Алтай кеп ле укаа сöстöр / сост. Н.Р. Ойноткинова). Новосибирск, 2010. 268 с.

Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284

Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–43.

Душенкова Т.Р. Эмоциосфера удмуртской языковой картины мира: моногр. / УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2020. 324 с.

Зварич В.В. Нумизматический словарь. Львов: Вища школа, 1979. 338 с.

Карельские пословицы и поговорки = Karjalazet sananpolvet da sananpiät = Karjalaiset šananlaškut ta šananpolvet. Petroskoi: Periodika, 2011. 240 с.

Китиков А.Е. Своеобразие пословиц и поговорок финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (к проблеме национального и интернационального) / А.Е. Китиков; Марийский НИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. 176 с.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. 456 с.

Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 54–66.

Коми войтырлӧн шусьӧгъяс да кывйӧзъяс. Пословицы и поговорки коми народа. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2023. 208 с.

Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: моногр.; под ред. В.М. Мокиенко. М.: РУДН, 2018. 344 с.

Ломакина О.В., Овчинникова Г.В. Фразеообразующий потенциал соматизма Сердце / Cœur / Herz в русском, французском, немецком языках. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2021. № 1. С. 19–28.

Марий калык ойпого: Калыкмут-влак – Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки / сост. А.Е. Китиков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 208 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.

Панина Т.И. Символика цвета в удмуртской народной медицине // Ежегодник финно-угорских исследований, 2013. С. 34–49.

Паремиология на перекрёстках языков и культур / ред. Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина. М.: Изд-во РУДН, 2021. 246 с.

Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. Собраніе второе. Томъ XIV. Отдѣленіе первое. 1839. От № 11909–13043. Санктпетербургъ. Въ типографіи II Отдѣленія Собственной Е.И.В. Канцеляріи, 1840. 1180 с.

Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б.К. Будуп. Кызыл: Тувинское кн. изд-во; Радуга Тувы, 2020. 112 с.

Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б.Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. 839 с.

Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость; науч. ред. В.М. Мокиенко. 2-е изд. испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 296 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. [гл. ред. А.П. Евгеньева; выполн. Л.П. Алекторовой и др.]. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 1985–1988. 2982 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, книга 1. Пословицы, присловья и поговорки / Науч.-иссл. ин-т. яз. лит., истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР. Саранск, 1967. 375 с.

Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки / сост. Т.Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. 276 с.

Adalberg, Samuel. Księga przysłów przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. Zebrał i oprac. Samuel Adalberg. Warszawa: Druk Emila Skiwskiego, 1894. 865 s.

Kuusi M. Mind and Form in Folklore. Selected Articles, ed. by Henni Ilomäki: Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1994. 199 p.

Mi meles, se i keles. Vepsläižed muštatišed = Что на уме, то и на языке. Вепсские пословицы и поговорки / сост. О.Ю. Жукова. Петрозаводск: Периодика, 2018. 96 с.

Milzere M. Latviešu sakāmvārdi un parunas / sak. M. Milzere. Rīga: Zvaigzne ABC, 1998, 144 p.

Opincāne B. Latgaļu parunas un sokomvōrdi / sak. B. Opincāne. Rēzekne: Latgolas kult. centra izd., 2000, 86 p.

Sasnauskas P. Lietuvių patarlės ir priežodžiai. Parinko ir parengė spaudai Pranas Sasnauskas. Kaunas: Vaiga, 2006. 238 p.

The Oxford Dictionnary of Proverbs. / Ed. J. Speake. Oxford University Press, 2008. 388 p.

Wander, K.-F.-W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Leipzig, F. A. Brockhaus, 1867 – 1880. Bd. 1-5.

Yankah K. Do Proverbs Contradict? in Wise words Essays on the proverb / Ed. by Wolfgang Mieder. New York; London: Garland, 1994. XXIII, 582 p. Pp. 127-142.

Yurtbaşı M. A Dictionary of Turkish Proverbs. Ankara: Turkish Daily News, 1993. 654 s.

Michael Bredis

SOMATIC IMAGES AND ETHNO-LINGUISTIC MARKERS IN PROVERBS OF FINNO-UGRIC PEOPLES OF RUSSIA ABOUT MISERS (IN COMPARISON WITH TYPOLOGICALLY DIFFERENT LANGUAGES)

Introduction. Somatic images in Finno-Ugric proverbs being compared with proverbial metaphors of typologically different languages have a potential for research from the point of view of paremiology which is a modern linguistic research area. Ethno-linguistic markers are components that contain the ethnic uniqueness of the proverbial worldview of a people. **The purpose of the article** is to identify similarities and differences in the use of somatisms and ethno-linguistic markers using a comparative analysis of general and specific components of proverbs of the Finno-Ugric peoples about stingy people in comparison with paremias of typologically different languages. **Materials and methods.** The article considers 86 Karelian, Veps, Komi, Mari, Mordvin and Udmurt proverbs in comparison with more than 700 paremias collected from 11 typologically different languages. The method of comparative, linguistic and cultural, linguistic and axiological analysis based on the theory of semantic models in paremiology was used. **Research results and discussion.** Common semantic models, ethno-culturally marked semantic models and proverbial metaphors, in particular somatic ones, which describe the

appearance and character of a miser, were identified. **Conclusion.** The common feature of Finno-Ugric proverbs about stingy people with paremias of typologically different languages is connected with the common nature of human stinginess and similar attitudes towards it in different cultures.

Keywords: paremiology; proverb; Finno-Ugric languages; ethno-linguistic markers; somatisms; values; stinginess; comparative studies.

REFERENCES

Altajskie poslovicy i pogovorki (Altaj kep le ukaa söstör) [Altai Proverbs and Sayings]. Novosibirsk, 2010, 268 p. (In Russian and Altai).

Bredis M.A., Dimoglo M.S., Lomakina O.V. Paremias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 265-284. DOI: https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284. (In Russian).

Bredis M.A., Lomakina O.V., Mokienko V.M. Proverb in modern linguistics: definition, status, functioning. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2019, no. 3, pp. 34-43. (In Russian).

Dushenkova T.R. Emociosfera udmurtskoj jazykovoj kartiny mira [The Emotiosphere of the Udmurt Linguistic Worldview]. Izhevsk, Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury Udmurtskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra Ural'skogo Otdelenija Rossijskoj Akademii nauk, 2020, 324 p. (In Russian).

Zvarich V.V. Numizmaticheskij slovar' [Numismatic Dictionary]. L'vov, Vishha shkola, 1979, 338 p. (In Russian).

Karel'skie poslovicy i pogovorki = Karjalazet sananpolvet da sananpiät = Karjalaiset šananlaškut ta šananpolvet [Karelian Proverbs and Sayings]. Petroskoi, Periodika, 2011, 240 p. (In Russian and Karelian).

Kitikov A.E. Svoeobrazie poslovic i pogovorok finno-ugorskih narodov Povolzh'ja i Priural'ja (k probleme nacional'nogo i internacional'nogo) [Distinctive Features of Proverbs and Sayings of the Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Regions (to the Issue of the National and International)]. Joshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut, 1989, 176 p. (In Russian).

Kovshova M.L. Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury. [Linguistic and Cultural Method in Phraseology: Codes of Culture]. Moscow, Knizhnyj dom LIBROKOM, 2012, 456 p. (In Russian).

Kozerenko A.D., Krejdlin G.E. Frazeologicheskie somatizmy i semioticheskaja konceptualizacija tela [Phraseological somatisms and semiotic conceptualization of the body]. *Voprosy jazykoznanija*, 2011, no. 6, pp. 54-66. (In Russian).

Komi voityrlön shus'ög»ias da kyviöz»ias. Polovicy i pogovorki komi naroda [Komi Proverbs and Sayings]. Syktyvkar, OOO «Komi respublikanskaja tipografija», 2023, 208 p. (In Komi and Russian).

Lomakina O.V. Frazeologija v tekste: funkcionirovanie i ideostil' [Phraseology in a Text: Functioning and Ideostyle]. Ed. V.M. Mokienko. Moscow, Rossijskij universitet druzhby narodov, 2018, 344 p. (In Russian).

Lomakina O.V., Ovchinnikova G.V. Frazeoobrazujushhij potencial somatizma Serdce / Sœur / Herz v russkom, francuzskom, nemeckom jazykah [Phrase-forming potential of the somatism Heart / Cœur / Herz in Russian, French, German]. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, pedagogy, psychology*, 2021, no. 1, pp. 19-28. (In Russian).

Kitikov A.E. Marij kalyk ojpogo: Kalykmut-vlak – Svod marijskogo fol'klora: Poslovicy i pogovorki [Collection of Mari Folklore: Proverbs and Sayings]. Joshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii im. V.M. Vasil'eva, 2004, 208 p. (In Mari and Russian).

Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. Bol'shoj slovar' russkih poslovic [Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, ZAO «OLMA Media Grupp», 2010, 1024 p. (In Russian).

Panina T.I. Simvolika cveta v udmurtskoj narodnoj medicine [Symbolism of color in Udmurt folk medicine]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2013, pp. 34-49. (In Russian).

Paremiologija na perekrestkah jazykov i kul'tur [Paremiology at the Crossroads of Languages and Cultures]. Eds. E.E. Ivanov, O.V. Lomakina. Moscow, Rossijskij universitet druzhby narodov, 2021, 246 p. (In Russian).

Polnoe sobranie zakonov'' Rossijskoj Imperii. Sobranie vtoroe. Tom'' XIV. Otdelenie pervoe. 1839. Ot № 11909 – 13043 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Volume XIV. First Section. 1839. From No. 11909–13043]. Saint-Petersburg. V'' tipografii II Otdelenija Sobstvennoj E.I.V. Kanceljarii, 1840, 1180 p. (In Russian).

Poslovicy i pogovorki tuvinskogo naroda [Tuvan Proverbs and Sayings]. Ed. B.K. Budup. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo; Raduga Tuvy, 2020, 112 p. (In Tuvan and Russian).

Poslovicy, pogovorki i zagadki kalmykov Rossii i ojratov Kitaja [Proverbs, Sayings and Riddles of the Kalmyks of Russia and the Oirats of China]. Elista, APP «Dzhangar», 2007, 839 p. (In Kalmyk and Russian).

Seliverstova E.I. Prostranstvo russkoj poslovicy: postojanstvo i izmenchivost' [The Space of Russian Proverb: Constancy and Variability]. 2nd ed. Ed. V.M. Mokienko. Moscow, FLINTA: Nauka, 2017, 296 p. (In Russian).

Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Ed. A.P. Evgen'eva. 3nd ed. Moscow, Russian Language, 1985-1988, 2982 p. (In Russian).

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. Tom 4, kniga 1. Poslovicy, prislov'ja i pogovorki [Oral Poetic Folklore of the Mordvin people. Vol. 4, book 1. Proverbs, Folksays and Sayings]. Saransk, Nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury, istorii i economiki pri Sovete Ministrov Mordovskoj ASSR, 1967, 375 p. (In Mordovian and Russian).

Udmurtskij fol'klor: Poslovicy, aforizmy i pogovorki [Udmurt Folklore: Proverbs, Aphorisms and Sayings]. Ed. T.G. Perevozchikova. Ustinov, Udmurtija, 1987, 276 p. (In Udmurt and Russian).

Adalberg, Samuel. Księga przysłów porzypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. Zebrał i oprac. Samuel Adalberg. Warszawa, Druk Emila Skiwskiego, 1894, 865 p. (In Polish).

Kuusi M. Mind and Form in Folklore. Selected Articles. Ed. Henni Ilomäki. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1994, 199 p. (In English).

Mi meles, se i keles. Vepsläižed muštatišed = Chto na ume, to i na jazyke. Vepsskie poslovicy i pogovorki [What the Heart Thinks the Tongue Speaks. Vepsian Proverbs and Sayings]. Ed. O.Yu. Zhukova. Petrozavodsk, Periodika, 2018, 96 p. (In Vepsian and Russian).

Milzere M. Latviešu sakāmvārdi un parunas. Ed. M. Milzere. Rīga, Zvaigzne ABC, 1998, 144 p. (In Latvian).

Opincāne B. Latgaļu parunas un sokomvōrdi. Ed. B. Opincāne. Rēzekne, Latgolas kul'turnogo centra izdatel'stvo, 2000, 86 p. (In Latgalian).

Sasnauskas P. Lietuvių patarlės ir priežodžiai. Parinko ir parengė spaudai Pranas Sasnauskas. Kaunas, Vaiga, 2006, 238 p. (In Lithuanian).

The Oxford Dictionary of Proverbs. Ed. J. Speake. Oxford University Press, 2008, 388 p. (In English).

Wander K.-F.-W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Leipzig, F.A. Brockhaus, 1867–1880, pp. 1-5. (In German).

Yankah K. Do Proverbs Contradict? in Wise words Essays on the proverb. Ed. Wolfgang Mieder. New York, London, Garland, 1994, XXIII, pp. 127-142. (In English).

Yurtbaşı M. A Dictionary of Turkish Proverbs. Ankara, Turkish Daily News, 1993, 654 p. (In Turkish and English).

Бредис Михаил Алексеевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
филологического факультета
Российского университета
дружбы народов
им. Патриса Лумумбы (РУДН),
г. Москва
e-mail: briedis@yandex.ru

Michael Bredis
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of
Foreign Languages of
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba,
Moscow
e-mail: briedis@yandex.ru

УДК 811.511.12
DOI 10.51254/2312-0312-2024-4-68-22-35

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СААМСКИХ ПОСЛОВИЦ

© 2024 г. О.Н. Иванищева

Введение. Актуальность и новизна исследования состоит в том, что в работе впервые анализируется способ категоризации мира в пословицах кильдинского саамского языка. **Цель работы** – описание метафорических моделей, лежащих в основе пословиц кильдинского саамского языка и позволяющих выявить общее и специфическое в осмыслении мира коренным народом Севера. **Материалы и методы.** Материалом исследования стали более 200 саамских пословиц, проанализированных с использованием когнитивной методики. **Результаты исследования, обсуждение.** Выделены группы пословиц с антропоморфной, натуроморфной, социоморфной и артефактной метафорами. Показано, что метафорическое моделирование в саамских пословицах отражает смысловые оппозиции «Труд / Безделье», «Богатый / Бедный», «Друг / Враг», «Порождающее / Порождаемое», «Проявление / Непроявление», «Соответствия / Несоответствия», «Исполнимость / Неисполнимость». **Заключение.** Смысловые доминанты саамских пословиц подчеркивают важность традиционных хозяйственных занятий в жизни этноса и значимость практического опыта, используемого для выживания в сложных климатических условиях.

Ключевые слова: кильдинский саамский язык; пословицы; метафора; метафорические модели.

Введение

Паремиологический фонд языка коренных малочисленных народов Севера – неиссякаемый источник народной мудрости, имеющий особую ценность в связи с постепенным исчезновением языка и культуры в условиях отсутствия полноценной языковой среды. В последние годы интерес к паремиологии народов России проявляют не только фольклористы, но и лингвисты: проводятся разноаспектные исследования паремиологического материала [Ломакина, 2022], в т.ч. сравнительно-сопоставительного характера [Бредис, 2023; Бредис, Иванов, 2021; Зиновьева, Алёшин, Цховребов, 2024; Ломакина, 2024].

Саамы России (кольские саамы) проживают на территории Кольского полуострова, который входит в состав Мурманской области. Современные исследователи отмечают обособленность саамской культуры и ее самобытность, во многом определяемую спецификой климатических условий Крайнего Северо-Запада Европы, в которой обитает этот народ, и основанную на глубоком единении человека с природой.

Саамский язык во всем многообразии его диалектов (в иной терминологии – кольско-саамских языков) составляет отдельную группу финно-угорской ветви уральской семьи языков. В языке российских саамов, помимо кильдинского диалекта (языка), выделяются йоканьгский, бабинский и нотозерский диалекты (языки). Исследование кильдинского саамского языка осуществлялось в работах российских ученых, в первую очередь в работах Г.М. Керта [1966; 1967; 1971], а также в диссертации Г.В. Костиной [2006] и в статьях и словарях автора настоящей работы (см. [Цветова, 2022]). Рассмотрен ценностный потенциал саамских паремий (пословиц, поговорок, примет и устойчивых сравнений) [Антонова, 2022; Иванищева, 2022]. Но в целом саамская паремиология описана недостаточно: нет исследований по специфике образной системы саамских паремий, не проанализировано явление вариативности паремиологических единиц саамского языка и т.д. В ситуации преобладания устной формы существования кильдинского саамского языка, ограниченного количества носителей и разного уровня знания ими родного языка такие аспекты изучения особенностей саамского языка являются актуальными.

В настоящей работе впервые анализируется способ категоризации мира в языке кольских саамов (на примере пословиц кильдинского саамского языка).

Цель статьи – описать метафорические модели, лежащие в основе пословиц кильдинского саамского языка и позволяющие выявить общее и специфическое в осмыслении мира коренным народом Севера. Под метафорической моделью мы, вслед за А.П. Чудиновым, понимаем существующую в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами – сферой-источником и сферой-магнитом, а при анализе языкового материала в настоящем исследовании использованы группы моделей, выделенные с учетом понятийной дифференциации сфер-источников метафорического моделирования [Чудинов, 2004, с. 94].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили более 200 саамских пословиц, отобранных путем сплошной выборки из саамско-русского словаря [СРС, 1985] и методом опроса носителей саамского языка (информанты – Антонова Галина Емельяновна и Юлина Ульяна Михайловна; далее – АГЕ, ЮУМ).

Мы придерживаемся широкого понимания паремии, основываясь на мнении В.М. Мокиенко [Бирих, Ломакина, Николаева, Селиверстова, Степанова,

2020, с. 429; Мокиенко, 1989, с. 114–126; Мокиенко, Никитина, 2008, с. 8]. Принципиальным для нашего исследования является позиция, согласно которой конструкции с компаративной структурой типа *Судьба – индейка, жизнь – копейка* находятся на периферии двух сфер: пословиц и устойчивых сравнений [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 8]. Поэтому конструкции кильдинского саамского языка типа *Ныдтьӄ куарр, пӓй нӣввьл нюррк* ‘Так шьёт, что иголка свистит’; *Мӧджьтэнне сӓррн, кӧххт цызга лӓввлэв* ‘Так красиво говорит, как птички поют’ [ЮУМ, запись 2021 г.] определяются в нашем исследовании как пословицы. Кроме того, к саамским паремиям мы относим группу клише, которые Г.Л. Пермяков называет целыми рассказиками или сценками [1979, с. 13]. Например, сценка сватовства: *Лышэ чӓйй нӓбпа вӓлач мыйе. Самэ мӣлсэмусс мануь лӓннч. – Нӯрӓ вӓл лӣ я кӧз? – Нӓ, кӗ ӓллк пӓhкэ сӧн лыхкэ!* ‘Лишь бы чашечку чая нам наливала. Самая любимая невестка для нас будет. – Молода еще и куда же еще? – Да, ну кто же будет заставлять ее работать?’ [ЮУМ, запись 2021 г.].

Объектом исследования в настоящей работе являются пословицы, содержащие метафорический перенос, а предметом – модели, по которым создаются данные паремиологические единицы кильдинского саамского языка.

Методы исследования – лингвокультурологический анализ, методы опроса и анализа словарных дефиниций. Исследование саамских пословиц проводилось с использованием когнитивной методики, согласно которой метафора рассматривается как способ познания и понимания мира [Чудинов, 2004, с. 91]. Этапами в исследовании метафор, объективированных в форме пословиц, стали ответы на следующие вопросы: какие понятийные сферы охвачены содержанием пословиц, какие смысловые доминанты отмечены и какие смысловые оппозиции отражены в них. При определении смысловых оппозиций мы придерживаемся позиции Г.Л. Пермякова о том, что пословицы – это знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами, а тематические группы пословиц основаны на парах конструктивных типов (логических форм) [Пермяков, 1979, с. 17, 33], формулировки которых и были использованы в настоящей работе.

Результаты исследования, обсуждение

Многочисленными исследованиями паремиологического фонда разных языков доказано, что пословицами охвачены все культурно значимые ситуации в данном языковом пространстве (см., например [Китиков, 2004]). Как утверждал И.М. Снегирев, «пословицы как правило народного благоразумия имеют почти одинаковый смысл у всех племен древних и новых, <…> ибо понятия об отношениях общественных, о добре и зле почти одинаковы в пословицах у всех народов» [2019, с. 5]. И тем не менее «нельзя не признать, что мир в пословицах изображен с антропологических позиций, отражающих

отношение человека к миру, к определенным предметам действительности, составляющим этот мир» [Ковшова, 2017, с. 82].

Пословицы кильдинского саамского языка разделяются на группы пословиц, не содержащих и содержащих метафорический перенос.

Пословицы, не содержащие метафорический перенос

По Г.Н. Казыро, содержательная сторона пословиц, не представляющих метафору, не исчерпывается значением, совпадающим с внутренней формой [Казыро, 2014, с. 112]. В саамском языке пословицы, не содержащие метафору, отмечены наличием прагматических компонентов (предупреждения, жизненные советы, представление опыта) (1) и определенной коннотации (обычно имплицитной) (2). Эти пословицы – тексты сентенционного типа, которые представляют собой суждение по поводу действительности, обобщение, основанное на типичных фактах и типичных проявлениях в поведении людей [Ильенко, 1985], и объединяют понятийные сферы «Качества» и «Отношения»: (1) *Выннь̓ югке о̄ллмэ лыһк мӣлхэмэссень̓* ‘От вина любой человек становится безумным’ [СРС, 1985, с. 68]; *Кӗ ӗнӗсь, ажесь ныллашт, тэдт шэ ля̄ннч ӣджесь* ‘Кто мать, отца обижает, тому [на долю] то же выпадает’ [СРС, 1985, с. 103]; *Кӯһт мӣллвэсь а̄кь оарртэдтмэнь̓ ка̄нь̓ц рыһчев* ‘Две умные женщины, ссорясь, недостатки друг друга прикрывают, две дуры – раскрывают’ [СРС, 1985, с. 130]; (2) *Ӣннь̓къенне со̄нн па̄рнатъ̓ паяннт* ‘Она душевно растит детей’ (комментарий информанта: *постоянно опекает детей, даже когда они выросли*) [АГЕ, запись 2021 г.].

Пословицы, содержащие метафорический перенос

Саамские пословицы, содержащие метафорический перенос, которые и являются объектом нашего внимания в данной работе, могут быть разделены на группы пословиц с антропоморфной, натуроморфной, социоморфной и артефактной метафорами. А.П. Чудинов выделяет эти типы на основании концептов, в рамках которых осознаются социальные реалии, актуализированные в пословице: антропоморфная метафора формируется, когда человек моделирует социальную реальность по своему подобию, натуроморфная – когда он осознает социальные реалии в концептах мира окружающей человека живой и неживой природы, в социоморфной метафоре использованы концепты из социальной сферы, а артефактная метафора представляет реалии как предметы, созданные трудом человека. При метафорическом моделировании человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы [Чудинов, 2004, с. 91, с. 94]. Поэтому выявление элементов понятийной сферы-источника составляет важную часть описания наивной картины мира саамского народа.

В **антропоморфной метафоре** используются образы, отсылающие к разным областям жизни человека: *Кӗ мануедъ̓ пуадт, тэдт пӯййтэсь альн оарр*

‘Кто поздно приходит, тот посидит на собственном жире’ [СРС, 1985, с. 103]; *Вышилэсь о̄ллмэсьт я̄лл лӣ, ла̄шшькнсь о̄ллмэсьт куэдтӈ я тэдт лӣ ра̄йк* ‘У работящего человека всё есть, у ленивого – вежа (шалаш, сложенный остроконечно из жердей и покрытый хворостом, мхом и дёрном. – *О.И.*) и та дырявая’ [СРС, 1985, с. 70]; *Тӯетӈ ель ӣшшьт!* ‘Работу лучше не приберегай (не откладывай)’ [ЮУМ, запись 2021 г.]; *Ва̄птэгк поарр, а ва̄йваш а̄ммсалл* ‘Богач ест, а бедняк только зевает’ [СРС, 1985, с. 37]; *Вӣресь чалльм уййн то̄н ся̄гкнэгэтӈ* ‘Глазу недруга твои ошибки кажутся страшнее, чем глазу друга’ [СРС, 1985, с. 45].

В этой группе элементы понятийной сферы отражают смысловые оппозиции «Труд / Безделье», «Богатый / Бедный», «Друг / Враг» [Пермяков, 1979, с. 36–38], основанные на сопоставлении предметных опорных слов (место, время, статус). Смысловые доминанты пословиц этой группы – работа и пустое времяпрепровождение, дружба и вражда, люди, владеющие / не владеющие ценностями. В саамских пословицах поощряется желание много трудиться, быть объективным в оценке себя и окружающих. Смысл пословиц этой группы подтверждает особое внутреннее сходство пословичного фонда разных языков и актуализирует общечеловеческие ценности. Ср.: *Лыгк вуайй а̄ррвдэ мануа, куэсь со̄н кӣркха лӣ* ‘Работу можно оценить только после её завершения’ (саам.) [СРС, 1985, с. 173]; *Какое начало, такой и конец* (мокша и эрзя) [Пермяков, 1979, с. 274]; *Законченное дело пахнет розами* (турк.) [Пермяков, 1979, с. 277]; *Начатое дело считай сделанным* (фин.) [Китиков, 2004, с. 218]; *Венец – всему делу конец* (рус.) [Мокиенко, 2008, с. 111]; *Всякое дело концом славится* (рус.) [Зимин, 2020, с. 128].

Этнолингвомаркёры (термин предложен О.В. Ломакиной [2022, с. 9]) в данной группе пословиц ограничены словами тематической группы «Жилище» и «Животные» (вежа, олень).

Натуроморфная метафора отсылает к миру растений и животных, а также к миру неживой природы. Так, *фитоморфная метафора*, применяемая для актуализации смыслов в саамских пословицах, использует образ деревьев и грибов: *Манӈтэ мӯрр пуэлл, мука э сӯвв пэ̄йянт* ‘Какое дерево горит, такой дым поднимается’ [АГЕ, запись 2021 г.]; *Лышше чедт ва̄шшь нюамах, э̄дтэм кэххчев* ‘Пока через густой лес (чащу) пройдёшь, без сил останешься’ [АГЕ, запись 2021 г.]; *Манӈтэ лӗв вуанntас, мугка шэ лӗв ла̄дӈв* ‘Каковы корни, такова и вершина’ [СРС, 1985, с. 182]; *Ко̄шшкма пӗзнсьт ма̄ль эгк ва̄льт* ‘Из высохшей сосны сока не получишь’ [СРС, 1985, с. 119]; *Ко̄з кӯмпар шаннт, тэз э мя̄рркан* ‘Где гриб вырос, там и сгниёт’ [АГЕ, запись 2021 г.].

В этой группе элементы понятийной сферы отражают смысловую оппозицию «Порождающее / Порождаемое», основанную на сопоставлении предметных (растение) и акциональных (расти, проходить) опорных слов. Смысловые

доминанты пословиц этой группы выявляют значимость такой части обитаемого саамским этносом пространства, как деревья. Кроме того, пословицы подчеркивают важность труда, усилий для преодоления трудностей и роль наследственных факторов в поведении человека. Использование образов в таких пословицах связано с местными особенностями: скудная растительность Кольского Севера – объект особого внимания коренного народа, а грибы – любимое лакомство северных оленей. (См. комментарий известного переводчика, учителя саамского языка и общественного деятеля Александры Антоновой: «Олени очень любят грибы, ох, как любят! Как только в начале июля грибы появились, бригадир отправляет пастухов следить, чтобы олени из нашей тундры териберской не ушли в воронинскую или ловозерскую тундру. Они за грибами пойдут – до Москвы дойдут, лишь бы грибы были!» [Эрштадт, 2014, с. 202]).

Зооморфная метафора представлена многочисленными примерами образа северного оленя: *Пуаз нӣлье ю̄лькэнь лӣ ныдть шэ кӧ̄фксувант* ‘Олень о четырех ногах – и то спотыкается’ [СРС, 1985, с. 126]; *Коале пальтэсь элькэ чӯдзъе каррэ, тэль е пӯдзэть пӯдӭ кӗ̄джь* ‘Если волк начал в стадо бегать, оленям пришел конец’ [СРС, 1985, с. 247]; *Пудзэ ва̄лшэть едть чӯрьвэ мӣлльтэ* ‘Оленя выбирают не по рогам’ [СРС, 1985, с. 268].

Северный олень – основа традиционных хозяйственных занятий кольских саамов. Олень в быту саама – все: и пища, и средство передвижения, и источник побочных заработков [Чарнолуский, 1930, с. 23]. В кильдинском саамском языке представлено 11 тематических групп оленеводческой лексики: «Наименования оленя», «Наименования действий оленя», «Наименования, связанные с содержанием и выпасом оленей» и др. [Эрштадт, 2014, с. 51].

Однако рыболовство – более древнее занятие саамов, чем оленеводство. Оно всегда занимало первое место по значению в жизни народа, поскольку доставляло саамам доход [Иванищева, 2017, с. 17]. Это традиционное занятие представлено в образах пословичных текстов: *Кӯлль лӣ пай чӓзесьт, нэ са̄ййм лӣ тоаййв стӗнэсьт* ‘Рыба всегда в воде, а сеть чаще на стене’ [СРС, 1985, с. 131]; *Лӯз вуэйвэсьт ӗнамп пӗркэ лӣ, мэ̄нн ва̄ййвшэсьт* ‘В голове сёмги больше еды, чем у бедняков в запасе’ [СРС, 1985, с. 168]; *Мунн эмм лӓ̄ кӯлль, кӧ̄н то̄нн сӓ̄пптэлак* ‘Я не рыба, которую ты используешь в качестве наживки’ [СРС, 1985, с. 198].

Кроме того, в саамских пословицах используются образы других представителей животного мира (ворон, куропатка, волк, медведь), в том числе объектов хозяйственной деятельности саамов (оленегонная) собака, овца): *Ка̄рьнэсь эйй стуэй ӗнукрэмуж* ‘Ворон не стоит выстрела’ [СРС, 1985, с. 102]; *Кӧ̄ххт уткэв пуэресь пӗннэ, выдть шэ угкэв кудца* ‘Как лают старые собаки, так же лают и щенки’ [СРС, 1985, с. 126]; *Вуэдтэй пальтэсь эйй по̄р ла̄ммпас* ‘Спящий волк овцу не съест’ [СРС, 1985, с. 60]; *Пэря рыhп кӣдэсьт, мэ̄нн та̄лл ва̄ресьт* ‘Лучше куропатка в руках, чем медведь в лесу’ [СРС, 1985, с. 274].

Мир неживой природы (ландшафт, климат) отражен в пословицах саамского народа в образах водного пространства и упоминаний времен дня и года.

Образ водного пространства в саамских пословицах преобладает: *Куэссь удць вуая кӧллкэв эфт сайе, танна шаннт шӯрр ёгк* ‘Когда маленькие ручейки стекаются в одно место, образуется большая река’ [СРС, 1985, с. 137]; *Кыдт чӑдзь манн, гӯ ужла пуаз вуагк* ‘Весенняя вода идёт, как олень во время сезонной миграции бежит, ничто его (её) не остановит’ [АГЕ, запись 2021 г.]; *Кыдт чӑзесьт ли шӯрр вӣгк* ‘У весенней воды сила велика’ [АГЕ, запись 2021 г.]; *Юэв ӯвьрэсьт лӣ ӭннэ сahке* ‘В тихом озере много червяков’ [СРС, 1985, с. 430]. Актуализация образа воды в саамских пословицах обусловлена способом жизни саамского народа. Главной причиной, по которой саамы стали заниматься предпочтительно рыбной ловлей, исследователи и этнографы называют саму природу, благоприятствующую этому промыслу [Иванищева, 2017, с. 18].

Климат заполярных территорий, на которых веками жили саамы, представлен в метафорических моделях пословиц с утилитарной точки зрения: *Кӭссь ӭннэ шэ̄ннтадт, тӑлльв пугк поарр* ‘Лето много рождает, зима всё съедает’ [СРС, 1985, с. 108]; *Ыйй элля ныдтҍ куhкь, штобэ эйй пуадче пӭййв* ‘Ночь не так длинна, чтобы не пришел день’ [СРС, 1985, с. 418].

В группах зооморфной метафоры и метафоры, представляющей образы неживой природы, элементы понятийной сферы отражают смысловую оппозицию «Проявление / Непроявление», актуализирующую наличие одной вещи, которая проявляется в наличии другой [Пермяков, 1979, с. 134–136]. Смысловые доминанты пословиц этих групп выявляют важность традиционных хозяйственных занятий в жизни этноса. Кроме того, пословицы подчеркивают значимость практического опыта, используемого для выживания в сложных климатических условиях.

Этнолингвомаркёры в группе пословиц с натуроморфной метафорой представлены гораздо шире, чем в группе с антропоморфной метафорой: это названия представителей животного и растительного мира, существование которых тесно связано с практической деятельностью и бытом саамов.

Социоморфная метафора охватывает понятия социальной сферы (занятия, трудовая деятельность, семейная и социальная жизнь, традиции): *Кӯль шыллей эйй тӣдҍ, мэ̄нн со̄нн соагк* ‘Рыбак не знает, что он поймает’ [СРС, 1985, с. 131]; *Кӧххт ӣлеть. кӧххт ӭльбедтэ, ныдтҍ е кӯсстъебпе* ‘Как жили / как живёте, так о вас и слышно (как жили / как живёте, так вас и видят)’ [АГЕ, запись 2021 года]; *Тӧлхэм коавас лӣ гӯ кӑлльм* ‘Кувакса (традиционное саамское жилище, чум. – *О.И.*) без огня как могила’ [СРС, 1985, с. 356].

Особую группу социоморфных метафор составляют пословицы, которые охватывают сферу свадебных ритуалов. Как показал анализ материала, саамские пословицы представляют в основном традиции сватанья: *Кыррьтэй*

лоанӈт лӧссэ лӣ шылле ‘Летящую птицу трудно поймать’ (о сватанье к девушке) [СРС, 1985, с. 143]; *Лыййн вёррц эйй мэ̄н тӯввнсэнӈ цуӆӆка* ‘Рогожа не идет для заплаты к шёлку’ (о никчёмном парне, сватающемся к умной работящей девушке) [СРС, 1985, с. 174]; *Мунэсьт нӣййт элля кэ̄ллм шӣбп, пӯдтэкӈ курас кӣдэгуэйм сӯнӈъе* ‘У меня дочь не холодный снег, пришел сватать с пустыми руками’ (комментарий информанта: *надо согреть душу подарком, а потом вести разговор*) [ЮУМ, запись 2021 г.]; *Касьт вӣлтак кыррьтэй пэвлэтӈ* ‘Откуда возьмешь (ждешь) летящие облака’ (комментарий информанта: *при сватовстве родители уговаривают дочь выйти замуж за парня, который сватает; не гоняйся за летящими облаками*) [ЮУМ, запись 2021 г.]; *Воалльтэнӈ вӣллкесь нюххч, а кӣвьсэнӈ вӯрченӈ* ‘Взяли (сосватали) белую лебедушку, а превратили в ворону’ [ЮУМ, запись 2021 г.].

В группе социоморфных метафор элементы понятийной сферы отражают смысловую оппозицию «Соответствия / Несоответствия» [Пермяков, 1979, с. 48–49], основанную на сопоставлении предметных (дом, игра) и акциональных (сватать, быть, жить) опорных слов. Смысловые доминанты пословиц этой группы соответствуют смысловым доминантам пословиц разных народов: труд, работа, дом и семья – важное в жизни человека, а о человеке судят по его поступкам. Ср.: *Лыӈк ӧ̄ллмэ эйй тоарм* ‘Работа человека не портит’ (саам.) [СРС, 1985, с. 173]; *От работы человек молодеет* (бурят.); *После работы еда вкуснее* (тувин.); *Работящий человек никогда не пропадет* (якут.) [Пермяков, 1979, с. 456]; *Терпенье и труд все перетрут* (рус.) [Зимин, 2020, с. 81]; *Терпенье и труд дивные всходы дают* (рус.) [Мокиенко, 2008, с. 903]. Реалии саамской культуры востребованы для создания образа в этой группе, но употребление этнолингвомаркёров здесь ограничено.

Артефактная метафора в пословицах кильдинского саамского языка использует образы предметов, созданных руками человека: *Выннӈ я вӣптэг лыӈк вӣййвшенӈ* ‘Вино и богатого превращает в бедняка’ [СРС, 1985, с. 68]; *Кӣммьн ӣффк чӣйнэгкь, чӣйнэӈкь ӣффк кӣмьн, нэ сыйй кӯӈтэ лёв коажьга* ‘Котёл ругает чайник, чайник ругает котёл, а в копоти они оба’ [СРС, 1985, с. 110]; *Эфтэнӈ оарьенӈ вӯййкэсьт эгк суткэль* ‘С одним веслом прямо не поплывешь’ [СРС, 1985, с. 425]; *Шӯвв пыссе шыл ӣджь пуадт* ‘К хорошему ружью добыча сама придет’ [СРС, 1985, с. 413]; *Сӣййм ӧ̄лк альн эйй шыль нимэ̄нн* ‘Сеть на вешалах (устройство для просушки чего-либо в подвешенном состоянии. – *О.И.*) ничего не поймает’ [СРС, 1985, с. 313]; *Тӧ̄нн шэ эгк лӣййма цӣӈукнэнӈ сӧ̄н кӧ̄ввсэсьт* ‘Ты же не был жердью в его куваксе’ [СРС, 1985, с. 357].

Реалии, с которыми связаны метафорические образы в этой группе пословиц, отражают национальную специфику занятий и традиций этноса (приготовление пищи, рыболовство, выделка шкур, охота, изготовление жилища и др.), а метафорический перенос – смысловую оппозицию «Исполнимость

/ Неисполнимость» [Пермяков, 1979, с. 46], основанную на отрицании идеи, выраженной акциональными опорными словами (*быть/не быть, добыть/не добыть, приплыть/не приплыть* и др.). Смысловые доминанты пословиц этой группы соответствуют смысловым доминантам пословиц разных народов и актуализируют оценку стремлений человека и его пути достижения цели: умение выдержать испытания, владеть собой. Ср.: *Мун лӣ тӯллтма ēннэ лӣмэнь* ‘Я сварен во многих бульонах’ (саам.) [СРС, 1985, с. 197]; *Помучится и человек получится* (фин.) [Китиков, 2004, с. 222]; *Тому, кто промок под дождем, роса не страшна* (эвен.); *Мокрый сырости не боится* (карел.) [Пермяков, 1979, с. 231–232]; *Мокрый дождя не боится* (рус.) [Мокиенко, 2008, с. 287]; *Прошел огонь, воду и медные трубы* (рус.) [Зимин, 2020, с. 21]. Вопреки ожиданиям использование этнолингвомаркёров в этой группе также немногочисленно.

Кроме метафорических моделей, исследователи выделяют метонимические модели. Такие пословицы среди саамских, как показал анализ материала, встречаются редко, например, в пословице, реализующей метонимическую модель по типу синекдохи «животное → мясо животного» [Бирих, 1995, с. 66]: *Пӯдзэ вуэннч, пӣкесьт чуэннч* ‘Мясо оленя ещё на горе стоит’ (комментарий информанта: *когда продают мясо или обещают, что оно есть в наличии; так говорят, когда кто-то много обманывает или обещает сделать невыполнимое*) [ЮУМ, запись 2021 г.].

В целом установки пословиц кильдинского саамского языка отражают общечеловеческие ценности: труд и семья превыше всего, живи по законам чести и уважения к другим, сила и жизненный опыт приходят с годами, но содержат и особое отношение к некоторым проявлениям человеческого поведения (у саамов многословие не в почете, болтун для них – это прежде всего врун [СРС, 1985, с. 103]; когда рыбак теряет надежду, то, по мнению саамов, все потеряно [СРС, 1985, с. 137]; не следует поступать наперекор приметам [СРС, 1985, с. 351]).

Заключение

Пословицы кильдинского саамского языка могут содержать или не содержать метафорический перенос.

В пословицах, не содержащих метафорический перенос, актуализируются типичные факты и проявления в поведении людей в рамках понятийных сфер «Качества» и «Отношения».

В пословицах, содержащих метафорический перенос, реализуются четыре модели: с антропоморфной, натуроморфной, социоморфной и артефактной метафорами, анализ которых позволяет представить наивную картину мира саамского народа. Метафорическое моделирование в саамских пословицах происходит в рамках понятийных сфер, отражающих смысловые оппозиции «Труд / Безделье», «Богатый / Бедный», «Друг / Враг», «Порождающее / По-

рождаемое», «Проявление / Непроявление», «Соответствия / Несоответствия», «Исполнимость / Неисполнимость». Использование этнолингвомаркёров как компонентов, которые являются национально-специфическими, в тексте пословиц кильдинского саамского языка представлено достаточно ограниченно, что оправдано сутью паремиологического дискурса: не просто отразить быт, нравы обычаи и другие особенности создавшего пословицы народа, но и актуализировать их общий смысл, общую логическую форму их содержания по сравнению с пословицами других народов [Пермяков, 1979, с. 17]. Последнее подтверждается наличием смысловых параллелей пословиц саамского и других языков.

Смысловые доминанты саамских пословиц актуализируют оценку стремлений человека и его пути достижения цели, умение выдержать испытания, владеть собой, приоритизируют труд, работу, дом и семью, выявляют важность традиционных хозяйственных занятий в жизни этноса, подчеркивают значимость практического опыта, используемого для выживания в сложных климатических условиях. В саамских пословицах поощряется желание много трудиться, быть объективным в оценке себя и окружающих.

Благодарности

Автор выражает благодарность носителю кильдинского саамского языка А.М. Антоновой за помощь в работе с оригинальным пословичным фондом.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АГЕ – Антонова Галина Емельяновна
ЮУМ – Юлина Ульяна Михайловна

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова А.М. Ценностный потенциал саамских паремий как основа обучения родному языку: постановка вопроса // XX Масловские чтения: филология и филологическое образование в региональном аспекте: сб. науч. ст.; науч. ред. Н.А. Шевченко. Мурманск: МАГУ, 2022. С. 250–257.

Бирих А. Метонимия в современном русском языке (семантический и грамматический аспекты). Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1995. 191 с.

Бирих А.К., Ломакина О.В., Николаева Е.К., Селиверстова Е.И., Степанова Л.И. Контрапункты современной фразеологии. К юбилею проф. В.М. Мокиенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 3. С. 425–433.

Бредис М.А. Образ денег как отражение макроконцепта богатство в пословицах разноструктурных языков // Когнитивные исследования языка. 2023. № 2 (53). С. 164–171.

Бредис М.А., Иванов Е.Е. Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 607–615.

Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 736 с.

Зиновьева Е.И., Алёшин А.С., Цховребов А.С. Тувинские паремии с компонентом-религионимом (на фоне других языков) // Новые исследования Тувы. 2024. № 2. С. 40–60. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.3

Иванищева О.Н. Материалы к словарю кильдинского саамского языка. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. Ч. 1. Рыбы. Вода. Рельеф. 65 с.

Иванищева О.Н. Ценностный потенциал саамских примет // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8. № 3. С. 111–123.

Ильенко С.Г. Предложение в текстовом аспекте // Предложение в текстовом аспекте. Вологда: ВГПИ, 1985. С. 6–13.

Казыро Г.Н. Метафорические модели пословиц, репрезентирующих концепт труда (на материале марийского языка) // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 2 (14). С. 111–114.

Керт Г.М. Саамский язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М.: АН СССР, 1966. С. 155–176.

Керт Г.М. Саамская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л.: Наука, 1967. С. 110–115.

Керт Г.М. Саамский язык (кильдинский диалект): фонетика, морфология, синтаксис. Л.: Наука: Ленинград. отд-ние, 1971. 354 с.

Китиков А.Е. Пословицы и поговорки финно-угорских народов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2004. 336 с.

Ковшова М.Л. К вопросу о культурной референции пословиц (на материале русских пословиц с образами одежды) // Слово. ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8. № 3. С. 67–93.

Костина Г.В. Вокалическая система кильдинского диалекта саамского языка в свете русско-саамской интерференции: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2006. 175 с.

Ломакина О.В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16.

Ломакина О.В. Концепт «дети» в системе традиционных ценностей этноса (на материале паремий неродственных языков) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1–2 (57). С. 58–62.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 287 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 800 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.

Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1979. 671 с.

Снегирев И.М. Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 182 с.

СРС – Саамско-русский словарь / Н.Е. Афанасьева, Р.Д. Куруч, Е.И. Мечкина и др.; под ред. Р.Д. Куруч. М.: Рус. яз., 1985. 568 с.

Цветова Н.С. Словари кильдинского саамского языка в контексте современных лексикографических тенденций // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. 2022. № 3. С. 111–118.

Чарнолуский В.В. Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей // Кольский сб. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Л.: Изд-во Акад. наук, 1930. Вып. 23. С. 23–69.

Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 91–105.

Эрштадт А.М. Лексика традиционных хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка): дис. … канд. филол. наук. Мурманск, 2014. 320 с.

Olga Ivanishcheva

METAPHORICAL MODELS OF SAAMI PROVERBS

Introduction. The novelty of the research refers to the analysis of the way of categorising the world in proverbs of the Kildin Saami language. **The purpose of the article** is to describe the metaphorical models underlying the Kilda Sami language proverbs and to identify the common and specific in the understanding of the world of the indigenous people of the North. **Materials and methods.** The material of the article includes more than 200 Saami proverbs. The study was conducted using a cognitive technique. **Results, discussions.** Groups of proverbs with anthropomorphic, naturomorphic, sociomorphic and artifact metaphors are distinguished. It is shown that metaphorical modeling in Sami proverbs reflects the semantic opposition 'Labour / Idleness', 'Rich / Poor', 'Friend / Enemy', 'Generating / Generated', 'Manifestation / Non-manifestation', 'Correspondences / Inconsistencies', 'Fulfillability / Impracticability'. **Conclusion.** The semantic dominants of Sami proverbs emphasize the importance of traditional economic activities in the life of the ethnic group and the significance of practical experience used for survival in difficult climatic conditions.

Keywords: the Kildin Saami language; proverbs; metaphor; metaphorical models.

REFERENCES

Antonova A.M. Cennostnyj potencial saamskih paremij kak osnova obuchenija rodnomu jazyku: postanovka voprosa [The value potential of Sami paremias as a basis for teaching the native language: forming the question]. *XX Maslovskie chtenija: filologija i filologicheskoe obrazovanie v regional'nom aspekte. Sbornik nauchnyh statej*. Murmansk, Murmanskij arkticheskij gosudarstvennyj universitet, 2022, pp. 250-257. (In Russian).

Afanas'eva N.E., Kuruch R.D., Mechkina E.I. et. al. SRS – Saamsko-russkij slovar' [Saami-Russian Dictionary]. Ed. R.D. Kuruch. Moscow, Russkij jazyk, 1985, 568 p. (In Saami and Russian).

Birih A. Metonimija v sovremennom russkom jazyke (semanticheskij i grammaticheskij aspekty) [Metonymy in the Modern Russian Language (Semantic and Grammatical Aspects)]. Munhen, Verlag Otto Sagner, 1995, 191 p. (In Russian).

Birih A.K., Lomakina O.V., Nikolaeva E.K., Seliverstova E.I., Stepanova L.I. Kontrapunkty sovremennoj frazeologii. K jubileju professora V.M. Mokienko [Counterpoints of modern phraseology. to the anniversary of professor V.M. Mokienko]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 425-433. (In Russian).

Bredis M.A. Obraz deneg kak otrazhenie makrokoncepta bogatstvo v poslovicah raznostrukturnyh jazykov [The image of money as a reflection of the macro-concept 'wealth' in proverbs of typologically different languages]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*, 2023, no. 2 (53), pp. 164-171. (In Russian).

Bredis M. A., Ivanov E. E. Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, 2021, no. 11 (4), pp. 607-615. (In Russian).

Zimin V.I. Slovar'-tezaurus russkih poslovic, pogovorok i metkih vyrazhenij [Dictionary-thesaurus of Russian Proverbs, Sayings and Apt Expressions]. Moscow, AST–PRESS SHKOLA, 2020, 736 p. (In Russian).

Zinov'eva E.I., Aljoshin A.S., Chovrebov A.S. Tuvinskie paremii s komponentom-religionimom (na fone drugih jazykov) [Tuvan paroemias with a component-religion (in comparison with other languages)]. *Novye issledovanija Tuvy*, 2024, no. 2, pp. 40-60. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.3. (In Russian).

Ivanishheva O.N. Materialy k slovaru kil'dinskogo saamskogo jazyka [Materials for the Dictionary of the Kildin Saami Language]. Part 1. Ryby. Voda. Rel'ef. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2017, 65 p. (In Russian).

Ivanishheva O.N. Cennostnyj potencial saamskih primet [Value potential of Sami signs]. *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika*, 2022, iss. 8, no. 3, pp. 111-123. (In Russian).

Il'enko S.G. Predlozhenie v tekstovom aspekte [Sentence in the textual aspect]. *Predlozhenie v tekstovom aspekte*. Vologda, Vologodskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 1985, pp. 6-13. (In Russian).

Kazyro G.N. Metaforicheskie modeli poslovic, reprezentirujushhih koncept truda (na materiale marijskogo jazyka) [Metaphorical models of the proverbs representing the concept of labor (on the bases of the Mari language)]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2 (14), pp. 111-114. (In Russian).

Kert G.M. Saamskij jazyk [Saami language]. *Jazyki narodov SSSR, Vol. III. Finno-ugorskie i samodijskie jazyki*. Moscow, Akademija Nauk SSSR, 1966, pp. 155-176. (In Russian).

Kert G.M. Saamskaja pis'mennost' [Saami writing]. *Pribaltijsko-finskoe jazykoznanie. Voprosy fonetiki, grammatiki i leksikologii*. Leningrad, Nauka, 1967, pp.110-115. (In Russian).

Kert G.M. Saamskij jazyk (kil'dinskij dialekt): fonetika, morfologija, sintaksis [The Saami Language (Kildin Dialect): Phonetics, Morphology, Syntax]. Leningrad, Nauka: Leningradskoe otdelenie, 1971, 354 p. (In Russian).

Kitikov A.E. Poslovicy i pogovorki finno-ugorskih narodov [Proverbs and Sayings of the Finno-Ugric Peoples]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2004, 336 p. (In Russian).

Kovshova M.L. K voprosu o kul'turnoj referencii poslovic (na materiale russkih poslovic s obrazami odezhdy) [On the problem of cultural reference of proverbs (the Russian proverbs with images of clothing)]. *Slovo.ru: baltijskij akcent*, 2017, vol. 8, no. 3, pp. 67-93. (In Russian).

Kostina G.V. Vokalicheskaja sistema kil'dinskogo dialekta saamskogo jazyka v svete russko-saamskoj interferencii [Vocal System of the Kildin Dialect of the Saami Language in Light of Russian-Saami Interference]. Ph. D. thesis. Saint-Petersburg, 2006, 175 p. (In Russian).

Lomakina O.V. Tuvinskaja paremiologija: lingvokul'turologicheskij i lingvoaksiologicheskij potencial [Tuvan paremiology: its linguistic and cultural, linguistic and axiological potential]. *Novye issledovanija Tuvy*, 2022, no. 1, pp. 6-16. (In Russian).

Lomakina O.V. Koncept «deti» v sisteme tradicionnyh cennostej etnosa (na materiale paremij nerodstvennyh jazykov) [The concept 'children' in the system of traditional values of the ethnic group (based on the material of paremia of unrelated languages)]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*, 2024, no. 1-2 (57), pp. 58-62. (In Russian).

Mokienko V.M. Slavjanskaja frazeologija [Slavic Phraseology]. 2nd ed. Moscow, Vysshaja shkola, 1989, 287 p. (In Russian).

Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkih narodnyh sravnenij [Dictionary of Russian Folk Similes]. Moscow, ZAO «OLMA Media Grupp», 2008, 800 p. (In Russian).

Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. Bol'shoj slovar' russkih poslovic [Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, ZAO «OLMA Media Grupp», 2010, 1024 p. (In Russian).

Permjakov G.L. Poslovicy i pogovorki narodov Vostoka. Sistematizirovannoe sobranie izrechenij dvuhsot narodov [Proverbs and Sayings of the Peoples of the East. A Systematised Collection of Sayings of 200 peoples]. Moscow, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1979, 671 p. (In Russian).

Snegirev I.M. Russkie v svoih poslovicah: Rassuzhdenija i issledovanija ob otechestvennyh poslovicah i pogovorkah [Russians in their Proverbs: Reflections and Research on Domestic Proverbs and Sayings]. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2019, 182 p. (In Russian).

Cvetova N.S. Slovari kil'dinskogo saamskogo jazyka v kontekste sovremennyh leksikograficheskih tendencij [Dictionaries of the Kildin Sami language in the context of modern lexicographic trends]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija: filologija, pedagogika, psihologija*, 2022, no. 3, pp. 111-118. (In Russian).

Charnoluskij V.V. Zametki o past'be i organizacii stada u loparej [Notes on grazing and herd organization among the Lapps]. *Kol'skij sbornik. Materialy komissii ekspedicionnyh issledovanij*. Leningrad, Akademija nauk, 1930, iss. 23, pp. 23-69. (In Russian).

Chudinov A.P. Kognitivno-diskursivnoe issledovanie politicheskoj metafory [Cognitive-discursive study of political metaphor]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 2004, no. 1, pp. 91-105. (In Russian).

Ershtadt A.M. Leksika tradicionnyh hozjajstvennyh zanjatij kol'skih saamov (na materiale kil'dinskogo dialekta saamskogo jazyka) [Vocabulary of Traditional Economic Activities of the Kola Saami (based on the Material of the Kildin Dialect of the Saami Language)]. Ph. D. thesis. Murmansk, 2014, 320 p. (In Russian).

Иванищева Ольга Николаевна
доктор филологических наук,
профессор кафедры филологии,
межкультурной коммуникации
и журналистики Федерального
государственного автономного
образовательного учреждения
высшего образования
«Мурманский арктический университет»,
г. Мурманск
e-mail: oivanishcheva@gmail.com

Olga Ivanishcheva
Doctor of Philological Sciences,
Professor of the Department of Philology,
Intercultural Communication and Journalism
of Murmansk Arctic University
Murmansk
e-mail: oivanishcheva@gmail.com

УДК 811.511.1:398.91
DOI 10.51254/2312-0312-2024-4-68-36-50

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ*

© 2024 г. Е.Е. Иванов

Введение. Одной из актуальных проблем современной паремиологии как самостоятельного раздела лингвистики является широкий сопоставительный анализ пословичных фондов разных языков и выявление универсальных пословиц. В этом плане пословицы вепсского языка практически не изучены. **Цель исследования** – установить наличие в вепсском языке универсальных пословиц и дифференцировать их основные типы (на широком языковом фоне, исключая финно-угорские языки). **Материалы и методы.** Источниками для исследования послужили сборник «Mi meles, se i keles. Vepsläižed muštatišed» (2018) и ряд наиболее репрезентативных полилингвальных паремиологических словарей. В качестве методологической базы исследования использованы теории межъязыкового сравнения пословиц и теории провербиальных универсалий. **Результаты исследования, обсуждение.** Установлено наличие в пословичном фонде вепсского языка универсальных пословиц (23 % от проанализированных единиц), имеющих пословицы-аналоги (максимально близкие по содержанию и по форме) в языках, которые не являются ни генетически, ни типологически, ни ареально близкими вепсскому языку, а также никогда не имели с ним ни прямых, ни опосредованных контактов (сравнение проводилось на материале сорока языков двух языковых семей – индоевропейской и тюркской). Универсальные пословицы разграничены с интернациональными (заимствованиями из одного языкового и/или текстового источника). Выявленные универсальные пословицы дифференцированы на четыре индуктивных типа (по характеру и порядку их тождества в содержании, лексическом составе, логико-семантической структуре, синтаксической форме) и один дедуктивный тип (по наличию трюистической семантики – отражению общеизвестных, стереотипных, очевидных ситуаций, универсальных для разных этносов и культур). **Заключение.** Выявление в вепсском языке универсальных пословиц позволяет более объективно судить о независимости

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственной программы научных исследований 2021–2025, научный проект № 20211335 (Республика Беларусь).

и самодостаточности его пословичного фонда, а также о степени межъязыковой общности / этнокультурной специфичности вепсских пословиц на фоне пословиц других языков.

Ключевые слова: вепсский язык; пословица; межъязыковое сравнение; индоевропейские языки; тюркские языки; универсальные пословицы.

Введение

Универсальными в пословичных фондах различных народов обычно считаются логические аналоги типичных ситуаций, выраженных в пословицах, а также логико-семантические модели пословиц. Специфическим, в свою очередь, считается набор образов и понятий, с помощью которых разные народы отображают в своих пословицах одни и те же типичные ситуации по одним и тем же логическим моделям. Это подтверждается тем очевидным фактом, что в пословичных фондах самых разных языков мира встречается достаточно много логико-семантических эквивалентов – пословиц с различными образами и понятиями, обозначающих одну и ту же обобщенную мысль об одном и том же явлении социальной или природной действительности.

Однако при внимательном сравнении пословичных фондов различных народов можно обнаружить пословицы не только тождественные по своему содержанию и логической структуре, но и с одинаковым (или весьма близким) набором понятий и образов. Пословицы такого рода допустимо квалифицировать как универсальные, если они зафиксированы в большом количестве разных языков мира. При этом речь не идет обязательно обо всех известных языках, потому что в строгом смысле слова, «для паремиологии более репрезентативны не собственно универсалии, а фреквенталии, поскольку последние, во-первых, более очевидны, а во-вторых, их гораздо легче проверить (из-за отсутствия точных данных об объеме и составе паремиологических фондов большинства языков мира) [Petrusheuskaya, 2019, с. 117].

Выявление универсальных пословиц представляет собой одну из наиболее актуальных проблем изучения пословиц как языковых единиц, особенно в рамках «сравнительно-сопоставительного лингвокультурологического анализа как интегративного аспекта описания паремий» [Бредис, Димогло, Ломакина, 2020, с. 270], а также в плане типологического анализа пословиц различных языков с целью объективного разграничения в национальных пословичных фондах провербиальных универсалий, типологически значимых межъязыковых сходств и различий, а также этно- и/или лингвокультурно детерминированных специфических черт.

Вепсские пословицы практически не изучены как в сопоставительном, так и в типологическом плане. В отдельных работах исследовались белорус-

ские параллели вепсских пословиц с целью определения типологически общего и этноспецифического [Петрушевская, 2022], а также выявления аналогичных пословиц в вепсском и белорусском языках [Петрушэўская, 2023]. Кроме этого, вепсские пословицы привлекались для исследования типологии пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) [Бредис, Иванов, 2021]. Несколько универсальных пословиц в вепсском языке (всего 18 единиц) были установлены ранее при сопоставлении их с белорусскими пословицами [Петрушевская, 2022, с. 499]. Однако пословичный фонд вепсского языка никогда специально не изучался на предмет выявления в его составе всего множества универсальных единиц различных типов.

Цель исследования – установить наличие в вепсском языке универсальных пословиц и дифференцировать их основные типы (на широком языковом фоне, исключая финно-угорские языки).

Материалы и методы

Основным источником вепсских пословиц послужили сборник «Mi meles, se i keles. Vepsläižed muštatišed» О.Ю. Жуковой [VM, 2018], в котором помещено 755 пословиц, для уточнения вариантов которых в ряде случаев использовались сборники «Vepsa vanasõnad: eesti, vadja, liivi, karjala ja vene vastetega» [VV, 1992] и «Пословицы и поговорки финно-угорских народов» А.Е. Китикова [ППФУН, 2004]. Основой для иноязычных пословиц послужили наиболее репрезентативные как по количеству единиц, так и по языковому разнообразию полилингвальные паремиологические словари и сборники М. Кууси [PS, 1985], К. Григаса [PP, 1987], Э. Штрауса [DEP, 1994], Д. Пацолаи [EP, 1997], Д. и А. Сверчинських [SP, 1998], М.Ю. Котовой [РССП, 2000], Х.С. Муньос [RE, 2001], О. Чобаноглу [TD, 2004], Ю.А. Петрушевской [БІС, 2020]. Сопоставление осуществлялось на материале свыше сорока языков тюркской и индоевропейской языковых семей.

Методологической базой исследования явились основные положения современной лингвистической теории пословиц [Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Паремиология, 2021], принципы и приемы межъязыкового сравнения пословиц [Feldman, Ivanov, 2007], методики выявления универсальных пословиц, разработанные на материале различных языков [Петрушевская, 2013; 2023], критерии разграничения универсального, интернационального и национального в пословичном фонде языка [Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021], способы объяснения этнокультурной специфики пословиц-аналогов в разных языках [Бредис, Иванов, 2022; Нелюбова, 2022].

Результаты исследования, обсуждение

Прежде всего необходимо уточнить понятие «универсальная пословица», под которой целесообразно понимать пословицу, имеющую в других языках

пословицы-аналоги (максимально близкие по содержанию, лексическому составу, логико-семантической структуре, синтаксической форме). Количество языков, в которых зафиксированы пословицы-аналоги, в данном случае не так важно, поскольку пословичные фонды большинства языков еще недостаточно изучены и исчерпывающе лексикографически описаны. Главное, чтобы языки, в которых фиксируются пословицы-аналоги, не были генетически, типологически и ареально близкими, а также не имели между собой контактов ни прямых, ни опосредованных другими языками.

При таком понимании универсальности пословиц их круг резко сужается, особенно в случае дифференциации универсальных и интернациональных пословиц. К последним следует относить единицы, которые фиксируются в разных языках, однако происходят (как результат заимствования) из какого-либо одного языка (имеющего превосходство над другими языками в плане своей культурной или коммуникативной значимости, например, латинского или английского) или из какого-либо текстового источника, как правило, широко известного (имеющего общезначимое содержание и/или многочисленные переводы на разные языки, например, Библии).

Например, в вепсском языке есть пословица *Käzi käden pezeb i molembad oma puhthad* ‘Рука руку моет и обе чистые’ [VM, 2018, с. 10], первая часть которой употребляется практически во всех европейских языках [EP, 1997, p. 174; РССП, 2000, с. 132] и восходит, как известно, к латинскому изречению *Manus manum lavat* ‘Рука руку моет’ (первая фиксация в диалоге Платона «Антиох», где употребляется как цитата из текстов греческого комедиографа Эпихарма).

Интернациональные пословицы довольно часто ассимилируются в языке-реципиенте, подпадают в разной степени трансформациям формы и содержания, образуя национальные варианты, вариации и производные единицы, которые имеют минимальные лексико-грамматические отличия от своего иноязычного прототипа, с которым тем не менее не утрачивают ассоциативную связь (прямо соотносятся в языковом сознании).

Так, в вепсском языке интернациональная пословица *Käzi käden pezeb* ‘Рука руку моет’ имеет производную от нее пословицу *Ühten käden pezed, toine iče pezese* ‘Одну руку моешь, другая сама моется’ [VM, 2018, с. 10], которая сохраняет мотивационную связь как со своим вепсским прототипом, так и с латинским первоисточником.

Следует отметить, что часть интернациональных пословиц, которые есть практически во всех европейских языках, в том числе и в вепсском языке, на самом деле следует относить к универсальным. Так, многие пословицы, которые восходят к Библии и из нее попали в самые разные европейские языки, во-первых, имеют аналоги в генетически, типологически и ареально далеких

от них языках, а во-вторых, фиксируются независимо от времени и места появления библейских текстов.

Например, пословица в вепсском языке *Ala kaiva kopad rahvahale, iče sinna putud* ‘Не копай яму людям, сам туда попадёшь’ [VM, 2018, с. 48] восходит к Библии, где неоднократно употребляется [Лепта…, 2019, т. 2, с. 214] и откуда попала во все европейские языки [DEP, 1994, v. 2, с. 432]. Однако эта пословица встречается и в тюркских языках [TD, 2004, с. 136–137], и в арабском, и в персидском, и в санскрите [EP, 1997, с. 77–81], что свидетельствует о ее универсальном характере.

Максимальная близость универсальных пословиц по своему содержанию, лексическому составу, логико-семантической структуре, синтаксической форме не означает их полного совпадения в генетически, типологически и ареально далеких языках. Близость универсальных пословиц имеет градуальный характер и различается на разных уровнях представления пословичной фразы. В этом смысле в зависимости от того, на каком уровне имеет место максимальная близость универсальных пословиц, можно дифференцировать их различные типы.

Наиболее очевидным (и наиболее количественно малочисленным) типом универсальных пословиц является максимальная близость их по содержанию, логико-семантической структуре и синтаксической форме, при том что лексический состав пословиц такого типа может в разных языках различаться (незначительно, без влияния на общее содержание) за счет наличия вариаций образов и концептов либо общих для некоторых языков, либо этнокультурно маркированных.

В первом случае, это пословица в вепсском языке *Kaks’ sil’mäd edemba nägeba, mi üks’* ‘Два глаза видят дальше, чем один’ [VM, 2018, с. 12], которую можно квалифицировать как универсальную, поскольку она является одной из вариаций первого варианта структурно-семантической модели универсальной пословицы «Two / Four / More eyes see more / father / better than one / two (Variant 1); Two heads / brains are better than one (Variant 2)» [EP, 1997, с. 72], а ее полные аналоги встречаются во многих языках – английском *Two eyes see more (are better) than one*, болгарском *Две очи по-добре виждат от едно*, испанском *Más ven dos ojos que uno*, литовском *Dvi akys daugiau mato nei viena*, немецком *Zwei Augen sehen mehr als eins*, французском *Deux yeux voient mieux (plus clair) qu’un* и др. [БІС, 2020, с. 19–20].

Во втором случае, это пословица в вепсском языке *Sapkoiden omblii om kaiken sapkata, lačnik – lačuta, a venehnik – veneheta* ‘Портной всегда без сапог, бондарь без бочки, а мастер-лодочник без лодки’ [VM, 2018, с. 9], которая содержит этнокультурно маркированную композиционную часть *venehnik – veneheta*, отсутствующую в других языках, согласно структурно-семантической модели универсальной пословицы «The shoemaker has (often/ always) bad

/ (the worst) / no shoes (goes barefoot) (Variant 1); The shoemaker's wife and the smith's horse have no shoes (or walk barefoot) (Variant 1a); The tailor has bad / no clothes (Variant 2); The Smith has bad / no knife / axe (or has a wooden spoon) (v3) [EP, 1997, c. 65].

Вторым типом универсальных пословиц является максимальная близость их по содержанию и лексической организации, при том что логико-семантическая структура и синтаксическая форма таких пословиц может в разных языках различаться (без существенного влияния на общее содержание пословиц или с его конверсной вариацией в различных языках).

Так, пословицу в вепсском языке *Rad ei lopte, teramba iče lopitoi* 'Работа не заканчивается, быстрее сам закончишься' [VM, 2018, с. 57] целесообразно квалифицировать как универсальную, поскольку зафиксированы ее аналоги с конверсным содержанием в турецком языке *İş varacağına varır* 'Работа подойдет к концу', а также в ряде иных тюркских языков – алтайском, казахском, туркменском и др. [TD, 2004, с. 307].

Третьим типом универсальных пословиц является максимальная близость их по содержанию и логико-семантической структуре, при том что лексическая организация и синтаксическая форма таких пословиц могут в разных языках незначительно отличаться.

Например, в вепсском языке пословица *Ken rahnob, se söb-ki* 'Кто жнёт, тот и ест' [VM, 2018, с. 59] имеет аналог в турецком языке *Çalışan kişi aç kalmaz* 'Работающий человек не голодает' [TD, 2004, с. 178], а также в белорусском *Хто дбае (робіць), той і мае* 'Кто работает, тот и имеет [еду]', французском *Il faut travailler, qui veut manger* 'Нужно работать, если хочешь есть', украинском *Хто дбає, той і має* 'Кто работает, тот и имеет [еду]' [БІС, 2020, с. 96].

Следует отметить, что данные пословицы нельзя рассматривать как конверсные варианты широко известной универсальной пословицы *Кто не работает, тот не ест* со структурно-семантической моделью «He that will not work, shall not eat or He that does not work, does not eat, or Without work one cannot eat» [EP, 1997, с. 256], которая зафиксирована почти во всех европейских языках [PP, 1987; DEP, 1994; SP, 1998; РССП, 2000; RE, 2001; БІС, 2020], а также в китайском, японском и др. [EP, 1997, с. 255]. Универсальная пословица *Кто не работает, тот не ест* очень древняя, восходит еще к родоплеменному строю и означает запрет на еду тому в данном коллективе людей, кто не работает, как все остальные. Пословица же *Кто жнёт (работает), тот и ест (имеет еду)* в вепсском и в других языках означает не запрет на еду тому, кто не работает, а совет работать (получше), чтобы иметь еду (побольше), употребляется скорее как похвала трудолюбию, чем как осуждение тунеядства или лени. При этом нельзя отрицать возможность образования в свое время второй пословицы от первой с последующим изменением общего значения.

Четвертым типом универсальных пословиц является их максимальная близость по содержанию, при том что логико-семантическая структура, лексическая организация и синтаксическая форма пословиц такого типа могут в разных языках несущественно, но в разной степени отличаться.

Так, пословица в вепсском языке *Kuld redus-ki nägub* ‘Золото и в грязи видно’ [VM, 2018, с. 91] имеет не только близкие по логико-семантической структуре, лексической организации и синтаксической форме аналоги в ряде языков – русском *Золото и в грязи (в навозе) блестит (видно)*, белорусском *Золата і ў гразі (у попеле, у смецці) бачна (блішчыць, відна)*, литовском *Auksas ir pelenuose žiba* ‘Золото и в пепле блестит’, польском *Zloto i w popiele się świeci* ‘Золото и в золе блестит’, украинском *Золото і в грязі блищить*, *Золото і в попелі видно (світиться)* [БІС, 2020, с. 174], но также и заметно отдаленные в этом плане аналоги во многих других языках – немецком *Gold bleibt Gold, wenn’s auch im Staube liegt* ‘Золото остается золотом, даже если лежит в пыли’ [БІС, 2020, с. 174], турецком *Altın yere düşmekle kıymetten düşmez* ‘Золото не теряет своей ценности, упав на землю’ и ряде иных тюркских языков – алтайском, казахском, киргизском и др. [TD, 2004, с. 80–81]. Генетическое, типологическое и ареальное разнообразие языков, в которых фиксируется аналог вепсской пословицы «о золоте в грязи», позволяет считать ее универсальной.

Данные четыре типа универсальных пословиц представлены в пословичном фонде вепсского языка в относительно небольшом количестве (в совокупности составляют не более 14 % от общего числа проанализированных единиц). В свою очередь, универсальные пословицы в нем распределены по отдельным типам достаточно неравномерно. Наименее количественно представлен в вепсском языке первый тип (1,5 %), наиболее – четвертый (7 %), количество универсальных пословиц второго и третьего типов отличается соответственно, но незначительно (единиц второго типа немногим меньше, чем третьего – 2,5 % и 3 %). Увеличение количества единиц от первого типа к четвертому обусловлено соответствующим возрастанием количества уровней представления фразы, в пределах которых, в свою очередь, возрастают различия между вариацией универсальной пословицы в вепсском языке и ее вариациями в других языках (так, если для первого типа универсальных пословиц характерны вариации в вепсском языке только в их лексическом составе, то для четвертого типа вариации затрагивают уже все уровня, кроме одного – содержания, которое должно оставаться в максимальной степени тождественным во всех языках).

Выделенные выше четыре типа универсальных пословиц относятся к индуктивным универсалиям, которые имеют место в известных исследователю языках и определяются эмпирически на основании сходств в содержании

при различных вариациях в лексической организации, логико-семантической структуре, синтаксической форме пословиц в разных языках. Список типов индуктивных пословичных универсалий может быть расширен за счет изменения порядка соотношения уровней представления пословиц (основанием для выявления в разных языках аналогичных пословиц может быть не только их содержание, но и их логико-семантическая структура, лексические компоненты, синтаксическая организация фразы).

В рамках дедуктивных универсалий (которые должны быть во всех языках и определяются исследователем теоретически на основании тех или иных критериев с последующей эмпирической верификацией) можно выделить еще один тип универсальных пословиц на основании одной из их семантических разновидностей – трюистических пословиц [Иванов, 2023, с. 1161–1163]. К последним относятся такие пословицы, содержание которых направлено на отражение общеизвестных, стереотипных и очевидных ситуаций для любого человека, которые сами по себе являются универсальными для разных этносов и культур. Это означает, что такие пословицы должны быть представлены в каждом языке (за исключением, конечно, случаев отражения в таких пословицах географически и/или этнокультурно специфических фактов).

Например, вепсская пословица *Ala openda kalad ujumaha* ‘Не учи рыбу плавать’ [VM, 2018, с. 45] является трюистической по своему содержанию и имеет абсолютные аналоги (тождественные по логико-семантической структуре, лексической организации и синтаксической форме пословицы) во многих языках – английском *Don’t teach fishes to swim*, белорусском *Не вучы рыбу плаваць*, испанском *Enseñar a nadar a un pez*, итальянском *Insegnare a nuotare ai pesci*, немецком *Lerne nicht die Fische schwimmen*, польском *Nie ucz ryby pływać*, украинском *Не вчи рибу плавати*, французском *Apprendre aux poisons à nager* и др. [БІС, 2020, с. 222].

В вепсском языке встречается довольно много пословиц трюистического содержания, которые можно квалифицировать как дедуктивные универсалии, например, *Armhemb ičtaiž ei ole nikeda* ‘Дороже себя нет никого’ [VM, 2018, с. 8], *Keleta ei sa pagišta* ‘Без языка невозможно разговаривать’ [VM, 2018, с. 40], *Kolijas eläbad ed tege* ‘Из мёртвого живого не сделаешь’ [VM, 2018, с. 35], *Mez’ei voi olda sömäta* ‘Человек не может быть без еды’ [VM, 2018, с. 8], *Mužik ei ole ak, lehm ei ole hebo* ‘Мужчина не женщина, корова не лошадь’ [VM, 2018, с. 9], *Sogedale kaikjal om pimed* ‘Слепому везде темно’ [VM, 2018, с. 15], *Surmaspäi ed pagene* ‘От смерти не убежишь’ [VM, 2018, с. 35], *Ülemba päd korvad ei kazgoi* ‘Уши выше головы не растут’ [VM, 2018, с. 11] и др.

Пятый тип универсалий в вепсском пословичном фонде является наиболее количественно значимым (более 9 % от общего количества проанализированных единиц). Такой квантитативный показатель достаточно типичен, поскольку-

ку трюистическая семантика в пословицах, как показывают исследования на материале пословичных фондов разных языков, встречается в диапазоне от 2 %, например, в белорусском и русском языках [Иванов, Тарасова, 2008, с. 198–203, 204–210], до 8 %, например, в тувинском языке [Иванов, 2022, с. 325–326] или 9 %, например, в калмыцком языке [Иванов, 2024, с. 218]. Это дает основания квалифицировать данный показатель как претендующий на универсальность (в случае его верификации на материале более широкого круга языков мира).

Заключение

В результате исследования установлено, что в составе пословичного фонда вепсского языка 23 % единиц можно квалифицировать как универсальные на том основании, что они имеют аналоги (максимально близкие по содержанию и форме пословицы) в достаточно большом количестве языков (свыше сорока), не являющихся ни генетически, ни типологически, ни ареально близкими вепсскому языку, а также не имевших с ним ни прямых, ни опосредованных языковых и/или культурных контактов (тюркской и индоевропейской языковых семей).

Большая часть выявленных в вепсском языке универсальных пословиц (14 %) относится к индуктивным универсалиям и дифференцируется на четыре типа по характеру и порядку их тождества в рамках основных уровней представления пословичной фразы (ее содержания, логико-семантической структуры, лексической организации, синтаксической формы). Наименьший количественный показатель (1,5 %) имеют универсальные пословицы первого типа (тождественные по содержанию, логико-семантической структуре и синтаксической форме при незначительных вариациях в лексическом составе). Наибольший количественный показатель (7 %) имеют универсальные пословицы четвертого типа (тождественные по содержанию, но имеющие незначительные вариации в логико-семантической структуре, лексической организации, синтаксической форме).

Меньшая, но наиболее значимая в типологическом плане часть выявленных в вепсском языке универсальных пословиц (9 %) относится к дедуктивным универсалиям, определяемым по наличию у пословиц такого типа трюистичной семантики (отражения общеизвестных, стереотипных, очевидных ситуаций, являющихся универсальными для разных этносов и культур).

Обнаружение в вепсском языке универсальных пословиц позволяет, с одной стороны, более объективно судить о независимости и самодостаточности его пословичного фонда (который в своей универсальной части формировался и развивался на основе общих для всех языков мира закономерностей отражения и вербализации в пословицах наиболее типичных ситуаций), а с другой стороны, более глубоко дифференцировать межъязыковую общность / этно-

культурную специфичность вепсских пословиц на фоне пословиц других языков мира (на что указывают прежде всего факты совпадений / вариаций в логико-семантической структуре, лексической организации и синтаксической форме универсальных пословиц).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

БІС – Петрушэўская Ю.А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. 312 с.

Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284

Бредис М.А., Иванов Е.Е. Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615

Бредис М.А., Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. DOI: https://doi.org/10.17223/22274200/26/1

Иванов Е.Е. Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317–337. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22

Иванов Е.Е. Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1154–1177. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177

Иванов Е.Е. Когнитивно-семантические типы калмыцких пословиц // Новые исследования Тувы. 2024. № 1. С. 213–229. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.14

Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232–248. DOI: https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17

Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035

Иванов Е.Е., Тарасова М.В. Семантические типы русских и белорусских пословиц // Acta Germano-Slavica. 2008. Вып. 2. С. 188–212.

Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. Т. 2. 308 с.

Нелюбова Н.Ю. Репрезентация ценностей в карельском паремиологическом фонде (на фоне паремий неродственных языков) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 3. С. 476–485. DOI: https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-476-485

Паремиология на перекрёстках языков и культур / под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.

Петрушевская Ю.А. Универсальное и национальное в составе пословиц современного белорусского литературного языка // Wort – Text – Zeit XII. Die Phraseologie im Idiolekt und im System der slawischen Sprachen / Hrsg. v. H. Walter und M. Hordy. Greifswald: E.M.A.-Universität, 2013. S. 79–80.

Петрушевская Ю.А. Белорусские параллели вепсских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 3. С. 497–505. DOI: https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505

Петрушевская Ю.А. Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 259–279. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15

Петрушэўская Ю.А. Прыказкі-аналагі ў генетычна і арэальна далёкіх мовах (на матэрыяле беларускай і вепскай моў) // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2023. № 2 (273). С. 96–104.

ППФУН – Китиков А.Е. Пословицы и поговорки финно-угорских народов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2004. 336 с.

РССП – Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.

DEP – Strauss E. Dictionary of European Proverbs. Vol. 1–3. London & New York: Routledge, 1994. Vol. 1. XIII, 625 p.; Vol. 2. V, 627–1232 p.; Vol. 3. V, 789 p.

EP – Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. 527 p.

Feldman V., Ivanov E. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology // Acta Germano-Slavica. 2007. Vol. 1. P. 85–97.

Petrusheuskaya Y. Linguistic Universals and Paremiological Fund of the Language // Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity Science. 2019. № 2. P. 115-121.

PP – Grigas K. Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvuių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis. Vilnius: Vaga, 1987. 662 p.

PS – Kuusi M. at al. Proverbia Septentrionalia, 900 Balto-Finnic Proverb Types with Russian, Baltic, German and Scandinavian Parallels. Helsinki: Suomalainen Tiediacatemia, 1985. 451 p.

RE – Muñoz J.S. 1001 refranes españoles con su correspondencia en ocho lenguas (alemán, árabe, francés, inglés, italiano, polaco, provenzal y ruso). S.A. Eiunsa: Ediciones Internacionales Universitarias, 2001. 444 p.

SP – Świerczyńska D., Świerczyński A. Słownik przysłów w ośmiu językach. Warzsawa: PWN, 1998. 437 s.

TD – Çobanoğlu Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004. 511 s.

VM – Жукова О.Ю. Mi meles, se i keles. Vepsläižed muštatišed = Что на уме, то и на языке. Вепсские пословицы и поговорки. Петрозаводск: Periodika, 2018. 96 с.

VV – Vepsa vanasõnad: eesti, vadja, liivi, karjala ja vene vastetega. I–II. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia, 1992. 681 p.

Evgeniy Ivanov

UNIVERSAL PROVERBS IN THE VEPSIAN LANGUAGE

Introduction. Detailed comparative analysis of proverbial funds of different languages and the identification of universal proverbs is one of the current problems of modern paremiology which is an independent section of linguistics. In this regard, Vepsian proverbs have not been studied yet. **The purpose of the article** is to establish the existence of universal proverbs in the Vepsian language and differentiate their main types (in a wide linguistic background, excluding Finno-Ugric languages). **Materials and methods.** The sources for the study were the collection "Mi meles, se i keles. Vepsläižed muštatišed" (2018) and a number of authoritative multilingual paremiological dictionaries. The theories of cross-language comparison of proverbs and theories of proverbial universals were used as the methodological basis for the study. **Research results and discussion.** We have established that the proverbial fund of the Vepsian language contains universal proverbs (23% of the analysed units) that have proverbial analogs (as close as possible in content and form) in languages that are neither genetically, nor typologically, nor territorially close to the Vepsian language. They have never had any direct or indirect contacts with Vepsian (the comparison was carried out using the material from forty languages belonging to two language families – Indo-European and Turkic). In our research universal proverbs are distinguished from international ones (borrowings from one linguistic and/or textual source). The identified universal proverbs are differentiated into four inductive types (by the nature and order of their identity in content, lexical composition, logical-semantic structure, syntactic form) and one deductive type (by the presence of truistic semantics, providing a reflection of well-known, stereotypical, obvious situations that are universal for different ethnic groups and cultures). **Conclusion.** The discovery of universal proverbs in the Vepsian language allows us to judge more objectively the independence and self-sufficiency of its proverbial fund, as well as the degree of inter-lingual community / ethnocultural specificity of Vepsian proverbs in comparison with proverbs of other languages.

Keywords: the Vepsian language; proverb; inter-lingual comparison; Indo-European languages; Turkic languages; universal proverbs.

REFERENCES

Bredis M.A., Ivanov E.E. Tipologija poslovic pribaltijsko-finskih narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropejskom paremiologicheskom fone) [Typology of Proverbs of the Baltic-Finnish Peoples of Russia about Wealth and Poverty (on the European Paremiological Material)]. *Vestnik ugrovedenija*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 607-615. DOI: https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615 (In Russian).

Bredis M.A., Dimoglo M.S., Lomakina O.V. Paremii v sovremennoj lingvistike: podhody k izucheniju, tekstoobrazujushhij i lingvokul'turologicheskij potencial [Paremias in modern linguistics: approaches to study, text-forming, linguistic and cultural potential]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 265-284. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284 (In Russian).

Bredis M.A., Ivanov E.E. Lingvokul'turologicheskij kommentarij v polilingval'nyh slovarjah poslovic [Linguistic and cultural commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Voprosy leksikografii*, 2022, no. 26, pp. 5-29. DOI: https://doi.org/10.17223/22274200/26/1 (In Russian).

Ivanov E.E. Kategorizacija otnoshenija k dejstvitel'nosti v paremiologicheskih edinicah [Categorization. of Attitude to Reality in Paremiological Units]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1154-1177. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177 (In Russian).

Ivanov E.E. Kognitivno-semanticheskie tipy kalmyckih poslovic [Cognitive and semantic types of Kalmyk proverbs]. *Novye issledovanija Tuvy*, 2024, no. 1, pp. 213-229. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.14 (In Russian).

Ivanov E.E. Semanticheskaja tipologija tuvinskih poslovic (empiricheskij i aksiologicheskij aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *Novye issledovanija Tuvy*, 2022, no. 4, pp. 317-337. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22 (In Russian).

Ivanov E.E., Lomakina O.V., Neljubova N.Ju. Semanticheskij analiz tuvinskih poslovic: modeli, obrazy, ponjatija (na evropejskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *Novye issledovanija Tuvy*, 2021, no. 3, pp. 232-248. DOI: https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17 (In Russian).

Ivanov E.E., Lomakina O.V., Petrushevskaja Ju.A. Nacional'naja specifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye ponjatija i metodika vyjavlenija [The national specificity of the proverbial fund: basic concepts and procedure for determining]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*, 2021, vol. 12, no. 4, pp. 996-1035. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035 (In Russian).

Ivanov E.E., Tarasova M.V. Semanticheskie tipy russkih i belorusskih poslovic [Semantic types of Russian and Belarusian proverbs]. *Acta Germano-Slavica*, 2008, iss. 2, pp. 188-212. (In Russian).

Kitikov A.E. Poslovicy i pogovorki finno-ugorskih narodov [Proverbs and Sayings of the Finno-Ugric Peoples]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2004, 336 p. (In Russian).

Kotova M.Ju. Russko-slavjanskij slovar' poslovic (s anglijskimi sootvetstvijami) [Russian-Slavic Dictionary of Proverbs (with English Equivalents)]. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2000, 360 p. (In Russian).

Lepta biblejskoj mudrosti: russko-slavjanskij slovar' biblejskih krylatyh vyrazhenij i aforizmov s sootvetstvijami v germanskih, romanskih, armjanskom i gruzinskom jazykah [A Mite of Biblical Wisdom: Russian-Slavic Dictionary of Biblical Expressions and Aphorisms with their Correspondences in Germanic, Romance, Armenian and Georgian Languages]. Eds. E.E. Ivanov, V.M. Mokienko, D. Balakova, H. Val'ter. Mogilev, Mogilevskij gosudarstvennyj universitet, 2019, vol. 2, 308 p. (In Russian).

Neljubova N.Ju. Reprezentacija cennostej v karel'skom paremiologicheskom fonde (na fone paremij nerodstvennyh jazykov) [Representation of values in the Karelian paremiological fund (against the background of proverbs of unrelated languages)]. *Vestnik ugrovedenija*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 476-485. DOI: https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-476-485 (In Russian).

Paremiologija na perekrestkah jazykov i kul'tur [Paremiology at the Crossroads of Languages and Cultures]. Eds. E.E. Ivanov, O.V. Lomakina. Moscow, Rossijskij universitet druzhby narodov, 2021, 246 p. (In Russian).

Petrushevskaja Ju.A. Universal'noe i nacional'noe v sostave poslovic sovremennogo belorusskogo literaturnogo jazyka [Universal and national in the composition of proverbs of the modern Belarusian language]. *Wort – Text – Zeit XII. Die Phraseologie im Idiolekt und im System der slawischen Sprachen*. Hrsg. v. H. Walter und M. Hordy. Greifswald, E.M.A.-Universität, 2013, pp. 79-80. (In Russian).

Petrushevskaja Ju.A. Belorusskie paralleli vepsskih poslovic: v poiskah tipologicheski obshhchego i etnospecificheskogo [Belarusian parallels of Vepsian proverbs: in search of typologically common and ethno-specific]. *Vestnik ugrovedenija*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 497-505. DOI: https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505 (In Russian).

Petrusheuskaja Ju.A. Prykazki-analagi u genetychna i areal'na dalekih movah (na materyjale belaruskaj i vepskaj mou) [Analogue Proverbs in Genetically and Arealy Distant Languages (based on the Belarusian and Vepsian Languages)]. *Trudy BGTU. Serija 4: Print- i mediatehnologii*, 2023, no. 2 (273), pp. 96-104. (In Belarusian).

Petrushevskaja Ju.A. Proverbial'nye universalii v tuvinskom poslovichnom fonde (na fone sovremennyh evropejskih jazykov) [Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages)]. *Novye issledovanija Tuvy*, 2023, no. 1, pp. 259-279. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15 (In Russian).

Petrusheuskaja Ju.A. Universal'ny i internacyjanal'ny kampanenty u paremijalagichnym skladze belaruskaj movy: belaruska-inshamouny slounik [Universal and international components in the paremiological composition of the Belarusian language: Belarusian-Foreign Dictionary]. Magiljou, Magileuski dzjarzhauny universitet, 2020, 312 p. (In Belarusian).

Feldman V., Ivanov E. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology. *Acta Germano-Slavica*, 2007, vol. 1, pp. 85-97. (In English).

Grigas K. Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvuių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis [Parallels of Proverbs. Lithuanian Proverbs with Latvian, Belarusian, Russian, Polish, German, English, Latin, French, Spanish Equivalents]. Vilnius, Vaga, 1987, 662 p. (In Lithuanian).

Kuusi M. at al. Proverbia Septentrionalia, 900 Balto-Finnic Proverb Types with Russian, Baltic, German and Scandinavian Parallels. Helsinki, Suomalainen Tiediacatemia, 1985, 451 p. (In Finnich).

Muñoz J.S. 1001 refranes españoles con su correspondencia en ocho lenguas (alemán, árabe, francés, inglés, italiano, polaco, provenzal y ruso) [1001 Spanish Proverbs with their Corresponding Expressions in Eight Languages (German, Arabic, French, English, Italian, Polish, Provençal and Russian)]. S.A. Eiunsa, Ediciones Internacionales Universitarias, 2001, 444 p. (In Spanish).

Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém, Veszprémi Nyomda, 1997, 527 p. (In English).

Petrusheuskaja Ju. Linguistic Universals and Paremiological Fund of the Language. *Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity Science*, 2019, no. 2, pp. 115-121. (In English).

Strauss E. Dictionary of European Proverbs. Vol. 1-3. London & New York, Routledge, 1994, vol. 1, XIII, 625 p., vol. 2, V, 627-1232 p., vol. 3, V, 789 p. (In English).

Świerczyńska D., Świerczyński A. Słownik przysłów w ośmiu językach [A Dictionary of Proverbs in Eight Languages]. Warzsawa, PWN, 1998, 437 p. (In Polish).

Çobanoğlu Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü [Dictionary of Common Proverbs of the Turkish World]. Ankara, AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004, 511 p. (In Turkish).

Zhukova O.Ju. Mi meles, se i keles. Vepsläižed muštatišed = Chto na ume, to i na yazyke. Vepsskie poslovicy i pogovorki [What the Heart Thinks the Tongue Speaks. Vepsian Proverbs and Sayings]. Petrozavodsk, Periodika, 2018, 96 p. (In Vepsian).

Vepsa vanasõnad: eesti, vadja, liivi, karjala ja vene vastetega [Vepsian Proverbs: with Estonian, Vadja, Livonian, Karelian and Russian equivalents]. Vol. I–II. Tallinn, Eesti Teaduste Akadeemia, 1992, 681 p. (In Estonian and Vepsian).

Иванов Евгений Евгеньевич
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теоретической
и прикладной лингвистики
Могилевского государственного
университета имени А.А. Кулешова,
г. Могилев, Республика Беларусь
e-mail: ivanov_ee@msu.by,
ivanov-msu@mail.ru

Evgeniy Ivanov
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics of Foreign
Languages Faculty of Mogilev State
A. Kuleshov University,
Mogilev, the Republic of Belarus
e-mail: ivanov_ee@msu.by,
ivanov-msu@mail.ru

УДК 811.511.151+81’25
DOI 10.51254/2312-0312-2024-4-68-51-61

ПАРЕМИОЛОГИЯ КАК СИСТЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ ГОРНОМАРИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА)

© 2024 г. О.В. Ломакина

Введение. Соматические образы в пословицах финно-угорских языков при сопоставлении с паремиями разноструктурных языков имеют потенциал для исследования с точки зрения паремиологии как современного направления лингвистики. Этнолингвомаркёры являются компонентами, в которых заложено этническое своеобразие пословичной картины мира народа. **Цель статьи** – показать системный характер паремиологии на примере горномарийского литературного языка. **Материалы и методы.** Рассмотрено около 1200 паремий, представленных в «Горномарийско-русском фразеологическом словаре» Л.П. Васиковой, 30 из которых использованы для подтверждения теоретических положений. В основе работы – разработанная и апробированная автором методика многоаспектного анализа паремий, в основе которой лежат описательно-аналитический метод, компонентный, контекстуальный и лингвоаксиологический анализы. **Результаты исследования, обсуждение.** В работе представлена паремиологическая система горномарийского литературного языка, выявлены общие с другими языками, а также этнокультурно маркированные семантические модели и пословичные образы, в частности соматические, дающие представление о внешнем облике и характере скупца. **Заключение.** Выявлено наличие синонимических и гиперо-гипонимических отношений горномарийских паремий, что характерно для других языков, в т.ч. русского. Частотность натуральных компонентов (нумеративов, соматизмов, зоономов) показывает включенность горномарийского языка в континуум мировых языков, а варьирование формы пословицы говорит о динамике паремиологии.

Ключевые слова: паремиология; пословица; финно-угорские языки; паремиологическая система языка; горномарийский литературный язык.

Введение

Паремиология, будучи одним из развивающихся направлений лингвистики, имеет ряд достижений: определен статус паремиологии как научной дисциплины [Мокиенко, 2010], представлены определения паремии в национальных филологиях [Бредис, 2015; Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019], названы признаки пословиц [Паремиология без границ, 2020, с. 31–33], показаны различные классификации паремиологического материала [Иванов, 2023a, b; 2024], описаны основные приемы и методы анализа [Бредис, Димогло, Ломакина, 2020], разработана методика определения национальной специфичности языкового пословичного фонда [Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021].

Под влиянием антропоцентрической парадигмы паремии рассматриваются как кумулятивно заряженные единицы, выступающие средством реконструкции языковой картины мира [Комова, Ломакина, 2019], репрезентации системы ценностей народа [Ломакина, Мокиенко, 2021; Нелюбова, 2022], отражения его истории, культуры, традиций и образа жизни [Паремиология на перекрёстках ..., 2021].

В связи с развитием компаративного направления паремиологии сравнительно-сопоставительный анализ применяется как к близкородственным [Мокиенко, Никитина, 2022], так и неродственным языкам [Alyoshin, Ivanov, 2023; Бредис, 2023; Иванов, 2023b].

Традиционно сравнительно-сопоставительные исследования паремиологии касались европейских языков, однако в последние годы языки народов Российской Федерации активно включаются в евроазиатский континуум языков, что подтверждает мысль о межъязыковой общности паремий. Вместе с тем проблемы с верификацией национально маркированных компонентов пословиц, отсутствие широкого языкового фона для сопоставления «приводит к неоправданному увеличению доли национального компонента в пословичном фонде», тогда как фактически многие паремии имеют абсолютные аналоги в других языках [Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021, с. 999].

Горномарийский литературный язык (*Кырык мары литературный йӹлмӹ*) относится, наряду с лугово-восточным марийским, к марийской группе финно-угорских языков. Попытку представить фразеологию горномарийского литературного языка как систему предприняла Т.В. Янцукова [2016]. Актуальность исследования связана с отсутствием системного описания паремиологии горномарийского литературного языка и необходимостью включения его в евроазиатский континуум языков.

При проведении разноаспектных исследований паремиологического фонда языка мы исходим из идеи системности паремиологии (о понятии фразеологическая система см.: [Архангельский, 1964, с. 260; Жуков, 1978, с. 115]). Под паремиологической системой понимаем набор устойчивых единиц фольклор-

ного происхождения, существующих в конкретном языке и составляющих его паремиологическое пространство, единицы которого характеризуются устойчивостью состава во времени и пространстве, обладают функциональным потенциалом, имеют варианты, образуют различные парадигмы [Ломакина, 2022, с. 8].

Цель статьи – показать системный характер паремиологии языка на примере горномарийского литературного языка.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили около 1200 паремий, включенных в «Горномарийский фразеологический словарь» Л.П. Васиковой [2017], в качестве иллюстраций теоретических положений в данной работе представлено 30 паремий. Для верификации использован сборник «Горномарийские пословицы, поговорки, приметы, загадки» Ф.Т. Грачёвой [2001].

Методологической основой исследования стали теоретические изыскания по паремиологии как современном направлении языкознания и пословицам как языковым единицам [Мокиенко, 2010; Паремиология без границ, 2020 и др.]. При анализе паремиологического материала мы исходим из положения о том, что паремии обладают лингвокультурологическим и лингвоаксиологическим потенциалом [Ломакина, 2022], последний из которых вербализуется, прежде всего, лингвоаксиологическими маркерами [Ломакина, 2021]. Термин *паремия* используется как родовое понятие, однако в данной статье мы ограничились одним из самых известных и наиболее употребительных разрядов – пословицами, термин *паремия* здесь выступает как синонимичный.

Результаты исследования, обсуждение

Анализ паремиологического состава горномарийского литературного языка проводился по следующему алгоритму: рассмотреть системные отношения[1] (многозначность, гиперо-гипонимические отношения, синонимия, антонимия), выявить варианты, привести контекстуальное использование для выявления актуального фонда языка, представить состав паремий с перечислением наиболее распространенных компонентов, показать лингвокультурологический[2] и лингвоаксиологический потенциал.

В отличие от фразеологического фонда горномарийского литературного языка, в котором выделяется значительная группа многозначных фразеологизмов, в словаре зафиксирована лишь одна многозначная паремия *Шӹтен дӓ пӹтен* ‘1. Никакого результата (букв. взошло и кончилось), ничего не получилось; 2. Взошёл (родился), да не вырос (о человеке маленького роста)’ [ГРФС, 2017, с. 486].

[1] Омонимия пословиц не выявлена, что отражает общую тенденцию в паремиологии.

[2] Анализ лингвокультурологического потенциала горномарийских паремий не приводится из-за ограничения объёма статьи.

Гиперо-гипонимические отношения отражены в ряде пословиц. Например: *кек* ‘птица’ – *орави* ‘воробей’: *Шамак* ***кек*** *агыл, лäктӹн кеäät, ат роалты (ат кычы)* ‘Слово не птица, вылетит, не поймаешь’ – *Шамак* ***орави*** *агыл: келесен колтет – кычен ат керд* ‘Слово не воробей: вылетит – не поймаешь’ [ГРФС, 2017, с. 443]; *пушäнгы* ‘дерево’ – *пистӹ* ‘липа’: *Тетям кушташ – цäрä* ***пушäнгы*** *мычкы кузымы доно икток* ‘Растить детей – что карабкаться по ободранному (голому) дереву’ – *Тетям кушташ – цäрä* ***пистӹ*** *мычкы ыдыркалаш* ‘Вырастить детей – что карабкаться по ободранной (голой) липе’ [ГРФС, 2017, с. 474].

Синонимическими отношениями связаны следующие паремии: *Ӹлäш – нырым ванжаш агыл* и *Ӹлӹмäшӹм ӹлäш – ныр гач ванжаш агыл* ‘Жизнь прожить – не поле перейти’ [ГРФС, 2017, с. 488].

Компоненты-антонимы *пуры* ‘добро’ (в пословицах *пурым* ‘добро’) и *худа* ‘зло’ (в пословицах в форме *худам* ‘зло’) в составе паремий *Тӹнь ик пурым ӹштӹ, тӹлät коктым ӹштät* ‘Ты сделай одно добро, тебе два сделают’ *Тӹнь ик худам ӹштӹ, тӹлät коктым ӹштät* ‘Ты сделай одно зло, тебе два сделают’ объединяет общая семантика ‘Сделанное тобой добро или зло вернётся тебе’ [ГРФС, 2017, с. 476].

В паремиологическом фонде горномарийского литературного языка обнаруживаем несколько групп вариантов: *Изи гӹнят, шарга* (букв. Хотя маленький, дорогой)[3] и *Изи гӹнят, шарыкаш* (букв. Хотя маленькая, ярочка) ‘Мал золотник, да дорог’ [ГРФС, 2017, с. 445]; *Вуйжырым мешäкеш ат тай*ы [ГРФС, 2017, с. 443] и *Вуйжырым мешäкеш ат шӹлтӹ* ‘Шила в мешке не утаишь’ [ГППП3, 2001, с. 15]; *Йӹлмӹн лу(жы) уке*, *Йӹлмӹн пичӹжӹ уке* (букв. У языка изгороди нет) и *Йӹлмӹн укшыжы уке* (букв. У языка нет сучьев) ‘Язык без костей’ [ГРФС, 2017, с. 450]; *Цӹвӹ ик пӹрцӹн чӹнгенок пäгäржӹм темä* (букв. Курица одно зерно клюет, желудок насыщает) ‘Курица и по зернышку насытится; человеку не стоит жадничать’ и *Цӹвӹ ик пӹрцӹн чӹнгенок темеш* ‘Курица и по зернышку бывает сыта’ [ГРФС, 2017, с. 480]; *Кид(ӹм) колтен шӹнзäш* (букв. Сидеть, опустив руки) и *Кид(ӹм) пӹзӹрäл шӹнзäш* (букв. Сидеть, прижав руки) ‘бездельничать’ [ГРФС, 2017, с. 453]. «Наблюдение за явлением вариантности способно прояснить динамику фразообразования, лингвистические факторы появления и дальнейшего развития устойчивых единиц, их речевую “гибкость”» [Селиверстова, 2019, с. 7]. Применительно к паремиологической системе языка рассмотрение вариантов возможно как в диахронии, так и синхронии. Фиксация в речи, контекстуальное использование паремии в текстах разных стилей и жанров позволяет говорить об актуальном паремиологическом фонде рассматриваемого языка.

[3] Здесь и далее автор приводит буквальный перевод, сделанный М.А. Бредисом.

Определение типа варианта включает обращение к диахроническому анализу. Нередко самостоятельные в современном языке фразеологизмы и пословицы можно квалифицировать как примеры диахронического эллипсиса, при котором сокращенная форма является следствием развития языка. Приведем примеры из горномарийского литературного языка: *Пуры шамак доно кӹршӹ лум ушаш лиэш* ‘Добрым словом можно срастить сломанные кости’ – *Пуры шамак кӹршӹ лум уштара, шӹдӹ шамак лум кӹреш* ‘Доброе слово сломанную кость сращивает (срастит), злое слово кость сломает’ [ГРФС, 2017, с. 470]; *Туты пӹрцӹ лишӓн вазеш* ‘Доброе дело не ускользнет, не пропадет даром’(букв. Налитое зерно близко ложится)[4] – *Туты пӹрцӹ лишӓн вазеш, вусы пӹрцӹ палан (пачеш) кодеш* ‘Налитое зерно близко упадет, пустое зерно далеко (в хвосте клина) останется’ [ГРФС, 2017, с. 475].

Изменение плана содержания и выражения реализуется в речевом употреблении. Однако анализ ГРФС показал низкий процент функционирования паремий (иллюстрации из произведений горномарийских писателей содержат лишь 3 % словарных статей), при этом пословицы используются в нетрансформированном виде, т.е. авторы включают в свои тексты инварианты. Зафиксированы два типа включения паремии в контекст: 1) как отдельное предложение в составе микроконтекста, как часть сложного предложения или в качестве прямой речи: **– *Шамак кек агыл, лӓктӹн кеӓт, ат роалты…*** *Тенгежӹ, ик цӓшӹштӹ качкаш миэнӓ* ‘– Слово не птица, вылетит, не поймаешь… Тогда через час придём есть’(Е. Поствайкин) [ГРФС, 2017, с. 481]; 2) в составе предложения с авторским метаязыковым комментарием, который указывает источник появления единицы (*Такеш агыл халык пора* ‘Народ не зря говорит’; *маныт* ‘говорят’; *порат* ‘говорят’; *пословица улы* ‘Есть пословица’ и др.), помогает понять замысел писателя и становится «ключом к пониманию текста художественной литературы» [Ломакина, 2017, с. 136]: *Ӓнят, лачок, Ниналан ладнангаш жеп келеш. Кышец пӓлет, ма ӹдӹр шӱмӹштӹ… Такеш агыл халык пора:* ***ӹдӹр шӱм пӹцкемӹш*** ‘Может, на самом деле, Нине нужно время, чтобы успокоиться. Откуда знать, что в девичьей душе… Не зря в народе говорят: девичья душа – потёмки’ (Н. Ильяков) [ГРФС, 2017, с. 488].

Анализ компонентного состава показал, что наиболее продуктивными в горномарийском литературном языке являются компоненты, представляющие нумеративный (*ик* ‘один’), соматический (*вуй* ‘голова’), зооморфный (*пирӹ* ’волк’) коды культуры.

В горномарийском литературном языке многочисленны примеры паремий, обладающих лингвоаксиологическим потенциалом: репрезентированы такие ценности, как *яратымаш* ‘любовь’, *пӓшӓ* ‘работа, дело’, *шамак* ‘сло-

[4] В ГРФС приведено лишь значение пословицы без буквального перевода.

во’ и др. Наиболее ярко в семантическом плане и количественном отношении характеризуется ценность *пӓшӓ* ‘работа, дело’: *Пӓшӓ курымым кужемдӓ* ‘Работа продлевает жизнь’ [ГРФС, 2017, с. 466]; *Пӓшӓ цилӓ кердеш* ‘Работа может всё’; *Пӓшӓ(м) ыштыде, яжо ылымӓш лин ак керд* ‘Если не работаешь, хорошей жизни быть не может’[ГРФС, 2017, с. 467]; *Пӓшӓ эдемым ылӓш тымда* ‘Работа учит человека жить’[ГРФС, 2017, с. 467] и др. Ценностное значение в ряде пословиц выражают лингвоаксиологические маркеры. Например, в пословицах *Пӓшӓштым – цӓш* [ГРФС, 2017, с. 466] ‘Работать – счастье’ (букв. ‘В работе – счастье’) и *Пӓшӓ эдемлӓн цӓшым пуа* ‘Работа делает человека счастливым’ (букв. ‘Работа человеку счастье дает’) [ГРФС, 2017, с. 467] оценочный смысл передают социально-этическая лексема *цӓш* ‘счастье’, при этом *цӓш* ‘счастье’ является семантизацией работы как ценности.

Заключение

Проведённый анализ горномарийских пословиц позволил сделать вывод об их системности. Понятие *фразеологическая система*, введённое В.Л. Архангельским, может использоваться применительно к паремиологическому фонду языка, получая номинацию *паремиологическая система*, единицы которой отличает наличие системных отношений, вариантов, реализация функционального потенциала, постоянство репертуара, репрезентация системы ценностей.

Выявлено наличие синонимических и гиперо-гипонимических отношений горномарийских паремий, что характерно для других языков, в т.ч. русского. Частотность натуральных компонентов (нумеративов, соматизмов, зоономов) показывает включенность горномарийского литературного языка в континуум мировых языков. Варьирование формы пословицы говорит о динамике паремиологии. Точечное использование горномарийских паремий в контексте связано, на наш взгляд, с ограничением при выборе иллюстративного материала автором-составителем «Горномарийско-русского фразеологического словаря».

Перспектива исследования паремий горномарийского литературного языка состоит в подробном описании, согласно С. Скорупке [Skorupka, 1958, с. 123], натурального и конвенционального пластов фразеологизмов и паремий, т.е. компонентов, общих для языков вне зависимости от генетической характеристики и культурно маркированных, отражающих особенности данной лингвокультуры (resp. этнолингвомаркеры – термин наш. – *О.Л.*). Репрезентация ценностной картины мира эксплицитно и имплицитно позволит сделать вывод о системе ценностей этого народа. Требуют корректировки переводы паремий для проведения историко-этимологического анализа и лингвокультурологического исследования паремиологического фонда горномарийского литературного языка, в т.ч. в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Результаты представленного исследования могут быть использованы при описании и многоаспектном исследовании других, прежде всего малых, языков в целях их сохранения и популяризации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1964. 314 с.

Бредис М.А. Балтийская паремиология от истоков до современности: подходы к изучению и определению пословиц в латышском и литовском языках // Филологические науки в МГИМО. 2015. № 4 (4). С. 116–133.

Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–43.

Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284

Бредис М.А. Образ денег как отражение макроконцепта богатство в пословицах разноструктурных языков // Когнитивные исследования языка. 2023. № 2 (53). С. 164–171.

ГППППЗ – Грачёва Ф.Т. Горномарийские пословицы, поговорки, приметы, загадки. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2001. 236 с.

ГРФС – Кырык марла-рушла шая сӓрӓлтӹш лӹмдер = Горномарийско-русский фразеологический словарь / Л.П. Васикова. Йошкар-Ола, 2017. 496 с.

Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978. 160 с.

Иванов Е.Е. Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023 (a). Т. 14. № 4. С. 1154–1177. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177

Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023 (b). № 1. С. 243–258.

Иванов Е.Е. Когнитивно-семантические типы калмыцких пословиц // Новые исследования Тувы. 2024. № 1. С. 213–229. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.14

Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 996–1035. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035

Комова Д.Д., Ломакина О.В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). С. 78–86.

Ломакина О.В. Писательский метаязыковой комментарий и его роль в понимании текста (на примере произведений русской литературы XIX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 1. С. 130–137. DOI: 10.22363/23132299201781130137

Ломакина О.В. Изучение пословиц в русской ценностной парадигме: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7 (73) № 1. С. 97–107.

Ломакина О.В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16.

Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Очерки русинской фразеологии. М.: РУДН, 2021. 97 с.

Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–20.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Славянский мир в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурографическая репрезентация. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2022. 358 с.

Нелюбова Н.Ю. Репрезентация ценностей в карельском паремиологическом фонде (на фоне паремий неродственных языков) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 3. С. 476–485.

Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

Паремиология на перекрёстках языков и культур / ред. Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина. М.: Изд-во РУДН, 2021. 246 с.

Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2017. 345 с.

Янцукова Т.В. Системность фразеологизмов в горномарийском языке // Финно-угорский мир. 2016. № 1. С. 60–64.

Alyoshin A., Ivanov E. Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling // Scandinavian Philology. 2023. Vol. 21, issue 1. Pp. 5–23.

Skorupka S. Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza // Славянская филология: сборник статей: [в 3 томах] Т.3. / Акад. наук СССР, Совет. ком. славистов, IV Междунар. съезд славистов. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 124–153.

Olga Lomakina

PAREMIOLOGY AS A SYSTEM (BASED ON THE HILL MARI LANGUAGE MATERIAL)

Introduction. Somatic images in proverbs of Finno-Ugric languages in comparison with paremias from typologically different languages have a potential for research from the point of view of paremiology which is a modern linguistic research area. Ethno-linguistic markers are components that contain the ethnic uniqueness of the proverbial worldview of a people. **The purpose of the article** is to show the systemic nature of paroemiology using the examples from Hill Mari literary language. **Materials and methods.** About 1200 paremias from "Hill Mari-Russian Phraseological Dictionary" by L.P. Vasikova are considered, 30 of which are used to confirm theoretical statements. The work is based on the methodology

of multi-aspect analysis of proverbs developed and tested by the author, which is based on the descriptive-analytical method, component, contextual, linguistic and axiological analysis. **Research results and discussion.** The work presents a paremiological system of the Hill Mari literary language. Common semantic models, ethno-culturally marked semantic models and proverbial metaphors, in particular somatic ones, which describe the appearance and character of a miser, are presented. **Conclusion.** The presence of synonymic and hyper-hyponymic relations of Hill Mari paremias is revealed, which is typical for other languages, including Russian. The frequency of natural components (numeral classifiers, somatisms, zoonyms) shows the inclusion of Hill Mari in the continuum of world languages and the variation of the proverb form shows the dynamics of paremiology.

Keywords: paremiology; proverb; Finno-Ugric languages; paremiological system of a language; the Hill Mari language.

REFERENCES

Arhangel'skij V.L. Ustojchivye frazy v sovremennom russkom jazyke [Set Phrases in Modern Russian]. Rostov-na-Donu, Rostovskij universitet, 1964, 314 p. (In Russian).

Bredis M.A. Baltijskaja paremiologija ot istokov do sovremennosti: podhody k izucheniju i opredeleniju poslovic v latyshskom i litovskom jazykah [Baltic paremiology from its origins to modern times: approaches to the study and definition of proverbs in Latvian and Lithuanian languages]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 2015, no. 4 (4), pp. 116-133. (In Russian).

Bredis M.A. Obraz deneg kak otrazhenie makrokoncepta bogatstvo v poslovicah raznostrukturnyh jazykov [The image of money as a reflection of the macro concept of wealth in proverbs of different structural languages]. Kognitivnye issledovanija jazyka, 2023, no. 2 (53), pp. 164-71. (In Russian).

Bredis M.A., Dimoglo M.S., Lomakina O.V. Paremii v sovremennoj lingvistike: podhody k izucheniju, tekstoobrazujushhij i lingvokul'turologicheskij potencial [Paremias in modern linguistics: approaches to study, text-forming, linguistic and cultural potential]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 265-284. (In Russian).

Bredis M.A., Lomakina O.V., Mokienko V.M. Poslovica v sovremennoj lingvistike: opredelenie, status, funkcionirovanie [Proverb in modern linguistics: definition, status, functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*, 2019, no. 3, pp. 34-43. (In Russian).

Grachjova F.T. Gornomarijskie poslovicy, pogovorki, primety, zagadki [Hill Mari Proverbs, Sayings, Omens, Riddles]. Joshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2001, 236 p. (In Mari).

Gornomarijsko-russkij frazeologicheskij slovar' [Hill Mari-Russian Phraseological Dictionary]. Joshkar-Ola, 2017, 496 p. (In Mari).

Ivanov E.E. Kategorizacija otnoshenija k dejstvitel'nosti v paremiologicheskih edinicah [Categorization. of Attitude to Reality in Paremiological Units]. *Vestnik Rossijskogo universiteta*

druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika, 2023 (a), vol. 14, no. 4, pp. 1154-1177. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177. (In Russian).

Ivanov E.E. Kognitivno-semanticheskie tipy kalmyckih poslovic [Cognitive-semantic types of Kalmyk proverbs]. *Novye issledovanija Tuvy*, 2024, no. 1, pp. 213-229. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.14. (In Russian).

Ivanov E.E. Lingvokul'turologicheskij kommentarij v tuvinsko-russko-anglijskom paremiologicheskom slovare [Linguistic and cultural commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary]. *Novye issledovanija Tuvy*, 2023 (b), no. 1, pp. 243-258. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13. (In Russian).

Ivanov E.E., Lomakina O.V., Petrushevskaja Ju.A. Nacional'naja specifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye ponjatija i metodika vyjavlenija [The national specificity of the proverbial fund: basic concepts and procedure for determining]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*, 2021, vol. 12, no. 4, pp. 996-1035. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035. (In Russian).

Komova D.D., Lomakina O.V. Slovarnoe i diskursivnoe napravlenija rekonstrukcii paremiologicheskoj kartiny mira: opyt interpretacii (na materiale russkogo jazyka) [Vocabulary and discursive directions of reconstruction of the paremiological worldview: interpretation (on the material of the Russian language)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ja. Jakovleva*, 2019, no. 3 (103), pp. 78-86. (In Russian).

Lomakina O.V. Izuchenie poslovic v russkoj cennostnoj paradigme: metodologija issledovanija i kriterii vydelenija ocenochnosti [The study of proverbs in the Russian value paradigm: research methodology and criteria for the allocation of evaluativeness]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 1, pp. 97-107. (In Russian).

Lomakina O.V. Pisatel'skij metajazykovoj kommentarij i ego rol' v ponimanii teksta (na primere proizvedenij russkoj literatury XIX v.) [The writer's metalinguistic commentary and its role in text understanding (on the example of works of Russian literature of the 19th century)]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*, 2017, vol. 4, no. 1, pp. 130-137. DOI: https://doi.org/10.22363/2313299201781130137. (In Russian).

Lomakina O.V. Tuvinskaja paremiologija: lingvokul'turologicheskij i lingvoaksiologicheskij potencial [Tuvan paremiology: its linguistic and cultural, linguistic and axiological potential]. *Novye issledovanija Tuvy*, 2022, no. 1, pp. 6-16. (In Russian).

Lomakina O.V., Mokienko V.M. Ocherki rusinskoj frazeologii [Essays on Rusin Phraseology]. Moscow, Rossijskij universitet druzhby narodov, 2021. (In Russian).

Mokienko V.M. Sovremennaja paremiologija (lingvisticheskie aspekty) [The modern paremyology (linguistic aspects)]. *Mir russkogo slova*, 2010, no. 3, pp. 6-20. (In Russian).

Mokienko V.M., Nikitina T.G. Slavjanskij mir v paremiologicheskoj interpretacii: aksiologicheskie dominanty i ih lingvokul'turograficheskaja reprezentacija [The Slavic World and Paremiological Interpretations: Axiological Dominants and Their Linguoculturological Interpretations]. Saint-Petersburg, Sankt-Petersburgskij gosudarstvennyj universitet, 2022, 358 p. (In Russian).

Neljubova N.Ju. Reprezentacija cennostej v karel'skom paremiologicheskom fonde (na fone paremij nerodstvennyh jazykov) [Representation of values in the Karelian paremiological fund (against the background of proverbs of unrelated languages)]. *Vestnik ugrovedenija*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 476-485. (In Russian).

Paremiologija bez granic [Paremiology without Borders]. Eds. M.A. Bredis, O.V. Lomakina. Moscow, Rossijskij universitet druzhby narodov, 2020, 244 p. (In Russian).

Paremiologiia na perekrestkah jazykov i kul'tur [Paremiology at the Crossroads of Languages and Cultures]. Eds. E.E. Ivanov, O.V. Lomakina. Moscow, Rossijskij universitet druzhby narodov, 2021, 246 p. (In Russian).

Seliverstova E.I. Prostranstvo russkoj poslovicy: postojanstvo i izmenchivost' [The Space of Russian Proverb: Constancy and Variability]. 2nd ed. Moscow, FLINTA: Nauka, 2017, 296 p. (In Russian).

Zhukov V.P. Semantika frazeologicheskih oborotov [Semantics of phraseological units]. Moscow, Prosveshhenie, 1978, 160 p. (In Russian).

Jancukova T.V. Sistemnost' frazeologizmov v gornomarijskom jazyke [System of phraseological units in the Hill Mari language]. *Finno-ugorskij mir*, 2016, no. 1, pp. 60-64. (In Russian).

Aljoshin A., Ivanov E. Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, iss. 1, pp. 5-23. (In England).

Skorupka S. Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza *Slavjanskaja filologija. Sbornik statej. IV Mezhdunarodnyj s"ezd slavistov*. Moscow, Akademija nauk SSSR, 1958, pp. 124-153. (In Russian).

Ломакина Ольга Валентиновна
доктор филологических наук,
профессор кафедры иностранных языков
филологического факультета
Российского университета дружбы
народов им. Патриса Лумумбы,
г. Москва
e-mail: rusoturisto07@mail.ru

Olga Lomakina
Doctor of Philological Sciences,
Professor of the Department of Foreign
Languages of the Faculty of Philology of
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba,
Moscow
e-mail: rusoturisto07@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821.511.132.0
DOI 10.51254/2312-0312-2024-4-68-62-74

ПОЭТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗОВ И МОТИВОВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ И ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ КОМИ ПИСАТЕЛЯ В.Т. ЧИСТАЛЕВА

© 2024 г. Е.В. Ельцова

Введение. В.Т. Чисталев – поэт-лирик, одним из основных источников его поэзии является внутренний мир человека. Но в творчестве он часто обращен и к внешнему миру, к значимым историческим событиям, в частности к Первой мировой войне, Гражданской войне 1917–1922 годов, революции 1917 года. **Цель статьи** – определение характера и степени влияния на творчество писателя революционной и пролетарской поэзии. **Материалы и методы.** Исследование проводилось с опорой на биографический, сравнительно-сопоставительный методы; материалом для него послужили стихи и поэмы В.Т. Чисталева 1917–1939 годов. **Результаты исследования, обсуждение.** За весь период творчества В.Т. Чисталев неоднократно переводил на коми язык и создавал оригинальную литературу по мотивам таких произведений, как «Интернационал» Э. Потье, «Красное Евангелие» В. Князева, «Башня» А. Гастева, «Песня о Соколе» М. Горького, создавал по мотивам данных произведений свои стихи и поэмы, используя и перерабатывая их образы, символику, стилистику. **Заключение.** Поэзия революционной, военной и пролетарской тематики оказала заметное воздействие на творчество В.Т. Чисталева в 1917–1939 годы, став значимым этапом в становлении и развитии коми литературы раннего советского периода.

Ключевые слова: коми литература 1920–1930-х годов; поэзия; образ; мотив; пролетарская литература; русская революционная поэзия; библейская символика; фольклор.

Введение

Творчество одного из основоположников коми литературы советского периода, поэта-лирика, прозаика, критика, автора и переводчика драма-

тургических произведений Вениамина Тимофеевича Чисталева характеризуется «сердечностью», художественностью, «подлинной народностью» [Латышева, 2005, с. 87]. Он – поэт ярко выраженного лирического склада, творчество которого признано одним из самых лиричных и эмоциональных в коми литературе двадцатого столетия [Федорова, 1957, с. 54, 55, 56]. Важнейшим источником творчества писателя является внутренний мир человека – его эмоции, размышления, переживания, надежды и мечты. Данное качество поэзии В.Т. Чисталева отмечалось еще критикой 1920-х годов [Минин, 1929, с. 106, 111]. Искренность в выражении чувств, зоркое всматривание в себя и в людей, стремление постичь чутким, отзывчивым, неравнодушным сердцем мир, родную природу и человека – главное призвание Чисталева-поэта.

Вместе с тем, несмотря на лирический склад души, в творчестве В.Т. Чисталев отнюдь не аполитичен. Об этом свидетельствуют письма писателя, отправленные им на родину из Киевского военного училища после Февральской революции 1917 года, в которых он размышляет о жестокости войны и бессмысленности ее жертв. Революционные события были восприняты им с радостью и надеждой не только на скорое завершение войны, но и на улучшение жизни его родного коми народа. Он писал: «Теперь настало другое время, многое изменилось <…> Теперь мы имеем полное право называться зырянами, а край наш Зырляндией <…> Отныне будет свобода всем народам, живущим в России. И нам будет не стеснительно, зырянам <…> Будем свободно говорить, писать и печатать по-своему – не боясь и не стесняясь» [В.Т. Чисталевлён…, 2010, с. 26]. В.Т. Чисталев, как и многие писатели-представители народов России, принял революцию всей душой не столько для себя, сколько для своего народа, узрев в ней предвестницу зари новой жизни. С этого момента и вплоть до завершения творческого пути его поэзия идет в ногу со временем, соответствуя духу эпохи. Она во многом привязана к внешним, всегда очень значительным, событиям, зачастую вызвана ими, являясь эмоциональным откликом поэта на происходящее в стране, в Коми крае, в родном селе и одновременно его точкой сцепления с современным литературным процессом. Начав писать задолго до революции, именно в 1917 году «революционный соловей», как его впоследствии называл один из современников [Беляев, 1999], ощутил настоящий подъем творческих и душевных сил – революция дала ему могучий толчок, вдохновив на поиски и открытия, обозначив новый масштаб творчества, определив узловые точки движения.

Цель статьи – определить степень воздействия на поэтическое творчество В.Т. Чисталева русской революционной и пролетарской поэзии первой четверти XX века, выявить и охарактеризовать основные образы и мотивы революционной, военной и рабочей тематики в творчестве поэта.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили поэтические произведения В.Т. Чисталева, созданные им в период с 1917 по 1939 годы и вошедшие в рукописные сборники поэта, а также опубликованные в периодических изданиях этих лет, в прижизненных и более поздних изданиях. При написании работы использовались биографический, сравнительно-сопоставительный методы исследования литературы.

Результаты исследования, обсуждение

Участие в Первой мировой войне, жизнь на чужбине, нахождение в гуще событий тех лет в самом начале творческого пути во многом определили характер творчества В.Т. Чисталева.

На Украине в 1917 году им было создано первое оригинальное и вместе с тем знаковое стихотворение на родном языке – «*Кӧнкӧ, веж турун пӧвс…*» («Где-то там, средь зеленых трав…»). Природа родной земли, окружающий мир и вселенная в нем очеловечены, одухотворены: лирическому герою, тоскующему вдали от родины, ее природа является ему в мечтах в образе милой девушки, облик которой складывается из тихого шелеста колышущихся на ветру трав, легкого ветра, теплых солнечных лучей, играющих в ее волосах, мягкого, нежного звучания ее голоса. Расставание с ней оборачивается для него и расставанием с радостью, покоем и счастьем. Стихотворение посвящено М. Йоль (1898–1975) – учительнице, артистке театра, активистке коми национального движения 1920-х годов, внесшей значимый вклад в развитие коми журналистики, литературы, женского движения, в изучение истории края [Чисталев, 2010, с. 522]. Думается, поэтом это сделано неспроста – личность адресата способствует раскрытию замысла произведения. В тот революционный год воплощением родной земли для писателя стал образ не просто прекрасной юной девушки – «*муса томиник ныв*» [Чисталев, 2010, с. 11], а девушки с активной жизненной позицией, своей деятельностью приносящей родному народу пользу, счастье и свет новой жизни. Об этом свидетельствуют и обращенные к лирическому герою произносимые ею слова:

Шойччы, дона мем морт,
коли сьӧд пемыд вой,
Эн нин дойдав, эн гӧр
аслад сьӧлӧмлысь дой…
[Чисталев, 2010, с. 12].

Отдохни, дорогой мой человек,
прошла черная темная ночь,
Не рань больше, не тревожь
своего сердца боль…[1]

Одним из первых стихотворных откликов поэта на революционные события стал художественный перевод международного пролетарского гимна

[1] Здесь и далее перевод с коми языка подстрочный мой. – *Е.Е.*

«Интернационал», выполненный им совместно с писателями В. Савиным и А. Маеговым с французского оригинала Э. Потье [Парма юргӧм, 1926, с. 4], впервые опубликованный в газете «Зырянская жизнь» в 1918 году и представляющий собой вольное переложение нескольких куплетов песни-оригинала, отличающееся эмоциональностью и революционным энтузиазмом.

Думается, именно его образы угнетенных и «заклейменных проклятьем» трудящихся всего мира, его призывные интонации вдохновили В.Т. Чисталева на создание в последующее десятилетие собственных стихов, посвященных многотрудной жизни коми народа в прошлом, его горестям и печалям: «*Ӧввӧ*» («Баю-бай», 1920), «*Коми йӧзлы*» («Коми народу», 1923), «*Пемыд олӧм*» («Темная жизнь», 1924), «*Важ олӧм колльӧдӧм*» («Проводы старой жизни», 1928). «Критическое отношение к прошлому» [Горький, 1980, с. 396] и, как следствие, прямое противопоставление старого мира – миру новому; темного, тяжелого, безрадостного дореволюционного прошлого – «грандиозным явлениям и процессам настоящего» [Горький, 1980, с. 396], заре новой жизни – ожидаемому светлому, счастливому послереволюционному будущему традиционно для многих поэтов этого периода. Актуально это и для поэзии В.Т. Чисталева: как отмечал литературовед и поэт А. Ванеев в 1974 году, «В. Чисталев является <…> поэтом двух времен, двух эпох» [1974, с. 13]. Для него жизнь коми народа в прошлом – это, в первую очередь, «*коми йӧзлӧн шогӧм*» (горе коми людей), «*тільсьӧм-мырсьӧм олӧмныс*» (мучительная трудная их жизнь), «*кынӧмпӧтсӧ перйӧмныс*» (добывание пропитания тяжким трудом), «*пемыд олӧм*» (беспросветная жизнь), «*жугыль коми гажъяс*» (тоскливое коми веселье), «*важ мира йир*» (омут старой жизни) [Чисталев, 2010, с. 70, с. 273, с. 369].

Одним из основных, наиболее значимых источников коми литературы на всем протяжении ее развития, с момента возникновения и по настоящее время, служит устная народная поэзия. Не является исключением и коми литература советского периода, возникшая после 1917 года: многие писатели 1920–1930-х годов, в том числе и В. Чисталев, знали фольклор коми, занимались его сбором и хранением и опирались на традиции устного народного творчества при создании оригинальных художественных произведений. В. Чисталев в собственных поэтических текстах нередко использовал ритмические схемы, мелодику, композиционную и образную структуру коми народных песен, перерабатывая их в соответствии с новым содержанием и новой действительностью. Таково стихотворение «Проводы старой жизни», в основе которого лежит мелодия и строфика широко известной коми народной песни «*Шондібанӧй олӧмӧй*» (Солнцеликая жизнь моя) [Коми йӧзкостса сьыланкывъяс, 1993, с. 97]. Изображая жизнь коми народа в прошлом, содержание старинной песни автор переводит «из сугубо-интимного в общественно-социальный план» [Микушев,

1961, с. 92] и создает в стихотворении образную систему, противоположную народной по значению, но сходную с ней по стилистике. В ней преобладают образы-сопоставления жизни с горечью рябиновых ягод и смолы, с тяжким трудом корчевания пней: «*пелысь шома олӧмӧй дай курбыш курыд вылӧмӧй*» («рябиново-кислое житье и горькое-прегорькое бытье»); «*пемыд жугыль олӧмӧй дай кузь мыр олӧм бертӧмӧй*» («темная тоскливая жизнь и корчевание высокого пня жизни»); «*важ сир курыд олӧмӧй*» («прошлая смолисто-горькая жизнь») [Чисталев, 2010, с. 369]. Наступление же новой послереволюционной эпохи тоже описано в стиле народных песен и ассоциировано с уносящими старую жизнь образами-символами весеннего половодья, морского прилива:

Ытва ваӧн нуӧма… Половодьем унесена…
Ытва ваӧн нуӧма, дай Половодьем унесена, да
Саридз ваӧн ойдӧма Морским приливом залита.
[Чисталев, 2010, с. 369].

Символика весны и мая, весеннего половодья, перемены и обновления, молодости, счастья непременно присутствует в стихах В.Т. Чисталева, посвященных новой послереволюционной действительности – «*Мед нэммас тайӧ лун!*» («Пусть в веках останется этот день», 1923), «*Майбыр Май*» («Милый Май», 1926). Жизнь в них обновляется с наступлением весны-революции, половодья-революции. Атрибутика советской действительности присутствует и в его стихах, посвященных природным явлениям: «*олӧм вежсьӧ: / кывсьӧ Майбыр Май*» («меняется жизнь: / слышится Милого Мая приход»), «*локтіс збоя / ытва вывті / Комсомолзон Май*» («смело пришел / по половодью / Комсомолец-парень Май»), «*Бӧрсьыс локтӧ / турун нӧбйӧн / Июнь – выль ань шань. / Тайӧ тэнад / лоӧ пӧлыд – / Комсомолныв Юнь*» («Следом идет / с тюком сена / Июнь – новая добрая женщина. / Будет она / парой тебе – / Комсомолка-девушка Июнь») [2010, с. 310, с. 311].

Событиям Первой мировой войны, Октябрьской социалистической революции 1917 года, Гражданской войны 1917–1922 годов В.Т. Чисталев посвятил поэму «Время обновления мира» (1927) и включенное в нее стихотворение «*Ыджыд ёрсьӧм*» («Великая клятва», 1920), «*Кыланныд*!» («Услышьте!», 1920), а также стихотворения «*19-ӧд во*» («19-й год», 1925), «*Кодарас ми*» («На чьей мы стороне», 1931), «Перекоп» (1933).

Созданы они, особенно ранние стихи, в русле пролетарской поэзии – одного из самых широких литературных течений первых лет Октябрьской эпохи, – в ее жанровых и стилевых особенностях и имеют, как правило, призывный характер. Но несмотря на то, что произведения такого плана в творчестве

В.Т. Чисталева идеологизированы, отмечены печатью агитационности и плакатности, в них чувствуются несомненное поэтическое мастерство поэта, всплеск революционной энергии, раскрывается его романтическая мечта о гармонии мира, обновленного революционной бурей.

Стихотворение «Великая клятва» с подзаголовком «*Гӧрд Евангельӧысь*» («Из Красного Евангелия») посвящено десятилетию Октябрьской революции и создано по мотивам вступления «Великое заклинание» к книге советского революционного поэта В. Князева «Красное Евангелие» (1918). Овеянное романтикой и лирическим волнением, отмеченное высоким душевным подъемом, произведение полно «торжества, ликования, оптимизма и уверенности, что любые препятствия будут сокрушены» [Паперный, 1959, с. 11].

В нем раскрывается героика нового времени, чувствуется пламя, в котором оно рождено:

Коді Гӧрд му понда олӧ?	Кто за Красную землю?
– Мунам, огӧ полӧ!	– Пойдем, не побоимся!
Коді думнас война ёрӧ?	Кто в мыслях войну проклинает?
– Мила дорӧ!	– В нашу сторону!
Код эз килькув лёк во дырйи,	Кто рук не опустил в страшную годину,
Мӧдысь локтас йӧктiгтырйи.	Дальше пойдет, пританцовывая.
---	---
Сьӧд удж бертысь, мувыв пиян!	Тяжелую работу одолевающие, сыны земли!
– Муыс миян!	– Земля наша!

[Чисталев, 2010, с. 66].

Особое внимание в произведениях данного ряда привлекает использование поэтом переосмысленных библейских образов и мотивов с целью художественного воздействия. После революции 1917 года, «несмотря на запретительное отношение к Библии, библейская фразеология продолжала функционировать в языке» [Семенова, 2003, с. 6], в том числе и в литературе (в поэзии пролеткульта, в произведениях С. Есенина, А. Платонова, В. Маяковского), в трансформированном виде.

В период, когда еще не выработался новый стиль, использовались элементы и образы старого стиля, наполнявшиеся новым, актуальным для времени, содержанием. В поэзии В.Т. Чисталева часто встречаются образы с использованием библейских слов и выражений. Среди них – «*Гӧрд* ***Евангельӧысь***» («из Красного Евангелия»), «*земля-муыс* ***адӧ*** *пӧри*» («земля адом обернулась»), «*олӧм* ***ад***» («жизни ад»), «*важ властьладор олысь* ***ен***» («бог, поддерживавший старую власть»), «***енлӧн*** *чиныс ёна чині*» («чин бога сильно упал»), «*медся ыджыд* ***вежаторйыс*** *– удж*» («самое святое на земле –

труд»), «*гӧрд* ***чӧрт пиян***» («красные чертенята») [Чисталев, 2010, с. 66, 334, 335, 336, 344, 336, 345] и др.

Даже поэма «Время обновления мира», посвященная событиям Первой мировой войны, Октябрьской социалистической революции 1917 года, Гражданской войны 1917–1922 годов, индустриализации в Коми крае, представляет эпохальные события как своего рода новый апокалипсис, во время которого происходят одновременно гибель старого, дореволюционного мира и рождение мира нового – большевистского, советского. При этом библейская символика в творчестве В.Т. Чисталева тесно переплетается с народными представлениями: «зажравшихся» и разбогатевших за счет рабочего класса капиталистов (буржуев) поэт уподобляет персонажам коми народных сказок – дракону (змею) и воронью. Интерпретация же революции и последовавших за ней событий как светопреставления восходит и к мифологическим представлениям народа коми о «*му вежӧм*»[2] конце света. В поэме упоминаются мифы: «*Му пӧ вежас»… / коркӧ / мойдлӧмаӧсь / важӧн. / Ӧні нинӧм нин / сэсь повны – / муыд вежсис: / дас во чӧжӧн / миян ёна / олӧм вежсис!*» [Чисталев, 2010, с. 345–346] («Грядет кончина мира (букв.: перемена)»… / когда-то / сказывали / давно. / Сейчас уже нечего / бояться – / мир поменялся: / изменилась / за десять лет / и наша жизнь»).

Отсылка автора к ним не случайна – в народном сознании события, связанные с революцией, действительно воспринимались как апокалиптические [Му пуксьӧм, 2005, с. 528]. Вместе с тем в поэзии 1920–1930-х годов и в творчестве поэта революция 1917 года представлена не только в значении конца света, но и его обновления – конца старого и зарождения нового мира.

В поэзии В. Чисталева 1920–1930-х годов показан и образ большевика – человека новой эпохи, чье появление уподоблено пришествию Железного Мессии в стихах русских пролетарских поэтов В. Кириллова «Железный Мессия», Я. Бердникова «Пришествие» и наполнено новым, отличным и от исконной библейской символики, и от символики пролетарской поэзии, где Мессия – спаситель обездоленных рабочих масс. Большевик В. Чисталева, в отличие от рабочего-пролетария, ближе к образу крестьянина-сеятеля, крестьянина-пахаря:

---

[2] Выражение «му вежӧм», существующее в коми языке, академическим «Словарем диалектов коми языка» переводится как «кончина мира». См.: Коми сёрнисикас кывчукӧр: в 2 т. / ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; под ред. Л.М. Безносиковой. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2012. Т. I.: А – О. С. 938.

Ог тӧд, кытчӧдз
сідзи муніс
олӧм адыс,
Эз кӧ Октябрь
лок да дорйы
сьӧд удж йӧзӧс.
Кыськӧ чужи,
петіс-локтіс
выль морт – большевик <…>
Важлысь лӧпсӧ тылаӧс моз
ректіс,
кӧрт плуг гӧрйӧн
пыді гӧрис – кӧдзис
кӧйдыс выль

Не знаю, долго ли
продолжался бы
жизни ад,
Если бы не пришел Октябрь
на защиту
чернорабочего человека.
Неведомо откуда
родился, появился
новый человек – большевик <…>
Хлам старого расчистил, словно
лес под пашню,
железным плугом
глубоко вспахал, засеяв
новыми семенами.

[Чисталев, 2010, с. 335, с. 336].

Вопросы о сути творчества коми писателей и их принадлежности к пролетарской литературе поднимались в те годы В. Савиным, который является одним из ведущих авторов данного периода. Им была написана статья, в которой утверждалось, что все коми авторы по своему происхождению и особенностям творчества – «крестьянские писатели с пролетарской идеологией» [Савин, 1929, с. 79], пролетарская поэзия в чистом виде не могла развиваться в Коми крае в силу отсутствия в нем крупной промышленности и рабочего класса.

По этой же причине крестьянским писателем можно назвать и В.Т. Чисталева – автора стихов о земле и человеке, на ней работающем. За исключением нескольких стихотворений, в произведениях поэта нет масштабных картин индустриализации Коми края, нет образов фабрик и заводов, станков и вагранок, так свойственных пролетарской поэзии. Однако в его поэзии неоднократно встречаются образы крестьянина – пахаря, сеятеля, косаря, кузнеца, охотника. Его будничный труд вдохновлен и созидателен, поднят писателем до уровня священного, обожествленного: «*вежа Удж*» («святой Труд»), «*Уджӧс вылӧ пуктам. / Мед жӧ сійӧ видза олас, / Сійӧ – миян енным!*» («Превыше всего мы ставим труд. / Пусть же он здравствует, / Он – наш бог!») [Чисталев, 2010, с. 89, 275].

В стихах этого ряда показан результат изменения сознания крестьянина, с приходом новой власти почувствовавшего, наконец, себя ее настоящим хозяином и в полной мере проявившего свое хозяйское отношение к возделываемой им земле. В них проявляются не только необходимость, но и красота повседневного созидательного труда, его возвышенность, священность. Картины, представленные в произведениях, одновременно и реалистичны, и глубоко символичны.

Образ крестьянина-земледельца, любующегося результатами своего труда, в стихах «Взгляну на землю свою» и «Пахарь» символизирует не только вольный созидающий труд нового человека-хозяина в новом мире. Обращаясь к силе воздействия сакрального слова, поэт и здесь обращается к преображенному христианскому мотиву великого духовного сева, которого ожидает, в данном случае, душа извечно печального, несчастного коми человека.

Мотив этот распространен не только в русской пролетарской литературе: «Мы смело вспашем землю эту / Засеем семенем и словом» [Пролетарские поэты, 1959, с. 213], но и в финно-угорских (пермских) литературах этого периода. Есть он и в позднем варианте 1931 года стихотворения удмуртского писателя К. Герда «*Ми гырисько*м» («Мы пашем»), в котором представлен образ новых поэтов – сеятелей вечных ценностей и идей. При этом построение стихотворения В.Т. Чисталева «Взгляну на землю свою», особенности его строфики (белые трехстишия) указывают и на его связь с коми трудовыми песнями посевной тематики, бытовавшими в том числе и в родном селе писателя [Микушев, 1961, с. 91].

Кайла видзӧдла
аслам му вылӧ, –
нимкодясьышта.
Мый тон вайӧ мем
Аслам киподйӧй
Меным водзӧссӧ<…>
Тэд ме бурсиа,
муса муӧйлы,
пыр тадз бур лоны.
Тэнӧ вӧчысьлы,
Вежа Удж нимлы,
улӧ копыртча
[Чисталев, 2010, с. 88–89].

Взойду на пригорок, взгляну
на землю свою, –
полюбуюсь.
Что приносит мне
труд рук моих
мне в ответ<…>
Тебя благословляю я,
милая земля моя,
быть такой хорошей всегда.
Созидающему тебя
Святому Труду
до земли поклонюсь.

С образом крестьянина в стихах В.Т. Чисталева соседствует образ кузнеца, перекликающийся с образами кузнеца в стихах русских пролетарских поэтов В. Александровского «Кузнец» (1918), Я. Бердникова «Кузнецы куют» (1918). Но если в произведениях последних раскрывается идея о ковании счастья – «Счастье здесь с утра до ночи / Кузнецы куют» [Пролетарские поэты, 1959, с. 142], то стихотворение коми поэта «Кузнецы» более конкретизировано и опять же связано с крестьянской тематикой. Новый плуг, кующийся кузнецами, нужен для того, чтобы вспахать землю, вырастить пшеницу и заполнить хлебом ямы, «вырытые» войной – «*няньӧн мед тырталас войналысь гусӧ*» [Чисталев, 2010, с. 99].

На развитие творчества коми писателя заметное воздействие оказала не только пролетарская литература советского периода, но также и русская революционная литература предреволюционных лет. Так, по мотивам произведения М. Горького «Песня о Соколе» (1895) В. Чисталевым создано стихотворение «*Тӧвйыв Варыш*» («Сокол», 1920), а по мотивам произведения А. Гастева «Башня» (1913/1917) – трагипоэма «*Мездлун дорӧм*» («Кование свободы», 1923).

Оба произведения – это творческое переосмысление, частичная перестройка подлинника с учетом национальных особенностей коми культуры, языка, традиций, мышления и философии коми народа [Ельцова, 2015, с. 69–73].

Метризованная проза русских произведений представлена В.Т. Чисталевым в виде белого дактилического стиха с разбивкой на стихотворные строки. По всей видимости, коми поэта в произведениях русских писателей привлек мотив прометеевского бунта, «целью которого является создание невиданного, нового человека-творца» [Гюнтер, 1995, с. 147], сильного и разумного существа, который стоит во главе угла и выступает как полнокровная личность, будущий творец культуры и хозяин жизни, создатель нового, светлого и счастливого мира.

Заключение

Коми художественная словесность, имеющая письменные традиции с XIV века, изначально создавалась на основе переводной литературы религиозной тематики, позднее – на основе устного народного творчества и мифологии, а также образцов русской и мировой классики. Однако Октябрьская революция 1917 года, приведшая к смене политической власти в России и формированию новой социально-экономической системы, вызвала и обширные культурные преобразования, коснувшиеся и коми литературы, в том числе творчества основоположников литературы советского периода В. Чисталева, В. Савина, М. Лебедева, В. Лыткина. На поэзию В. Чисталева, имевшего дореволюционный опыт литературной работы, в период с 1917 по 1939 год значительное воздействие оказали зарубежная революционная поэзия и русская поэзия Пролеткульта революционной, военной и пролетарской тематики. Проявившись на идейном и тематическом уровнях, найдя воплощение в образах, мотивах и стилистике его произведений, они во многом определили характер и направление творчества писателя, сыгравшего значительную роль в становлении и развитии коми литературы раннего советского периода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Беляев Г. Тима Веньлы да семьяыслы копыръяс. Уна дас во сайын Помӧсдінӧ ыстӧм письмӧяс // Коми му. 1999. 19 окт.

Ванеев А.Е. Время и коми поэзия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1974. 136 с.

В.Т. Чисталёвлӧн А.С. Ватамановалы военнӧй служба вывсянь письмӧяс // Арт. 2010. № 4. С. 9–31.

Горький А.М. О литературе. М.: Сов. Россия, 1980. 478 с.

Гюнтер Х. «Котлован» и Вавилонская башня // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Материалы II Междунар. науч. конф. Вып. 2. Наследие, 1995. С. 145–151.

Ельцова Е.В. Мотивы произведения А.К. Гастева «Башня» в трагипоэме В.Т. Чисталева «Мездлун дорӧм» (Кование свободы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-2 (50). С. 69–73.

Коми йӧзкостса сьыланкывъяс / под. ред. А.К. Микушева, П.И. Чисталева. Т. 1. Эжва да Сыктыв. Изд-е второе. Сыктывкар, МГП «Шыпас», 1993. 287 с.

Латышева В.А. Классики и современники: ст. о лит. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. 237 с.

Микушев А.К. Коми литература и народная поэзия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 128 с.

Минин М. Чисталёв Тима Веньлӧн гижӧдъяс // Ордым. 1929. № 11–12. С. 106–112.

Му пуксьӧм / авт.-сост. П.Ф. Лимеров. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. 624 с.

Паперный З. Пролетарская поэзия первых лет советской эпохи // Пролетарские поэты первых лет советской эпохи [Вступ. ст. и сост. З.С. Паперного]. М.: Сов. пис., 1959. 585 с.

Парма юргӧм. Коми сьыланкывъяс. Сыктывдін кар: Коми нига лэдзанін, 1926. 64 с.

Пролетарские поэты первых лет советской эпохи / вступ. статья и сост. З.С. Паперного. Л.: Сов. пис., 1959. 588 с.

Савин В.А. Ставроссияса крестьяна гижысьяслӧн медводдза съезд // Ордым. 1929. № 6–7. С. 79–82.

Семенова Е.С. Библеизм как средство речевого воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: 2003. 20 с.

Федорова А.Н. Тима Веньлӧн «Олӧм вояс» // Войвыв кодзув. 1957. № 12. С. 54–59.

Чисталев В.Т. (Тима Вень). Ния: 1908–1929 воясся гижӧдъяс. Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2010. 592 с.

Elena Yeltsova

POETIC EMBODIMENT OF IMAGES AND MOTIFS OF RUSSIAN REVOLUTIONARY AND PROLETARIAN POETRY IN KOMI WRITER V.T. CHISTALEV'S WORKS

Introduction. V.T. Chistalev is a lyric poet and one of the main sources of his poetry is the inner world of a human being. In his works he often turns to the outside world, to significant historical events of his time namely to the First World War and the Civil War, the revolution of 1917. **The purpose of the article** is to determine the nature and degree of influence of revolutionary and proletarian poetry on the writer's works. The research was conducted based on biographical and comparative methods. Verses and poems written in 1917–1939 were analyzed. **Research results**

and discussion. Throughout the entire period of his work, V. Chistalev repeatedly translated literary works into Komi and created original literature based on such works as E. Pothier's "International", V. Knyazev's "Red Gospel", A. Gastev's "Tower", M. Gorky's "Song of the Falcon". He wrote his poems using images, symbols and stylistics of above-mentioned poems. **Conclusion.** Revolutionary, military and proletarian poetry had a significant impact on the work of V.T. Chistalev in the 1917–1939s, becoming significant stage in the formation and development of Komi literature of the early Soviet period.

Keywords: Komi literature in 1920s–30s; poetry; image; motif; proletarian literature; Russian revolutionary poetry; biblical symbolism; folklore.

REFERENCES

Beljaev G. Tima Ven'ly da sem'jaysly kopyr''jas. Una das vo sajyn Pomösdinö ystöm pis'möjas (Poklony Tima Venyu i yego sem'ye. Pis'ma, otpravlennyye v Pomozdino mnogo desyatiletiy nazad) [Greetings to Tima Wen and his family. Letters sent to Pomozdino many decades ago]. *Komi mu*, 1999, 19 okt. (In Komi).

Vaneev A.E. Vremja i komi poezija [Time and Komi Poetry]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1974, 136 p. (In Russian).

Chistalëvlön V.T. A.S. Vatamanovaly voennöj sluzhba vyvsjan' pis'möjas (Pis'ma V.T. Chistaleva A.S. Vatamanovoy s voyennoy sluzhby) [Letters from V.T. Chistalev to A.S. Vatamanova from military service]. *Art*, 2010, no. 4, pp. 9-31. (In Komi).

Gor'kij A.M. O literature [About Literature]. Moscow, Sovetskaja Rossija, 1980, 478 p. (In Russian).

Günther H. "Kotlovan" i Vavilonskaja bashnja ["A Pit" and Tower of Babel]. *«Strana filosofov» Andreja Platonova: problemy tvorchestva. Materialy 2 Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii.* Moscow, Nasledie, 1995, pp. 145-151. (In Russian).

El'cova E.V. Motivy proizvedenija A.K. Gasteva «Bashnja» v tragipoeme V.T. Chistaleva «Mezdlun doröm» (Kovanie svobody) [The motives of A.K. Gastev's work "The Tower" in V.T. Chistalev's tragic poem "The Quest for Freedom"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 8-2 (50), pp. 69-73. (In Russian).

Komi jözkostsa s'ylankyv''jas Tom 1. Ezhva da Syktyv (Komi narodnyye pesni. Tom 1.) [Komi Folk Songs. Vol. 1]. 2nd. ed. Eds. A.K. Mikushev, P.I. Chistalev. Syktyvkar, MGP «Shypas», 1993, 287 p. (In Komi).

Latysheva V.A. Klassiki i sovremenniki: stat'i o literature [Classics and Contemporaries: Articles on Literature]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2005, 237 p. (In Russian).

Mikushev A.K. Komi literatura i narodnaja poezija [Komi Literature and Folk Poetry]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1961, 128 p. (In Russian).

Minin M. Chistalëv Tima Ven'lön gizhöd''jas (Proizvedeniya Veniamina Chistaleva) [Works by Veniamin Chistalev]. *Ordym*, 1929, no. 11-12, pp. 106-112. (In Komi).

Mu puks'öm (Sotvoreniye zemli) [The Creation of the Earth]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2005, 624 p. (In Komi, In Russian).

Papernyj Z. Proletarskaja poezija pervyh let sovetskoj epohi [Proletarian Poets of the Beginning of the Soviet Era]. *Proletarskie poety pervyh let sovetskoj epohi.* Moscow, Sovetskij pisatel', 1959, pp. 5-74. (In Russian).

Parma urgöm. Komi s'ylankyv''jas (Zvuchaniye parmy. Komi pesni) [The Sound of Parma. Komi Songs]. Syktyvdin kar, Komi niga ledzanin, 1926, 64 p. (In Komi).

Proletarskie poety pervyh let sovetskoj epohi [Proletarian Poets of the Beginning of the Soviet Era]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1959, 588 p. (In Russian).

Savin V.A. Stavrossijasa krest'jana gizhys'jaslön medvoddza s''jezd (Vserossiyskiy s″yezd krest′yanskikh pisateley) [All-Russian Congress of Peasant Writers]. *Ordym*, 1929, no. 6-7, pp. 79-82. (In Komi).

Semenova E.S. Bibleizm kak sredstvo rechevogo vozdejstvija [Biblical expressions as a means of speech influence]. Abstract of Ph. D. thesis. Tver', 2003, 20 p. (In Russian).

Fedorova A.N. Tima Ven'lön «Olöm vojas» («Gody zhizni» Tima Venya) ["The Years of Life" by Tima Ven]. *Vojvyv kodzuv*, 1957, no. 12, pp. 54-59. (In Komi).

Chistalev V.T. (Tima Ven'). Nija: 1908–1929 vojassja gizhöd''jas (Listvennitsa: proizvedeniya 1908–1929 godov) [Larch: Works of 1908–1929]. Syktyvkar, Izdatel'stvo «Kola», 2010, 592 p. (In Komi).

Ельцова Елена Власовна
кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института языка,
литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН,
г. Сыктывкар
e-mail: alena.eltsova@mail.ru

Elena Yeltsova
Candidate of Philological Sciences,
Researcher of the Institute of Language,
Literature and History
of the Komi Research Centre the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
e-mail: alena.eltsova@mail.ru

УДК 821.511.131.0
DOI 10.51254/2312-0312-2024-4-68-75-86

«ЧЕЛОВЕК И ТРУД» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ РЕШЕНИИ УДМУРТСКОГО ПОСЛЕВОЕННОГО ОЧЕРКА

© 2024 г. Т.И. Зайцева, О.М. Максимова

Введение. Статья посвящена анализу особенностей развития удмуртского очерка о труде в национальной литературе послевоенных лет, поскольку именно этот жанр занимал ведущее положение в литературном процессе Удмуртии того периода. На примере творчества М. Воронцова и М. Лямина описана идейно-художественная специфика послевоенного удмуртского очерка. **Цель статьи** – представить закономерности развития жанра очерка производственной и деревенской тематики в удмуртской литературе послевоенных лет, охарактеризовать основные элементы его художественной структуры. **Материалы и методы.** Материалом для изучения стали наиболее показательные с точки зрения избранного аспекта исследования публицистические произведения удмуртских писателей, созданные в послевоенное десятилетие. Методы исследования – историко-литературный, биографический, проблемно-эстетический, структурно-описательный. **Результаты исследования, обсуждение.** Анализ рассмотренного материала позволяет выявить проблемный характер послевоенного удмуртского очерка и его основные структурные элементы, что отражает своеобразие времени, демонстрирует формирование нового образа человека труда в национальной прозе. **Заключение.** В каждый период развития литературы, в зависимости от социально-экономической, культурно-эстетической ситуации, на авансцену литературного процесса выходит тот или иной жанр. Среди писателей, оказавших большое влияние на развитие жанров публицистики в удмуртской литературе послевоенного времени, выделяются М. Воронцов и М. Лямин. В первые послевоенные годы в их очерках представлен образ человека труда, обобщающий многие черты реальных людей эпохи. Эволюция жанра очерка в творчестве названных авторов связана с описанием производственной проблематики, которая дополняется раскрытием личностных качеств героя. Статья являет собой необходимое звено в систематизации и классификации жанра удмуртского очерка в изучении истории национальной публицистической прозы в целом.

Ключевые слова: удмуртская послевоенная литература; публицистика; жанр; очерк о труде; образ человека.

Введение

Великая Отечественная война обострила национально-историческое и общественное самосознание советского народа, в том числе и в Удмуртии. Проблема осмысления национальной истории, путей дальнейшего развития страны стала особенно волновать удмуртскую литературу первых послевоенных десятилетий, нашла отражение в произведениях крупных эпических жанров. Значительными послевоенными произведениями стали повесть «*Ӟардон азьын*» («Перед рассветом», 1952) и роман «*Вуж Мултан*» («Старый Мултан», 1954) М. Петрова (1905–1955), роман-дилогия «*Лудӟи шур дурын*» («У реки Лудзинки», 1949–1957) Т. Архипова (1908–1994), повесть «*Шудбур понна*» («За счастье», 1950) М. Лямина (1906–1978), роман-трилогия «*Вордйскем палъёсын*» («В родных краях», 1958–1963) И. Гаврилова (1912–1973). Авторы названных произведений стремились художественно осмыслить социально-психологические, духовно-нравственные мотивы деятельности людей нового времени. Однако предшественницей романов и повестей в удмуртской литературе 1945–1955 годов стала «малая» проза, сумевшая оперативно освещать события военной тематики и актуальные трудовые вопросы. Пафос очерков и рассказов был определен желанием авторов показать реальные примеры подвигов земляков на фронте и свидетельства самоотверженного труда современников по восстановлению разрушенного хозяйства. Самым оперативным жанром в этот период явился очерк о труде, специфика развития которого в удмуртской прозе указанных лет остается до конца не изученной. Тем не менее существуют ценные, но весьма отрывочные наблюдения о творчестве ведущих национальных публицистов послевоенной эпохи. Прежде всего это работы Ф. Ермакова [1975] и З. Богомоловой [«Песня над Чепцой и Камой», 1976; «Я и в мире боец», 1986]. Отдельные вопросы, связанные со спецификой развития публицистических жанров в национальной прозе первых послевоенных лет, сжато освещены в монографии Т. Зайцевой и О. Максимовой [2021]. Простое упоминание рассматриваемых в статье очерков можно найти в соответствующей главе «Истории удмуртской советской литературы» [Ермаков, Уваров, 1987].

Цель статьи – рассмотреть проблематику и поэтику удмуртского очерка первых послевоенных десятилетий.

Материалы и методы

Материалом послужили очерки, написанные удмуртскими авторами-фронтовиками в послевоенное десятилетие и вышедшие впоследствии отдельными изданиями: М. Воронцов «*Гуртэ тулыс вуиз*» («Весна пришла в деревню»,

1959) и «*Меӵ гурезе*» («В крутую гору», 1963), М. Лямин «*Уж бордын шумпотон*» («Труд – источник радости», 1955), «*Сюлэм ӧте*» («Сердце зовет», 1959) и «*Бадӟым улон*» («Большая жизнь», 1961). Ключевыми **методами** в работе стали историко-литературный и биографический, позволившие связать жанровое своеобразие анализируемых произведений со временем их создания и творческими индивидуальностями авторов; также опорными стали приемы проблемно-эстетического подхода к художественному тексту.

Результаты исследования, обсуждение

Жанр очерка производственной тематики оказался для удмуртской литературы послевоенного периода наиболее органичным способом показа трудовой жизни народа и государства в целом. Наряду с вниманием к злободневным проблемам современности этот жанр начинает актуализировать вопросы национальной идентичности, национального характера; стремится опоэтизировать описываемые в тексте производственные процессы. В самые первые послевоенные годы удмуртская публицистика создает обобщенное представление о типе рядового труженика-удмурта. Для писателя важна демонстрация положительного примера, проверенного факта, что может оказать прямое влияние на решение хозяйственных проблем в том или ином коллективе. Характер героя раскрывается путем преувеличения социально-типических черт, при этом индивидуально-неповторимое в какой-то степени отходит на второй план. Очерк, основанный на обобщении и представляющий собирательный образ человека, есть исторически обусловленная ступень в развитии жанровой системы удмуртской прозы. При всей суммарности черт персонажа часто герой называется подлинным именем, поскольку автор заверяет читателя в достоверности описываемых событий.

Тенденцию развития послевоенной национальной очеркистики ярко отражает творчество Михаила Сидоровича Воронцова (1914–1963). В его книгах «*Гуртэ тулыс вуиз*» («Весна пришла в деревню», 1959) и «*Меӵ гурезе*» («В крутую гору», 1963) воплотились основные параметры удмуртского очерка обобщающего типа. Важно заметить, что очерки, вошедшие в эти книги, первоначально, в течение двух десятилетий, печатались на страницах республиканского журнала «Молот» и республиканской газеты «Советской Удмуртия», альманаха «*Кизили*» («Звезда»).

Многие тексты сборника «Гуртэ тулыс вуиз» построены на реальных событиях, сохранены имена и фамилии героев, названия деревень и колхозов. Автор описывает патриархальную деревню, уступающую место механизированному хозяйству. Используя приемы проблемного очерка, М. Воронцов изображает яркие приметы современности, обращаясь к судьбам конкретных людей. Это крестьянки, с появлением в деревне ясель и садика, вернувшиеся к работе в колхозе («*Анайёс бусые мыно*» – «Матери на поле»); молодой

руководитель колхоза «Киров» Валиулла Касимов («*Чупчи шур дурын*» – «На берегу реки Чепцы»); кузнец-левша, плотник и обувщик Василий Андреевич Главатских («Портрет»); новаторы братья-трактористы Демьян и Евгений Пономарёвы («*Вынъёс*» – «Братья»); девушка-механизатор Женечка Власова («*Нырысь вамыш*» – «Первый шаг»). Фактически эти произведения являются проблемно-портретными зарисовками с подробным, взволнованно-приподнятым описанием будничного труда. Ценны наблюдения о воронцовских очерках вступающего тогда в литературу известного удмуртского прозаика С. Самсонова: *«Веросъёсыз но очеркъёсыз но гуртъёстӥ ветлыса, отысь адямиосын пумиськылыса кылдэмын. Солэн* (М. Воронцовлэн. – *Т.З., О.М.*) *син шораз котьку но нырысь ик йӧтэ ужась адями»* («Рассказы и очерки писателя созданы на основе материала, собранного им во время поездок по деревням и встреч с людьми. Он (М. Воронцов. – *Т.З., О.М.*) сразу же подмечает трудового человека» [Самсонов, 1960, с. 47] (здесь и далее – перевод авторов статьи). И еще: *«Автор героез сярысь уг вера, со возьматэ. Автор ас кылыныз но, геройёслэн ваче вераськемзы пыр но, героезлы ачиз вазиськыса но, героез интын шара малпаськыса но син азе пуксьымон суредъёс сётэ. Асэныз но геройёсын ӧош лыдзисьёсыз но малпаськытэ»* («Автор не говорит о герое, он его изображает. Перед глазами встают живые картины, поскольку в произведении использованы и авторские характеристики, и диалоги героев, и авторские обращения к герою, и открытые монологи самого героя. Выраженное авторское присутствие совместно с позицией героя оказывает сильное воздействие на читателя») [Самсонов, 1960, с. 47].

Особенного внимания заслуживают актуальность проблемы, способы построения героя и композиции в очерках М. Воронцова «Вынъёс» и «Чупчи шур дурын». Сначала автор выделяет наболевшее, нерядовое событие. Затем следует кульминация. Ведущие герои – председатель сельхозартели «*Вылӥ Парзи*» Илья Плехов (в первом случае) и известный в республике председатель колхоза «Киров» Балезинского района Удмуртии Касимов Валиулла (во втором произведении). Злободневен для руководителей вопрос о необходимости новейшей техники и молодых специалистов для развития колхозного хозяйства. Об этом размышляет Илья Плехов: «*Бригадир озьы ик трос ужа ас калыкеныз. Солэн уноез механизаторъёсыз – егитъёс. Нош егитъёслэсь ужан культуразэс жутон ужпумез, тон усто организатор ке но, огнад уд быдэсты. Та уже со кыске трактористын кема аръёс ӧоже умой ужам адямиосты*» («Бригадир много работает с народом. Много в его бригаде молодых. А чтобы повысить профессиональную культуру молодых работников, недостаточно лишь организаторских качеств руководителя. В это дело он привлекает опытных, долгие годы хорошо проработавших трактористами, людей») [Воронцов, 1959, с. 96]. Слова героя актуальны во все времена.

В очерке «*Чупчи шур дурын*» поставлен вопрос о планировании, при котором необходимо учитывать конкретные производственные и жизненные обстоятельства, а не «спускать решения сверху». В послевоенный период особенно остро стояла проблема старых порочных методов хозяйствования. Авторитетный в республике той эпохи агроном Емельянова Агния Георгиевна становится главным соратником председателя в деле внедрения его идей в производство. Автор ярко и живо показал процесс и результаты вдохновенного коллективного труда послевоенных лет.

Документальные герои придают рассматриваемым очеркам романтический пафос. Агитационно-приподнятая форма повествования хорошо ощутима в финальных эпизодах. «*Кырыжам коркаос интые жутскылiзы выльёсыз. Коркаос гинэ ёвёл, быдэс выль ульчаос кылдiзы. Колхоз узырмиз техникаен, выль автомашинаосын, чыжак выль фермаосын. Жоген татын дышизы ‘экскурсантъёс’ кыллы но. Бен пумен трос вуылiзы ни угось отчы, Балезино районысь гинэ ёвёл, мукет районъёсысь но колхозникъёс*» («Вместо покосившихся изб построены новые дома. Появились целые улицы новостроек. Колхоз имеет современную технику, построены фермы с новым оборудованием. Здесь уже привыкли к слову ‘экскурсанты’; теперь сюда приезжают люди не только с Балезинского, но и с других районов Удмуртии») [Воронцов, 1959, с. 105].

Для современного читателя интересен язык публицистики М. Воронцова, который передает глубину и многомерность речи деревенского человека. Герои и автор применяют яркие народные выражения, обороты: «*гурвыл кадь интыын-а пудо тэлезоз?*» («на перекрыше печи, что ли, наберет скотина веса?»); «*Уть, пинал ке но, тынад синмыд лэчыт ни*» («Хоть и молода, а глаз – острый») и др. Встречается немало живых сравнений. Например: «*Корт кисэ кадь кырмиз со милесьтым киосмес. Кимышказ лызмыт вирсэръёсыз писпулэн пунiськем выжыосыз кадь адзiсько: ужась киос*» («Словно железными тисками пожал он наши руки. На тыльной стороне его рук – синие кровеносные сосуды, как переплетенные корни деревьев – руки трудяги») [Воронцов, 1959, с. 91].

Тема послевоенного труда отражена и в книге М. Воронцова «*Меч гурезе*». В центре внимания автора – образы женщин-современниц, работающих наравне с мужчинами в разных сферах: производстве, строительстве, животноводстве, образовании, культуре. Публицист отдает дань уважения простой удмуртской женщине, которая становится активным членом общества. Профессиональный и личностный рост деревенской труженицы показан в очерках «*Ошмес син*» («Глаз родника»), «*Тылъёс пумитэ*» («Навстречу огням»).

«*Ошмес син*» демонстрирует поворот удмуртского очерка от описания отдельного факта к более глубокому его художественному анализу. Специфику изложения материала начинает определять выбор героя. М. Воронцов впервые

в удмуртской послевоенной прозе обращается к изображению героев творческого труда. Коллективу самодеятельных артистов совхозного клуба одного из сел Балезинского района Удмуртии посвящен очерк «*Соослы калык чабе*» («Им аплодирует народ»). Рабочая литейно-механического завода Алевтина Перевозчикова стала солисткой хора, исполняющего сюиту «Встреча на станции Балезино». Экономическое обновление страны меняет сознание людей, коллективный труд способствует раскрытию потенциальных возможностей человека. Воронцовская публицистика – документ ушедшей эпохи, сохранивший в подробностях свидетельства послевоенной жизни.

В творчестве М. Воронцова-очеркиста интересен опыт циклизации. Соединение исследовательски-публицистического материала с беллетристическим представляют собой циклы очерков «*Соослы калык чабе*» («Им аплодирует народ»), «*Улонэ вамышто пичиос*» («В жизнь входят дети»), «*Меч гурезе*» («В крутую гору»). Единство циклов создается и благодаря живой народной речи: пословиц, поговорок, образных слов и выражений, передающих народное остроумие. К примеру, «*Ӟардыку кошкиськод, уйшорзэ атасъёс чоръяку бертйськод, югыт нуналэз но уд адӟылйськы*» («С рассветом уходишь, возвращаешься в пору полуночного пения петухов, дня белого не видишь»); «*ваньзэ ас дыраз лэсьты*» («всему свой час»); «*мастерской азьтй, пӧсь шыд котыртй кочыш сямен, лёгаськиськод*» («около мастерской, словно кошка вокруг тарелки с теплым супом, ходишь»); «*котькыче емышлэн кисьмам дырыз вуэ*» («каждый овощ в свое время созревает»); «*чырты гинэ мед луоз – кычес сюроз*» («лишь бы шея была – петля найдется») и др.

Разновидности очерка о труде, когда он начинает совмещать в себе элементы портретного, событийного, проблемного, представлены в удмуртской литературе тех лет публицистикой Т. Архипова «*МТС-ын та нуналъёсы*» («В эти дни в МТС-е», 1954), С. Самсонова «*Азылане сюрес*» («Дорога вперед», 1959), Г. Красильникова «*Коммунистъёс*» («Коммунисты», 1958), В. Смирнова «*Улонлэн ӧраз*» («В русле жизни», 1961), В. Михайлова «*Гуртэ сюрес*» («Дорога в деревню», 1962). Удмуртская критика отнесла эти очерки к событийному типу. «Писатели обращаются и к событийному очерку, потому что в рамках его лучше можно было раскрыть ту новизну, которую принесли в деревню новые люди», – пишет Ф.К. Ермаков [1975, с. 77]. Однако названные выше произведения нельзя отнести к жанру «чистого» событийного очерка, они сочетают в себе черты, качества и элементы зарисовки, портретного очерка, проблемного, описательного и даже бытового.

Эволюция послевоенного удмуртского очерка о труде ярко выражена в публицистике Михаила Андреевича Лямина (1906–1978). П. Домокош справедливо отмечал, что его очерки составляют часть «большой советской литературы – и они в то же время отражают состояние удмуртской литературы данного

периода» [Domokos, 1975, с. 387]. М. Лямин хорошо известен как автор-фронтовик военной прозы, однако его публицистика на трудовую тематику остается практически без внимания.

Лямин выделяется непривычным для литературы тех лет критическим изображением жизни, открытым отстаиванием авторской позиции. Для его проблемных очерков характерны такие черты, как лаконичный сюжет, четко обозначенный хронотоп, малое количество героев, четко выраженная точка зрения автора.

Писатель-фронтовик М. Лямин сам прошел процесс адаптации к мирной трудовой жизни, ему пришлось включиться в решение сложных экономических и хозяйственных вопросов, стоящих тогда перед республикой. Его книги «*Уж бордын шумпотон*» («Труд – источник радости», 1955), «*Сюлэм ӧте*» («Сердце зовет», 1959) и «*Бадӟым улон*» («Большая жизнь», 1961) основаны на документальных и информационных радиосообщениях.

Изучая тенденции развития послевоенного очерка, литературоведы оттеняют мысль, что этот жанр модернизировался «из потребности ко все более решительному вмешательству в жизнь», что литература «получила возможность уже не ‘попутно’, а непосредственно <…> влиять на данное конкретное дело, на практику жизни, сохраняя при этом свою силу нравственного, этического воздействия» [Росляков, 1956, с. 6]. Такой точки зрения придерживались многие советские литературоведы [Кардин, 1962; Глушков, 1966; Алексеев, 1980; Стюфляева, 1989].

Лямину М. не свойственно фронтальное изображение жизни, он ищет угол зрения, позволяющий типизировать единичный факт. Писатель концентрирует внимание на изображении одного-двух характеров в контексте истории страны. В ляминской публицистике человек вписан в историю поколения, сопряжен и связан с судьбой народа, государства. Большинство его произведений составляют портретные очерки с психологической разработкой образа героя. Здесь текст «работает» на выявление внутренних качеств характера человека. Если чаще удмуртский автор, изображая героя, выделял его профессиональные качества, то у Лямина соотношение внешних черт персонажа с его внутренним обликом соразмерное, то есть более гармоничное, поскольку он стремится показать взаимоотношения главного героя с другими персонажами. Особенно важно то, что писатель берется за изображение новой сферы народной жизни, связанной с индустриальным или городским производством. Герои ряда его очерков – рабочие промышленных предприятий Ижевска.

Очерк «*Бадӟым улон*» («Большая жизнь») воссоздает портрет Гондырева (Медведева) Степана Александровича, оператора прокатного стана Ижевского металлургического завода, Героя Социалистического Труда. Примечательно, что Степан Гондырев в составе бригады прокатчиков проходил стажировку на Днепропетровском металлургическом заводе, наладил экономические свя-

зи с производством многих предприятий страны. Заботясь о совершенствовании технологии обработки металлов на родном заводе, он разработал немало рационализаторских проектов. В судьбе главного героя акцент сделан на духовном и профессиональном росте человека из «крестьянских низов». Как сотни тысяч удмуртов-крестьян в довоенные годы Гондырев пришел на завод: «*Сизьымо кутэн, гожмо лыз штаниен, куско сукманэн, тыбыраз кышъето пуйыен…*» («В лаптях-семеричках, в синих конопляных штанах в полоску, в сукмане с отрезной талией, заштопанной котомкой на спине…») [Лямин, 1961, с. 15]. Деревенскому пареньку необходимо было овладеть рабочей профессией, освоить городской уклад жизни. Автор со знанием материала описывает то, как герой вживается в неизвестную обстановку, постигает русский язык, приобретает навыки работы с металлом, становится членом трудового коллектива. Убедительно продемонстрирован процесс сближения людей разных национальностей и социальных слоев в ходе построения нового индустриального государства. В тексте очерка чередуются динамичные сцены и описательные фрагменты, портретные зарисовки и исторические экскурсы; публицистический пересказ сочетается с лирическими авторскими раздумьями. Объектом особенного наблюдения у публициста становится изменение жизненных установок человека в процессе созидательного труда во благо общества.

Лямин М. наряду с производственными вопросами, заостряет проблему сохранения природной среды в городе при строительстве новых промышленных предприятий. Металлург Гондырев говорит о необходимости развития современного промышленного производства в согласии с традициями местной среды, с народными обычаями: «*Туэ ми доры вуылїзы Чехословакиысь металлургъёс. Соосыд но кыл уг шедьто, Карлови Вари шуо, курорт интыенызы ӵошато, лэся. Нош со дун прудэз пожасьёс вань на…*» («В этом году к нам чешские металлурги приезжали. Удивляются, Карловы Вары говорят, сравнивают, видно, со своими курортами. А ведь есть те, кто губит наш красивейший пруд …») [Лямин, 1961, с. 18].

В «*Бадзым улон*» за рассказом о жизни Гондырева проступает другой план повествования: автор в диалоге с героем стремится уяснить вопрос о возможной встрече удмуртского писателя-классика Михаила Коновалова (1905–1939) с Гондыревым. Михаил Лямин пытается выяснить, не является ли Гондырев прототипом Гондыра (Медведя), героя первого национального производственного романа «*Кужым дыа*» («Силы крепнут») М. Коновалова [1933; 1957]. Автор узнает, что Гондырев помнит, как М. Коновалов в начале 1930-х годов приезжал в родную деревню героя очерка, общался с ним. Внешность коноваловского героя, его движения, манеры, привычки, биографические факты схожи с документальным персонажем ляминского очерка «*Бадзым улон*». Ответ Гондырева отражает судьбу поколения: «*Ваньмы соку асьмеос, Коноваловлэн*

Гондырез но Кайсыез сямен, гуртъёсысь вуылӥм ук. Буранысь ШКМ-ын ми ӵош дышетским Корнил Ильич Шибановен. Со но кутэн ветлоз вал. Нош табере? Учёной! Коноваловед бен ачиз но…» («Как коноваловские Гондырев и Кайсы мы все из деревень приехали. В бурановской ШКМ я с Корнилом Ильичем Шибановым вместе учился. И он тогда в лаптях ходил. А теперь? Большой ученый. Да и сам Коновалов…») [Лямин, 1961, с. 21]. Публицистические исследования прообраза героя романа М. Коновалова перемежаются с образными сценами, что придает очерку психологическую достоверность. «*Бадӟым улон*» является портретно-проблемным очерком, где умело использованы формы публицистического жизнеописания.

Очерковая линия ляминского творчества отличается межжанровыми и внутрижанровыми изменениями. Не случайно его современник поэт и филолог Д. Яшин писал: *«Со* (М. Лямин. – *Т.З., О.М.) аслэсьтыз очеркъёссэ выл-туссыя но пуштроссыя пӧртэм карыны тырше»* («Он (М. Лямин. – *Т.З., О.М.*) постоянно совершенствует свое публицистическое мастерство, стремится к тематическому и структурному обновлению своих очерков») [Яшин, 1966, с. 11]. По художественному уровню очерки М. Лямина о труде не равноценны, но преимущества его публицистики связаны с очерковыми произведениями повествовательного типа с достоверной разработкой характеров, с логично выстроенной композицией. Эта особенность манеры письма М. Лямина обусловила появление в поздний период его творчества документальных очерков, к которым применимы определения – исторический очерк, биографический очерк. В частности, в золотой фонд национальной литературы вошел документально-биографический очерк «*Туктымысь пи*» («Парень из Туктыма», 1988), посвященный крупному государственному деятелю, основателю Вотской автономной области Иосифу Алексеевичу Ноговицыну (1888–1937). Посредством жизнеописания героя автор воссоздал важные исторические события дореволюционных и послереволюционных лет в Удмуртии.

Заключение

Развитие удмуртского послевоенного очерка, раскрывающего тему труда, обогащение его содержания и жанровой структуры проходило непросто. Удмуртский очерк, преодолевая известные идеологические клише, целенаправленно закреплял в национальной прозе интерес к человеку, к его профессиональным и душевным качествам. Общую картину исканий удмуртской очерковой прозы того периода наглядно отражают рассмотренные в работе произведения М. Воронцова и М. Лямина.

Определяющие жанрообразующие начала удмуртского послевоенного очерка о труде – проблемность, четко выраженное авторское отношение к изображаемой проблеме, лаконичность изображения, достоверность материала, простота стиля и языка, типизация героя, философия жизнеутверждения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.А. Русский советский очерк. М.: Высш. шк., 1980. 120 с.

Богомолова З.А. Песня над Чепцой и Камой. М.: Современник, 1976. 270 с.

Воронцов М.С. Гуртэ тулыс вуиз: Веросъёс но очеркъёс = Весна пришла в деревню: Рассказы и очерки. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. 119 с.

Глушков Н.И. Очерк в русской литературе. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1966. 76 с.

Ермаков Ф.К. Путь удмуртской прозы. Очерки. Ижевск: Удмуртия, 1975. 140 с.

Ермаков Ф.К., Уваров А.Н. Удмуртская литература послевоенного десятилетия // История удмуртской советской литературы: в 2 т. / Кол. авторов; ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР, НИИ при СМ УАССР. Т. 1. Устинов: Удмуртия, 1987. С. 196–206.

Зайцева Т.И., Максимова О.М. Жанр очерка в удмуртской литературе второй половины XX в.: моногр. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. 232 с.

Кардин В. Очерк наших дней // Кардин В. Верность времени. М.: Сов. писатель, 1962. С. 197–233.

Коновалов М.А. Вурысо бам = Лицо со шрамом. Ижкар: Удгиз, 1933. 202 с.

Коновалов М.А. Кужым дыа = Силы крепнут. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1957. 160 с.

Лямин М.А. Бадзым улон: Очеркъёс = Большая жизнь: Очерки. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1961. 52 с.

Росляков В.П. Советский послевоенный очерк. М.: Сов. писатель, 1956. 272 с.

Самсонов С.А. Выль тулыс, выль адямиос = Новая весна, новые люди // Молот. 1960. № 5. С. 45–47.

Стюфляева М.И. Человек в публицистике. Методы и приемы исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 145 с.

Я и в мире боец: очерки, статьи, воспоминания о М. А. Лямине / сост. З. А. Богомолова. Устинов: Удмуртия, 1986. 288 с.

Яшин Д.А. Улонлэн ӧраз = В русле жизни // Молот. 1966. № 12. С. 10–11.

Domokos Péter. Az udmurt irodalom története. Budapest: Akadémiai kiadó, 1975. 550 old.

Tatyana Zaitseva, Olga Maksimova

«MAN AND LABOUR» IN THE ARTISTIC SOLUTION OF AN UDMURT POST-WAR ESSAY

Introduction. The article is devoted to the analysis of the features of the development of the Udmurt essays on labor in the national post-war literature. Essay as genre occupied a leading position in the literary process of Udmurtia of that period. Ideological and artistic specificity of the post-war Udmurt essays by M. Vorontsov and M. Lyamin is described. **The purpose of the article** is to present the patterns of development of the genre of essays on industrial and rural topics in Udmurt post-war literature, to characterize the main elements of its artistic structure. **Materials and methods.** The most important journalistic works of Udmurt writers created in the post-war decade served as the material for the study. Research methods include

historical and literary, biographical, problematic and aesthetic, structural and descriptive ones. **Research results and discussion.** The analysed material allows us to identify the problematic nature of the post-war Udmurt essay and its main structural elements, which reflects the originality of the era itself and demonstrates the formation of a new image of a working person. **Conclusion.** In each period of the development of literature, depending on the social and economic, cultural and aesthetic situation, one or another genre becomes leading genre in the literary process. M. Vorontsov and M. Lyamin should be distinguished among the writers who had a great influence on the development of genres of journalism in Udmurt literature of the post-war period. In the early post-war years, their essays presented an image of a working man, summarizing many features of real people of that time. The evolution of the essay genre in the works of M. Vorontsov and M. Lyamin is associated with a description of production issues, which is complemented by the disclosure of the personal qualities of the character. This article is an important link in the systematization and classification of the genre of the Udmurt essay in the study of the history of national journalistic prose.

Keywords: Udmurt post-war literature; journalism; genre; essay on labor; image of a person.

REFERENCES

Alekseev V.A. Russkij sovetskij ocherk [Russian Soviet Essay]. Moscow, Vysshaja shkola, 1980, 120 p. (In Russian).

Bogomolova Z.A. Pesnja nad Chepcoj i Kamoj [Song over Cheptsa and Kama]. Moscow, Sovremennik, 1976, 270 p. (In Russian).

Voroncov M.S. Gurte tulys vuiz: Veros''jos no ocherk''jos [Spring has come to the village: stories and essays]. Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959, 119 p. (In Udmurt).

Glushkov N.I. Ocherk v russkoj literature [Essay in Russian Literature]. Rostov-na-Donu, Rostovskij universitet, 1966, 76 p. (In Russian).

Ermakov F.K. Put' udmurtskoj prozy. Ocherki [The Development of Udmurt Prose. Essays]. Izhevsk, Udmurtija, 1975, 140 p. (In Russian).

Ermakov F.K., Uvarov A.N. Udmurtskaja literatura poslevoennogo desjatiletija [Udmurt literature of the post-war decade]. Istorija udmurtskoj sovetskoj literatury. Ustinov, Udmurtija, 1987, vol. 1, pp. 196-206. (In Russian).

Zajceva T.I., Maksimova O.M. Zhanr ocherka v udmurtskoj literature vtoroj poloviny XX v. [The Genre of the Essay in Udmurt Literature of the Second Half of the 20th Century]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2021, 232 p. (In Russian).

Kardin V. Ocherk nashih dnej [Essay of our days]. Kardin V. Vernost' vremeni. Moscow, Sovetskij pisatel', 1962, pp. 197-233. (In Russian).

Konovalov M.A. Vuryso bam [Scarface]. Izhkar, Udgiz, 1933, 202 p. (In Udmurt).

Konovalov M.A. Kuzhym dya [Strength is Inceasing]. Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957, 160 p. (In Udmurt).

Ljamin M.A. Badzym ulon: Ocherk’’jos [Big Life: Essays]. Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1961, 52 p. (In Udmurt).

Rosljakov V.P. Sovetskij poslevoennyj ocherk [Soviet Post-War Essay]. Moscow, Sovetskij pisatel’, 1956, 272 p. (In Russian).

Samsonov S.A. Vyl’ tulys, vyl’ adjamios [New Spring, New People]. *Molot*, 1960, no. 5, pp. 45-47. (In Udmurt).

Stufljaeva M.I. Chelovek v publicistike. Metody i prijomy issledovanija [A Person in Journalism. Research Methods and Techniques]. Voronezh, Voronezhskij universitet, 1989, 145 p. (In Russian).

Ja i v mire boec: ocherki, stat’i, vospominanija o M.A. Ljamine [I am a Fighter in the World: Essays, Articles, Memoirs about M.A. Lyamin]. Ustinov, Udmurtija, 1986, 288 p. (In Russian).

Jashin D.A. Ulonlen oraz [In the Mainstream of Life]. *Molot*, 1966, no. 12, pp. 10-11. (In Udmurt).

Domokos Péter. Az udmurt irodalom története. Budapest, Akadémiai kiadó, 1975, 550 p. (In Hungarian).

Зайцева Татьяна Ивановна
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
старший научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск
e-mail: uawoz@rambler.ru

Максимова Ольга Михайловна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск
e-mail: 24omax@mail.ru

Tatyana Zaitseva
Doctor of Philological Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Udmurt literature and literature of the peoples of Russia of the Institute of Udmurt philology, Finno-Ugric studies and journalism of Udmurt State University;
Senior Researcher of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk
e-mail: uawoz@rambler.ru

Olga Maksimova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Udmurt literature and literature of the peoples of Russia of the Institute of Udmurt philology, Finno-Ugric studies and journalism of Udmurt State University
Izhevsk
e-mail: 24omax@mail.ru

УДК 398.2(=511.1)+392.51+930.253
DOI 10.51254/2312-0312-2024-4-68-87-103

СЮЖЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ СОСТАВ КАРЕЛЬСКИХ СВАДЕБНЫХ РУН (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО АРХИВА КарНЦ РАН И ФОНОГРАММАРХИВА ИЯЛИ)*

© 2024 г. В.П. Миронова

Введение. Статья посвящена анализу собрания карельских свадебных рун, накопленных фольклористами Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН) с 1930-х годов XX века. **Цель статьи** – рассмотрение этапов формирования и выявление специфики сюжетно-тематического состава имеющейся коллекции. **Материалы и методы.** Материалом послужили рукописные и звуковые записи, хранящиеся в архивах Карельского научного центра РАН. Работа опирается на описательный, сравнительно-исторический и функциональный анализы. **Результаты исследования, обсуждение.** Первоначально фиксация материала проходила в XIX веке силами финляндских ученых. Рассматриваемая коллекция начала формироваться позднее, в первой половине XX века, в ней представлена лишь часть бытовавших ранее сюжетов. Изменение сюжетно-тематического состава обусловлено трансформацией свадебного обряда и утратой некоторых его элементов. **Заключение.** Основной корпус карельских свадебных рун был накоплен исследователями ИЯЛИ в 1930–1970-е годы. Записанные в XX веке тексты имеют свою специфику, которая просматривается в возникших различных сюжетных контаминациях. В свою очередь многие тексты прекратили свое бытование по причине сокращения свадебного обряда.

Ключевые слова: карельские свадебные руны; карельская свадьба; трансформация свадебного обряда; Научный архив КарНЦ РАН; фонограммархив ИЯЛИ.

Введение

Несмотря на происходившее постепенное угасание бытования карельского традиционного свадебного обряда, его изучение не утрачивает своей актуальности и сегодня. В течение второй половины XX – начала XXI века был подготовлен ряд теоретических исследований, среди которых следует

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

отметить монографию Ю.Ю. Сурхаско, проанализировавшего ритуал с учетом региональной и локальной особенностей [1977]. Кроме того, У.С. Конкка и А.С. Степанова большое внимание уделяли рассмотрению фольклорных жанров, функционировавших в контексте свадьбы [1992; 2003]. В настоящее время эта работа в Карелии продолжается силами этномузыкологов и фольклористов [Швецова, 2019; Швецова, Миронова, 2023 и др.].

Произведения вербально-музыкального кода карельской свадьбы исследовались неравномерно, внимание в основном уделялось причитаниям, отчасти были проанализированы ёйги. Свадебные руны оказались за рамками научных интересов карельских фольклористов. Между тем в ходе свадебной церемонии эти произведения бытовали наряду с плачами и ёйгами и в равной степени были сопряжены как с локусом невесты, так и локусом жениха. Они могли оформлять целый ряд акций – от сватовства, проводимого в доме невесты, до приводного стола в доме жениха.

Карельские традиционные песенные жанры активно бытовали в контексте обрядов жизненного цикла вплоть до середины XX века. Для Южной и Средней Карелии наиболее характерными были поздние свадебные песни на карельском и русском языках лирического типа. В репертуаре севернокарельских исполнителей доминирующую позицию сохранили свадебные руны, или свадебные песни рунического типа, имеющие калевальскую метрику – восьмисложный стих с хореистической стопой [Kuusi, 1963, с. 153], а также стилистические приемы аллитерации и параллелизма, выступавшие маркерами жанровой принадлежности.

Активная фиксация свадебных рун проводилась на протяжении столетия начиная с середины XIX века и вплоть до середины XX века. Именно в этот период традиционная карельская свадьба еще имела широкое бытование в деревенском сообществе. Следует отметить, что единичные записи производились повсеместно на территории Северной Карелии вплоть до конца XX столетия и даже в XXI веке. Однако последние фиксации во многом являются результатом процесса вторичной фольклоризации, при котором усвоение древних фольклорных жанров, в том числе свадебных рун, происходило не через устную традицию, а посредством изучения различных книжных или аудиоисточников. Кроме того, длительному бытованию песенных жанров во многом способствовали самодеятельные коллективы и народные хоры, в репертуар которых зачастую они были включены.

Сравнение произведенных в разное время записей карельских свадебных рун наглядно демонстрирует как изменения сюжетно-тематического состава в целом, так и трансформацию композиции текстов в частности.

Цель статьи – проанализировать историю собирания карельских свадебных рун и выявить специфику сюжетно-тематического состава корпуса текстов, хранящегося в архивных коллекциях ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили рукописные записи и аудиозаписи, сделанные карельскими учеными начиная с 1930-х годов. Кроме того, привлекаются печатные источники, в частности многотомник «Древние руны финского народа» (далее сокращенно Suomen Kansan vanhat runot – SKVR). Методами исследования являются описательный, сравнительно-исторический и функциональный анализы, позволяющие сопоставить зафиксированный в разные периоды материал и обнаружить различия на сюжетно-тематическом уровне.

Результаты исследования, обсуждение

Финляндский этап фиксации материала

Условно время собирания рассматриваемых произведений можно разделить на два больших периода: финляндский и российский. Первоначально, в XIX веке, фиксацией свадебных рун попутно с записью эпических песен занимались финские почитатели устной народной поэзии и исследователи карельского языка. Ключевой задачей для них был поиск искусных карельских рунопевцев, исполнявших традиционные эпические песни. Однако, наряду с этим, Э. Леннрот, А. Бореniус, А. Генетц, К. Карьялайнен, И.К. Инха и другие собиратели охотно записывали карельские свадебные обычаи и произведения, их оформлявшие. К примеру, Э. Леннрот в 1833 году во время своего четвертого путешествия по российской Карелии в деревне Вокнаволок (деревня находится недалеко от города Костомукша) зафиксировал полные варианты свадебных рун. В своих путевых заметках он отмечал, что такие произведения ему удавалось записывать и ранее [Путешествия Элиаса Леннрота, 1985, с. 108]. При подготовке эпической поэмы «Калевала» Э. Леннрот активно использовал услышанный во время своих путешествий материал в нескольких главах литературного памятника.

Позже А. Бореniус во время своей экспедиции 1871 года открыл в деревне Ладвозеро (нынешний Калевальский район) талантливую исполнительницу свадебных рун вдову Нифантия Агафью, от которой удалось зафиксировать несколько свадебных текстов. Общее число строк – 401, наиболее полный вариант, исполняемый на приезд молодых, насчитывал 249 строф [Niemi, 1921, s. 62]. Финские собиратели К.И. Инха и К. Карьялайнен, путешествующие по российской Карелии в конце XIX века, целенаправленно записывали описания карельского свадебного обряда в совокупности со всеми фольклорными жанрами. Впоследствии эти материалы с редкими фотографиями были опубликованы в книге И.К. Инха «В краю калевальских песен» [2019, с. 240–274].

В целом свадебные руны хранились в памяти носителей традиции значительно дольше, чем собственно эпические песни. Финские собиратели неоднократно указывали на этот факт. Так А. Бореniус в своих путевых заметках подчеркивал, что «свадебные руны и заклинания являются последними жанрами, что можно услышать после исчезновения рун» [Niemi, 1921, s. 22].

Вероятно, обрядовая принадлежность делала указанные произведения наиболее жизнеспособными.

Большая часть зафиксированных на территории Северной Карелии текстов была опубликована в разных томах собрания «Древние руны финского народа» [SKVR I_3; SKVR I_4; SKVR II], в архиве Общества финской литературы (г. Хельсинки, Финляндия) до настоящего времени хранятся рукописные варианты. Совокупность материалов дает представление о бытовании свадебных рун на территориях современных Калевальского, Лоухского, Муезерского, отчасти – Пряжинского районов.

Анализируя имеющиеся в его распоряжении источники, финский ученый-фольклорист Уно Холмберг-Харва выделил десять основных групп сюжетов, которые напрямую соотносятся с центральными элементами свадебного обряда. К ним относятся руны сватовства, руны-приглашения, баенные руны, руны зятя, руны, исполняемые при окручении невесты и руны-проводы, руны на встречу молодых, руны-прославления, исполняемые в доме жениха, руны-поучения невесте, руны-утешение и руны-плата исполнителю [Holmberg-Harva, 1929]. Этим же исследователем был проведен первоначальный сравнительный анализ текстов внутри каждого выделенного сюжета. Общая характеристика жанра была представлена академиком М. Кууси в монографии, посвященной «неписаной литературе» [1963, s. 150–153].

Российский этап фиксации материала

Второй этап собирания, российский, временные границы которого охватывают период с 1930-х годов и по настоящее время, представляет нам совершенно иную картину бытования свадебных рун в Северной Карелии (отчасти и на сопредельных областях).

Планомерная работа по накоплению текстов данного жанра карельскими исследователями не проводилась, свадебные руны зачастую записывались попутно с фиксацией других произведений устного народного творчества, относящихся к поэзии калевальской метрики, или сведений о карельском свадебном обряде.

Основными территориями сбора материала являлись Калевальский, Лоухский (ранее Кестеньгский) районы. Кроме того, работа проводилась в Беломорском (ранее Тунгудском), Муезерском (ранее Ругозерском), а также в Кемском районах. Причем Беломорский район на данный момент представлен только ранними рукописными записями. Звуковая коллекция несколько расширила географию бытования свадебных рун за счет новых вариантов, записанных в Суоярвском, Медвежьегорском, Кондопожском районах и Мурманской области. Однако единичные записи (см.: Диаграмма 1 и Диаграмма 2) не дают нам возможности высказать предположение о бытовании свадебных рун на всех указанных территориях. Вероятно, в названных районах могли проживать уроженцы деревень Северной Карелии. Данная гипотеза, несомненно, требует дальнейшей более скрупулезной проверки.

Диаграмма 1

Районы бытования свадебных рун
(на материале Научного архива КарНЦ РАН)

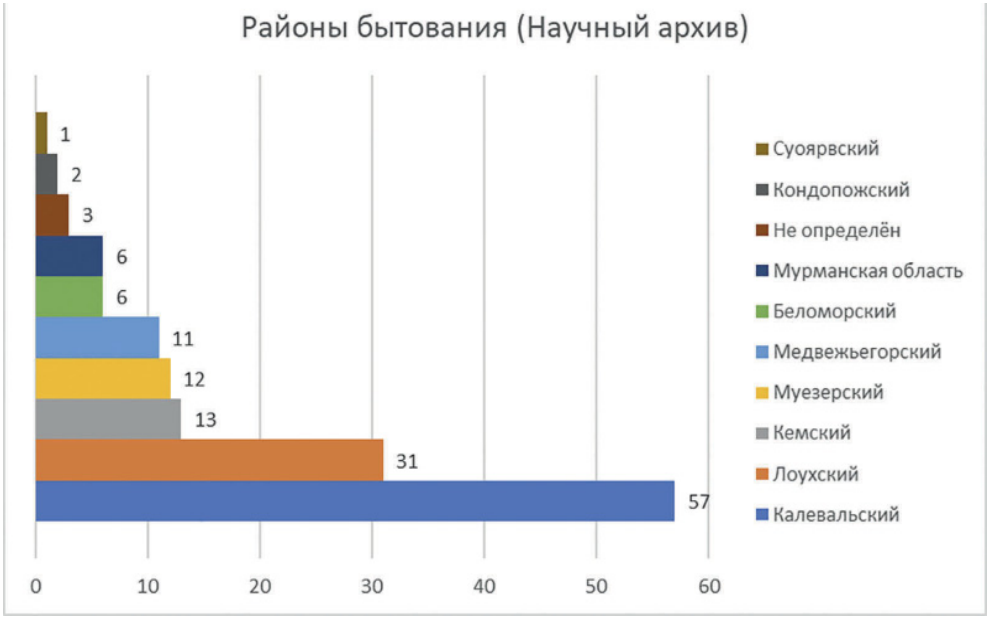
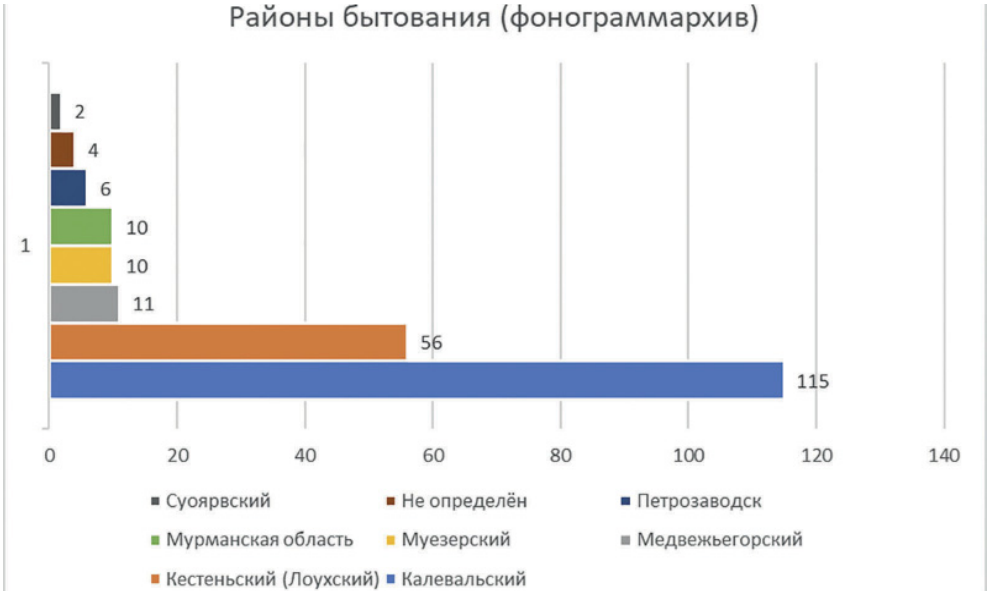

Диаграмма 2

Районы бытования свадебных рун
(на материале фонограммархива Института ЯЛИ)

Следует также отметить, что первоначально записи проводились только вручную, в Научном архиве КарНЦ РАН сохранились ранние рукописные записи, произведенные в 1920–1930-х годах. Начиная с 1960-х годов в распоряжении карельских фольклористов появилась звукозаписывающая техника, которая дала возможность увеличить охват информантов.

Совокупность материала позволяет нам выявить сюжетно-тематический состав свадебных рун, бытовавших в Северной и Средней Карелии во время российского этапа фиксации текстов. Согласно источникам Научного архива КарНЦ РАН, всего зафиксировано – 142 варианта свадебных рун на различные сюжеты.

Таблица 1

Свадебные руны, хранящиеся в Научном архиве КарНЦ РАН

Всего:	**142**
Руны сватовства (Kokko lenti)	**43**
Руны зятя (Vävyn virzi)	**14+ (1?)**
Руны, исполняемые при окручении (Mitä issut…)	**9**
Руны на встречу молодых (Miero vuotti)	**68**
Руны-поучения невесте	**6**
Незначительные отрывки текстов, где сюжет не определён	**1**

Время записи свадебных рун охватывает период с 1927 по 1981 год, т.е. фактически пятидесятилетний промежуток. За этот период не только жанр претерпел значительные изменения, но и карельская фольклорная традиция в целом значительно трансформировалась. На смену эпическим жанрам пришли жанры лирические, обряды практически утратили свое существование, количество носителей карельского языка существенно сократилось.

Первые полные тексты карельских свадебных рун были записаны Г.Х. Богдановым в 1927 году. Причем исследователь фиксировал произведения в контексте описания обряда. Выявленные материалы были опубликованы в самостоятельной статье [Богданов, 1929, с. 36–64]. Позже, с 1934 по 1963 год, в экспедиционную работу активно включились В.Я. Евсеев, П.Я. Куйкка, Т.М. Кундозерова, Е.П. Каллио, Д. Лажаев, Э.М. Гран, Э. Гуттари, Ф.С. Фомкин, О. Демидова, У.С. Конкка, А.С. Тупицына, Т.А. Коски, С. Кондратьева, которые не только записывали тексты рун, но и вели активную просветительскую работу с исполнителями. Результатом этой деятельности стали полученные описания свадебного ритуала из разных населенных пунктов с включенными

в них различными фольклорными текстами[1]. Резюмируя итоги собирательской работы, отметим, что на довоенный период приходится третья часть всех зафиксированных вариантов. Количество записанных в разные годы текстов зависит, на наш взгляд, напрямую от личности собирателей и их научных интересов, а также от мастерства носителей фольклорной традиции, с которыми исследователям удалось встретиться.

Диаграмма 3

Хронологическая диаграмма

Наиболее продуктивными в количественном отношении стали экспедиции Г.Х. Богданова (1927, Калевальский район), Я.В. Ругоева и П.Я. Куйкка (1937, Беломорский района; 1939, Муезерский район), Э.М. Грана (1941, Калевальский район), В.Я. Евсеева (1956, Лоухский район), Ю.Е. Красовской, А.С. Тупицыной (1963, Калевальский район).

Звуковые записи, выявленные в фонограммархиве Института ЯЛИ, значительно дополняют общую картину бытования анализируемого жанра. Всего на данный момент на аудионосителе зафиксировано 213 вариантов:

Таблица 2

Свадебные руны, хранящиеся в фонограммархиве ИЯЛИ

Всего:	**213**
Руны сватовства (Kokko lensi)	**95**
Руны зятя (Vävyn virzi)	**3**
Руны, исполняемые при окручении (Mitä issut…)	**1**
Руны на встречу молодых (Miero vuotti)	**49**
Руны-поучения невесте	**1**
Остальное (отрывки или неуточненные пока сюжеты)	**64**

[1] Полный список описаний свадебного обряда см.: [Сурхаско, 1977, с. 233–234].

Проведенная нами сюжетно-тематическая систематизация наглядно демонстрирует, что наиболее распространенными остаются те же сюжеты, что и в Научном архиве КарНЦ РАН, несмотря на достаточно большое количество на данный момент неуточненных текстов[2].

Формирование коллекции звуковых фиксаций охватывает полувековой период: первые аудиозаписи были произведены в 1952 году, последние учтенные на данный момент – в 2003 году. Записи на пленку стали проводить только во второй половине XX века, когда традиция исполнения рун стала постепенно угасать. Этим объясняется большое количество отрывков, на данный момент не представляется возможным без точной расшифровки отнести их к тому или иному сюжету.

Диаграмма 4

Хронологическая диаграмма

Наиболее активными собирателями аудиоматериалов стали А.С. Степанова, У.С. Конкка, Н.А. Лавонен, Р.П. Ремшуева. Их интерес к жанру свадебных рун был обусловлен вниманием к севернокарельской устно-поэтической традиции в целом. Кроме того, в круг их научных интересов входила свадебная поэзия, в первую очередь причитания. Указанных собирателей интересовали малоизученные этнолокальные группы северных карелов, в частности тунгудские и кестеньгские карелы, а также карелы, проживающие в Мурманской области.

Большая часть свадебных рун до настоящего времени не введена в научный оборот, лишь некоторые тексты были включены в фольклорные сборники [Карельская народная песня, 1977; Карельские народные песни, 1962 и др.].

[2] Для уточнения сюжетно-тематической принадлежности текстов требуется прослушивание и расшифровка каждой отдельно взятой аудиозаписи, эту работу планируется сделать в будущем.

Сюжетно-тематическая специфика свадебных рун (коллекция КарНЦ РАН)

Сравнивая результаты статистических данных, основанные на материалах Научного архива КарНЦ РАН и фонограммархива ИЯЛИ, с выводами исследователя У. Холмберг-Харва замечаем, что из десяти групп свадебных рун, отмеченных ранее финским ученым, в XX веке не прекратили свое существование пять сюжетов. При этом наиболее выделяются два из них – «Kokko lenti» («Прилетел орел») и «Miero vuotti» («Мир ждал»), в совокупности составляя максимальное количество вариантов.

С течением времени пространственно-временные характеристики свадебного ритуала существенно изменились. Экспедиционные материалы демонстрируют повсеместное значительное сокращение обрядовых действий, слияние ритуалов воедино или их полное исчезновение. Подобные процессы в свою очередь повлекли за собой утрату оформлявших их фольклорных произведений.

Наиболее жизнеспособными оказывались именно те руны, которые так или иначе были сопряжены с ключевыми элементами свадебного обряда, не прекратившими существования в ходе постепенной трансформации свадебного ритуала карелов в XX веке в целом. В карельской традиции основными для свадебной церемонии оставались сватовство и приводной стол.

Акция сватовства начинала целый комплекс свадебных действий, направленных на объединение двух родов. Брачное соглашение окончательно скреплялось обрядом рукобитья, во время которого жених снова приезжал в дом к своей невесте. К торжественному проведению церемонии была приурочена специальная руна «Kokko lenti» («Прилетел орел»). Ядром повествования служили повторяющиеся диалоги между матерью или родственниками со стороны невесты и собственно женихом или его свитой. Первоначально мать спрашивала у жениха, откуда он узнал о невесте в этом доме, затем сватающий интересовался, уже ли готова его суженая. Завершает композицию развязка, в которой к поезжанам обращаются с требованием покинуть крепость (=дом), поскольку они нарушили ее миропорядок: *«Pois on, liika, linnastani // Outo, onttarin ovilta // Tukun linnoa tuhosit, // Palan linnoa pahensit»* («Прочь, лишний с нашей крепости // незнакомый (чужой) с дверей алтаря, // много из крепости (нашей) разрушил // часть крепости испортил») (перевод наш. – *В.М.*) [SKVR I_3 1498][3]. Меняющиеся в ходе повествования позиции адресата и адресанта в рассматриваемом тексте и финал – вынужденный уход свадебной свиты, иллюстрирует полную законченность ритуала сватовства [Миронова, 2019, с. 6–7]. Персонажи готовы к проведению дальнейших ритуалов.

[3] В дальнейшем при цитировании Suomen kansan vanhat runot (SKVR) указывается номер тома и номер текста соответственно.

В ранних записях свадебных рун в качестве самостоятельного отмечается сюжет «Kutsu-tai Kutsujenvirsi» («Приглашение гостей»), функция которого заключалась в напутствиях человеку, приглашавшему людей на свадьбу. Руна оформляла акт начала или завершение указанной церемонии, в некоторых случаях ее исполняли двукратно. Основное повествование произведения сводится к перечислению возможных гостей, в число которых входили и нищие, и калеки, и богатые, и «золотогрудые» [SKVR I_3, 1551]. Возможно, первоначально этот элемент свадьбы имел ритуальное значение, которое с течением времени было утрачено, что способствовало постепенному исчезновению сюжета. В анализируемой коллекции подобные варианты полностью отсутствуют.

Особое место в ходе проведения свадьбы некогда занимала и банная руна – «*Kylyvirsi*», основные мотивы которой отражали специфику проводимого ритуала жениховой бани. Повествование иллюстрировало процесс приготовления бани, ритуальное омовение, облачение в сакральную одежду. «Женихова баня» была актом инициации: после проведения обрядовых действий, как и в случае с «невестиной баней», порог отцовского дома становился выше, а временное расставание с ним было наполнено грустью для жениха. В XX веке карельская свадьба в основном была направлена на невесту, что повлекло за собой утрату целого комплекса обрядовых действий, проводимых в локусе жениха, а вслед за этим и приуроченных к ним рун. Настоящий сюжет карельскими фольклористами уже не был зафиксирован в качестве самостоятельного. Однако как в севернокарельской, так и южнокарельской традициях мотив подготовки и посещения бани являлся постоянным элементом сюжета эпической песни о сватовстве. Указанные тексты могли коррелировать с определенным элементом обряда – отправкой жениха за невестой.

Приезд поезжан в дом невесты начинался с приуроченной к этому акту руне «*Vävyn virsi*» («Песня зятя»). Функцией этого произведения, исполняемого от лица матери невесты, было величание жениха (=зятя) и сопровождавшей его свиты: *«Lagi kuldani kuvahti // Vavyn kuldakurdien piällä. // A late raudani ramazi // Vävyn vaški kannan alla»* («Потолок золотой заблестел // Поверх золотых кудрей зятя. // Пол железный загремел // Под медной пяткой зятя») (перевод наш. – *В.М.*) [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 49, ед. хр. 12].

Пространственно-временные границы исполнения руны соответствовали карельской свадебной традиции: родители невесты после ритуала выводного стола (кар. *läksijäiset*) оставались в своем доме, не участвуя в дальнейших действиях свадьбы. В связи с этим приехавший за дочерью жених для них уже был зятем, а дочь на этот момент полностью теряла связь со своим родом. Сохранение данного сюжета в рамках свадебного обряда вполне объяснимо высказанными выше аргументами: для родителей невесты это было одним из кульминационных этапов свадьбы.

Вербальной реализацией обрядов, проходивших в доме невесты, являлась также руна *«Mitä issut, isosen poika»* («Чего сидишь, отцовский сын?»») исполнявшаяся при окручении. Основное повествование сводится к диалогу между матерью невесты и женихом, цель которого – узнать истинную причину его появления: *«Et issu ison hyvyyttä, // Et emännän armahutta, // Eika pirtin puhtahutta, // Etka sintsin siivohutta, // Vajonpaijen valkevutta. // Issut impyvön hyvyyttä, // Kanavarren kaunehutta»* («Сидишь ты не ради доброго отца, // Не ради любезности хозяйки, // Не ради чистоты избы, // Не ради убранства сеней, // Не ради того, что ступеньки белы, // Сидишь ты ради любимой девицы, // Ради красоты курочки») (перевод Г.Х. Богданова) [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 11, ед. хр. 70].

Следующее далее описание подготовки суженой к свадьбе отражает значимость проводимых ритуалов. В частности, важно было сделать «женскую» прическу, волосы невесте обязательно заплетали в две косы. Кроме того, независимо от времени года, обязательно надевали рукавицы, что, по поверьям, защищало ее от порчи: *«Ei valmis valvateltavaše. // Vašt on jakka kenkitetty, // Toini on kenkiteltävänä, // Yksi on käsi hiemotettu, // Toini on hiemoteltavana. // Puol' on piätä palmikoitu, // Toini on palmikoitavana. // Pane piätä palmikolla, // Šivo šilkillä hivušta. // Jo on käsi kinnaššettu, // Toin' on kinnaššettavana»* («Не готова тебя ожидающая. // Одна нога обута, // Другую обувают, // Одна рука в рукаве, // На другую надевают. // Полголовы заплетено, // Другую заплетают. // Голову заплети, // Повяжи шелковым платком. // Уже рука в рукавице, // На другую надевают») (перевод наш. – *В.М.*) [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 49, ед. хр. 13].

Рассматриваемый мотив был настолько устойчивым, что мог бытовать в качестве самостоятельной руны. Зачастую он вступал в контаминацию с сюжетом «*Kokko lenti*» («Прилетел орел») [Миронова, 2019, с. 6–13], а также являлся одним из элементов сюжета о сватовстве. В настоящей коллекции его распространение было зафиксировано преимущественно в 1930–1940-е годы.

К числу наиболее распространенных сюжетов свадебного обряда относится руна «*Miero vuotti*» («Мир ждал»), оформляющая не только момент прибытия свадебного поезда, но и всю церемонию ввода молодых в дом. На важность происходившего события указывают встречающиеся в тексте сравнения: это как появление новолуния, как восход солнца и т.д.: *«Miero vuotti uutta kuuda, // kylä päivän nouzendaista, // lumi tervaista regyttä, // mie vuotin veijoistani, // veijoistani, minnaistani, // kuin kuuda nouzijua, // päivästä nouzevua»* («Мир ждал новолуния, // деревня – восхода солнца, // снег – просмоленные санки, // я ждала своего братца, // своего братца и невестку, // словно месяца на небе, // словно солнца восходящего») (перевод А.С. Степановой) [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 35, ед. хр. 92].

Произведение исполнялось от лица родственников жениха по женской линии, основная функция рассматриваемого сюжета заключалась не столько в величании молодой жены и ее мужа, сколько была направлена на приобщение «новой хозяйки» к новому роду: *«Ei niin kun omasi koissa, // Eikävarsin vanhenpiisi. // Ukko on susi talossa, // Akka karhu kartanolla. // Käly on kykki kynnyksellä, // Nato nuoklana čupussa. // Näitä sie kovin varaja // Kyvyn kylmiä sanoja, // Navon niskanaskuloja»* («Не так, как в своем доме, // Не как в доме у родителей. // Старик волком в доме, // Старуха – медведица в усадьбе, // Деверь змеей на пороге, // Золовка – гвоздем в стене. // Их ты сильно бойся, // Холодных слов деверя, // Подзатыльников золовки») (перевод наш. – *В.М.*) [НА КарНЦ. Ф. 1. оп. 2, колл. 10, ед. хр. 66].

Значимость проводимых акций способствовала более длительному их сохранению в обрядовом контексте, а также бытованию приуроченных фольклорных произведений. В общей сложности в нашем распоряжении имеется более ста вариантов рун на данный сюжет.

В самостоятельную небольшую группу У. Холмберг-Харва выделил сюжет «*Morsiamen nevvonta*» («Поучения невесте»). Ядром сюжета становятся наставления: молодой жене надо быть опрятной и красивой, правильно носить воду, мыть пол и вытирать пыль, убирать дом, стирать белье, накрывать на стол, ухаживать за скотиной и т.д. Примечательно, что в поздних вариантах зачастую этот сюжет контаминируется с руной «*Miero vuotti*» («Мир ждал»), являясь ее постоянным элементом или сюжетом «*Mitä issut, isosen poika*» («Чего сидишь, отцовский сын?»). В XX веке удалось зафиксировать лишь единичные варианты данного сюжета.

В наиболее ранних записях в качестве самостоятельной руны исполнялись так называемые руны-утешения – «*Morsiamen lohdutusvirret*» («Свадебные утешения»). Молодой жене представляют жениха, имеющего добротный дом и большое хозяйство, он хороший землепашец и охотник: *«Eipä sinua suolle tuotu, // Ojavarelle otettu. // Onhän meijän sulhasella // Aitta joka aholla»* (перевод наш. – *В.М.*) [SKVR 1_3 1708]. С течением времени сюжет в качестве самостоятельной части утратил свое бытование, основные его мотивы вошли в сюжет «*Miero vuotti*» («Мир ждал»).

В доме жениха исполнялись руны-прославления – *sulhasen kodissa esitetyt ylistysvirret*, произведения, адресатами которых были гости, хозяин и хозяйка рода. Самостоятельно благодарили патьвашку, одну из главных фигур свадебного ритуала, являвшегося и церемониймейстером, и, будучи носителем комплекса специальных магических знаний, выполнявшего охранительную функцию по отношению ко всем участникам обряда. Еще одной значимой фигурой была *суояннайни* (кар. *suajannaini*), в роли которой выступала сестра жениха или кто-то из родственников по женской линии. Она сопровождала невесту

в процессе всего обряда, выполняя, в первую очередь, оберегающую функцию. Рассматриваемые сюжеты как самостоятельные произведения утратили свое бытование, вероятно, усечение обряда повлекло за собой и утрату этих текстов. Однако мотивы в некоторых случаях включались в композицию других свадебных сюжетов.

Завершался цикл руной-благодарностью исполнителю – «*häälaulajan palkka*». У. Холмберг-Харва отмечал, что первоначально свадебные руны исполнялись исключительно родственниками жениха и невесты. Однако позже стали приглашать специальных людей, функцией которых было музыкально-вербальное сопровождение свадебной свиты [Holmberg-Harva, 1929, s. 257]. Исполнение свадебных рун, как и других свадебных жанров, считалось обязательным, наряду с проведением всех обрядов и ритуалов. Эти действия обязательно оплачивались, о чем свидетельствуют строки: *«Ei runo rahatta laula, // Suuta kullatta kuluta»* («Руна без денег не поется, рот без золота не открывают») (перевод наш. – *В.М.*) [SKVR I_3 2232]. В рассматриваемой коллекции данный сюжет не был выявлен, в некоторых случаях мотив благодарности исполнителю отмечается в рунах на сюжет «*Miero vuotti*» («Мир ждал»).

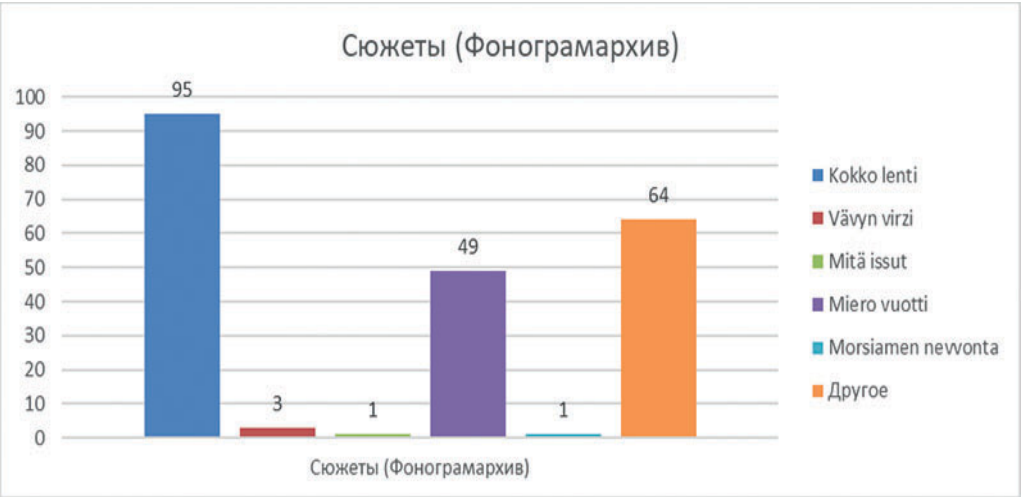
Диаграмма 5

Сюжетно-тематический состав свадебных рун
(на материале Научного архива КарНЦ РАН)

Диаграмма 6

Сюжетно-тематический состав свадебных рун
(на материале фонограммархива ИЯЛИ)

Заключение

Таким образом, можем резюмировать, что накопление материала продолжалось в течение полутора столетий. С 1830 по 1920 год фиксацией свадебных рун и их публикацией занимались финские исследователи и почитатели культуры. Начиная с 1930 года эта работа была продолжена силами карельских ученых Института ЯЛИ КарНЦ РАН. Большая часть текстов, за исключением небольшого количества вариантов, не введена в научный оборот и находится на хранении в Научном архиве КарНЦ РАН и фонограммархиве ИЯЛИ.

Сравнение результатов работы финляндского и российского периодов демонстрирует сокращение числа сюжетов, исполняемых в ходе обрядовых действий. Одной из причин уменьшения их количества может быть сжатость во времени самого свадебного обряда. Исследователи отмечали, что в некоторых случаях проведение свадьбы могло следовать на следующий после сватовства день, а иногда – непосредственно после рукобитья [Конкка, 1992, с. 149].

Анализ имеющихся в нашем распоряжении вариантов показывает, что зачастую сюжеты, бытовавшие некогда как самостоятельные руны, контаминируются, образуя новые тексты, или полностью утрачиваются. Кроме того, просматривается процесс циклизации: тексты объединяются вокруг основных обрядовых действий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Богданов Г.Х. Свадьба Ухтинской Карелии // Западнофинский сборник. Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, гос. Акад. Тип., 1930. С. 36–64.

Инха И.К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии: очерки о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика. Юминкеко, 2019, 464 с.

Карельская народная песня / изд. подгот. С.Н. Кондратьева. М.: Сов. композитор, 1977. 282 с.

Карельские народные песни / сост. и вступ. ст. Л.М. Кершнер. М.: Гос. музыкальное изд-во, 1962. 129 с.

Конкка У.С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 296 с.

Миронова В.П. Особенности сюжетных контаминаций карельских свадебных рун // Культура и текст. 2019. № 2 (37). С. 6–13.

НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 11, ед. хр. 70 – Фольклорные записи 1927 г.

НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 35, ед. хр. 92 – Фольклорные записи 1937 г.

НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 49 – Фольклорные записи. 1938 г.

НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 10, ед. хр. 66 – Фольклорные записи 1963 г.

Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842 гг. / пер. с фин. В.И. Кийранен и Р.П. Ремшуева. Петрозаводск: Карелия, 1985, 320 с.

Степанова А.С. Карельские плачи: специфика жанра (избр. ст.). Петрозаводск: Периодика, 2003. 216 с.

Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1977. 273 с.

Швецова В.А. Ритмическая организация напевов севернокарельских свадебных причитаний в контексте структурно-типологического исследования // Музыковедение. № 5. 2019. С. 32–47.

Швецова В.А., Миронова В.П. Йойги в контексте свадебной обрядности северных карелов: семантика и особенности функционирования // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 4. С. 188–198.

Holmberg-Harva U. Kauko-Karjalan häärunot. Turku: Turun yliopisto, 1929. 290 s.

Kuusi M. Suomen kirjallisuus. 1. Kirjoittamaton kirjallisuus. Helsinki: SKS, 1963. 655 s.

Niemi A.R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1921. 1075–1183 s.

Suomen kansan vanhat runot I3. Vienan läänin runot. Lyyrilliset, opettavaiset, miete-, kiva-, leikki- y. m. runot // julkaissut A.R. Niemi. Helsinki, 1919. 392 s.

Suomen kansan vanhat runot I4. Vienan läänin runot. Loitsut // julkaissut A.R. Niemi. Helsinki, 1919. 419 s.

Suomen Kansan vanhat runot II // julkaissut A.R. Niemi, Helsinki, 1927. 739 s.

Valentina Mironova

PLOT AND THEMATIC COMPOSITION OF KARELIAN WEDDING RUNS (BASED ON THE MATERIAL OF KarRC RAS SCIENTIFIC ARCHIVES AND AUDIO ARCHIVES OF ILLH)

Introduction. The article analyzes the collection of Karelian wedding runs compiled by folklorists from the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (further-ILLH KarRC RAS) since the 1930s. **The purpose of the article** is to deal with the formation stages and to identify the specific features of plots and themes in Karelian wedding runs. **Material and methods.** The material includes hand-written and sound records stored in archives of the Karelian Research Centre RAS. Descriptive, comparative historical, functional methods were used. **Research results and discussion.** Recording of the materials began in the 19th century and was done by Finnish scientists but the collection was formed later, only in the first half of the 20th century. It represents only a part of the plots which existed earlier. The changes in the composition of plots and themes were due to the transformation of the wedding ritual and a loss of some of its elements. **Conclusion.** The bulk of the Karelian wedding runs corpus was compiled by researchers from ILLH in 1930–1970s. The texts recorded in the 20th century have certain specific features that appear in various plot contaminations. Furthermore, many texts were not used due to the reduction of the wedding ritual.

Keywords: Karelian wedding runs; Karelian wedding; transformation of the wedding ritual; KarRC RAS Scientific Archives; ILLH Audio Record Archives.

REFERENCES

Bogdanov G.H. Svad'ba Uhtinskoj Karelii [Ukhtinsk Karelian Wedding]. *Zapadnofinskij sbornik*. Leningrad, Akademija Nauk SSSR, Gosudarstvennaja Akademicheskaja tipografija, 1930, pp. 36-64. (In Russian and Karelian).

Inha I.K. V kraju kaleval'skih pesen: tropoj Ljonnrota po Belomorskoj Karelii: ocherki o zemle Belomorskoj Karelii [In the Land of Kalevala Songs: along Lönnrot's Path through White Sea Karelia: Essays on the Land of White Sea Karelia]. Petrozavodsk, Periodika, Juminkeko, 2019, 464 p. (In Russian).

Karel'skaja narodnaja pesnja [Karelian Folk Song]. Moscow, Sovetskij kompozitor, 1977, 282 p. (In Karelian and Russian).

Karel'skie narodnye pesni [Karelian Folk Songs]. Moscow, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo, 1962,129 p. (In Karelian and Russian).

Konkka U.S. Poezija pechali. Karel'skie obrjadovye plachi [Poetry of Sadness. Karelian Ritual Laments]. Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr Rossijskoj Akademii nauk, 1992, 296 p. (In Russian).

Mironova V.P. Osobennosti sjuzhetnyh kontaminacij karel'skih svadebnyh run [Plot contaminations specific to Karelian wedding rune songs]. *Kul'tura i tekst*. 2019, no. 2 (37), pp. 6-13. (In Russian).

Nauchnyj arhiv Karel'skogo nauchnogo centra. Fond 1. Opis' 2. Kollekcija 10 [Scientific Archive of the Karelian Scientific Center. Archives 1. Anagraph 2. Collection 10]. (In Karelian).

Nauchnyj arhiv Karel'skogo nauchnogo centra. Fond 1. Opis' 2. Kollekcija 11 [Scientific Archive of the Karelian Scientific Center. Archives 1. Anagraph 2. Collection 11]. (In Karelian).

Nauchnyj arhiv Karel'skogo nauchnogo centra. Fond 1. Opis' 2. Kollekcija 35 [Scientific Archive of the Karelian Scientific Center. Archives 1. Anagraph 2. Collection 35]. (In Karelian).

Nauchnyj arhiv Karel'skogo nauchnogo centra. Fond 1. Opis' 2. Kollekcija 49 [Scientific Archive of the Karelian Scientific Center. Archives 1. Anagraph 2. Collection 49]. (In Karelian).

Puteshestvija Eliasa Lennrota: Putevye zametki, dnevniki, pis'ma 1828-1842 gg. [Travel of Elias Lönnrot: Travel Notes, Journals, Letters from 1828-1842]. Petrozavodsk, Karelija, 1985, 320 p. (In Russian).

Stepanova A.S. Karel'skie plachi: specifika zhanra [Karelian Lamentations: the Specifics of the Genre]. Petrozavodsk, Periodika, 2003, 216 p. (In Russian).

Surhasko Ju.Ju. Karel'skaja svadebnaja obrjadnost' (konec XIX–nachalo XX v.) [Karelian Wedding Ceremony (late XIX–early XX centuries)]. Leningrad, Nauka, 1978, 237 p. (In Russian).

Shvecova V.A. Ritmicheskaja organizacija napevov severnokarel'skih svadebnyh prichitanij v kontekste strukturno-tipologicheskogo issledovanija [The rhythmic organization of the Northern Karelians wedding laments in the context of structural and typological research]. *Muzykovedenie*, 2019, no. 5, pp. 32-47. (In Russian).

Shvecova V.A., Mironova V.P. Jojgi v kontekste svadebnoj obrjadnosti severnyh karelov: semantika i osobennosti funkcionirovanija [The Joiks in the Context of the Northern Karelian Wedding Rituals: The Semantics and Functioning Peculiarities]. *Music Scholarship*, 2023, no. 4, pp. 188-198. (In Russian).

Holmberg-Harva U. Kauko-Karjalan häärunot. Turku, Turun yliopisto, 1929, 290 p. (In Russian).

Kuusi M. Suomen kirjallisuus. 1. Kirjoittamaton kirjallisuus. Helsinki, SKS, 1963, 655 p. (In Finnish).

Niemi A.R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. Helsinki, Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1921, 1075-1183 p. (In Finnish).

Suomen kansan vanhat runot I3. Vienan läänin runot. Lyyrilliset, opettavaiset, miete-, kiva-, leikki- y. M. Runot, julkaissut A. R. Niemi. Helsinki, 1919, 392 p. (In Karelian).

Suomen kansan vanhat runot I4. Vienan läänin runot. Loitsut, julkaissut A. R. Niemi. Helsinki, 1919, 419 p. (In Karelian).

Suomen Kansan vanhat runot II, julkaissut A. R. Niemi. Helsinki, 1927, 739 p. (In Karelian).

Миронова Валентина Петровна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск
e-mail: tutkija@mail.ru

Valentina Mironova
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher of the
Institute of Linguistics, Literature and History
of the Karelian Research Centre of the Russian
Academy of Sciences
Petrozavodsk
e-mail: tutkija@mail.ru

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

УДК 902/904
DOI 10.51254/2312-0312-2024-4-68-104-114

ВООРУЖЕНИЕ МАРИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ IX–XI ВЕКОВ: КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

© 2024 г. А.В. Акилбаев

Введение. В статье рассмотрены предметы вооружения из марийских могильников IX–XI веков в контексте социального устройства общества. **Целью статьи** является определение характера вооруженности древнемарийского населения с точки зрения статуса обладателей оружия. **Материалы и методы.** В статью вошли материалы всех опубликованных марийских могильников. Основной метод состоит в корреляции погребального инвентаря. **Результаты исследования, обсуждение.** Анализ взаимовстречаемости различных категорий оружия между собой и с другим погребальным инвентарем в рамках одного комплекса позволил выделить близкие группы и обосновать в некоторых случаях небоевой характер предметов вооружения. **Заключение.** Оружие в женских погребениях свидетельствует о высоком социальном положении его обладательниц. Мужское же оружие, напротив, говорит о небольшом расслоении общества.

Ключевые слова: древнемарийская культура; могильники; оружие; социальное расслоение общества.

Введение

Несомненно, основная функция любого оружия – война или охота, однако на практическом применении, по прямому назначению, его роль на этом не заканчивается. Предметы вооружения из марийских могильников IX–XIII веков неоднократно рассматривались, но только в контексте характеристики вещевого материала, построения типологий, датировок. Ни взаимовстречаемость предметов вооружения между собой или с другим погребальным инвентарем, ни положение в погребении, ни какие-либо другие вопросы его роли и применения не получили освещения.

Древнемарийские могильники, несмотря на относительную малочисленность погребений, содержат большое количество оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве такового. Под предметами вооружения подразумеваются следующие категории: 1) наконечники стрел и элементы лука; 2) наконечники копий и дротиков; 3) топоры; 4) клинковое оружие.

Цель статьи – выявить связь вооруженности древнемарийского населения с положением и статусом обладателей оружия в обществе.

Материалы и методы

Единственным источником для изучения истории Ветлужского-Вятского междуречья домонгольского периода являются археологические материалы. Причем речь идет о материалах могильников, поскольку поселенческие памятники содержат единичные находки оружия, никак не связанные с его владельцем. Выводы статьи основаны на информации из восьми могильников: Веселовский, Дубовский, Нижняя Стрелка, Кочергинский, Черемисское Кладбище, Юмский, Русенихинский, Кузинские Хутора, материалы которых достаточно полно опубликованы или доступны.

Важной и логичной особенностью методики исследования является рассмотрение предметов в контексте закрытых комплексов. Все вещи в погребении (закрытом комплексе) положены в него одновременно. Зачастую материал может быть твердо датирован. Соответственно, и оружие анализируется в корреляции между собой, с украшениями, бытовыми предметами, в хронологическом развитии. Это позволяет видеть статус человека, отраженный в его костюме и вещах. Разрушенные захоронения в статье учтены частично, так как они не являются полным комплексом.

Результаты исследования, обсуждение

Первоначально следует определиться с взаимовстречаемостью вооружения в погребениях, атрибутированных в качестве мужских по инвентарю (наличие кошельков, подвесок-всадниц/всадников, серег или височных украшений небольшого размера) и антропологическим исследованиям [Никитина, 1990, с. 73–74; Пузаткина, Никитина, 2011, с. 142–148]. На основании корреляции можно выделить следующие группы.

1. Один предмет вооружения (независимо от категории или типа). Только стрелы содержатся в 14 погребениях, копье – в 1 захоронении.

2. Два типа предметов вооружения. Стрелы и топор (либо топоры) найдены в 39 погребениях. Стрелы и копье – в 2 погребениях.

3. Три типа вооружения. Сочетание стрел, топора (топоров) и копья (копий) происходит из 9 погребений.

4. В отдельную категорию необходимо выделить захоронения, содержащие редкое клинковое оружие. Стрелы, топор, кинжал – 4 погребения, стрелы, топор, кинжал, меч – 1 погребение, стрелы, топор, копье, скрамасакс – 1 погребение.

Из приведенных групп видно, что наиболее часто марийские воины были вооружены топорами и стрелами. Это говорит о том, что основную массу войска (племенного ополчения) составляли лучники, поскольку наличие одного топора, при отсутствии защитного вооружения, недостаточно для ведения боевых действий. Здесь имеется еще одна особенность: все топоры при необходимости пригодны для боя, но боевыми традиционно считаются только топоры-чеканы, имеющие узкое лезвие и вытянутый обух [Кирпичников, 1966-а, с. 32–34] и топоры-кельты, или втульчатые топоры. Последние появились еще в бронзовом веке и для рассматриваемого времени являются рудиментом [Акилбаев, 2019, с. 12–13]. К концу XI века боевые топоры выходят из употребления.

Стрелы содержатся в большинстве захоронений с оружием. Имеется одно погребение только с копьем (погребение 76 Дубовского могильника). Оружие происходит примерно из 80 % от всех погребений, определенных как мужские. Остальные 20 % – либо недостаточно обосновано признаны мужскими, либо крайне бедные, либо датируются рубежом XI–XII веков, когда инвентарь в целом заметно беднеет. Но встречены единичные исключения, при которых мужское захоронение с наборным поясом и другими украшениями не сопровождается оружием.

Анализируя конкретные погребения, важно учесть тот факт, что кенотафы и кремации в большинстве случаев содержат меньше вещей, чем ингумации. Кроме того, не известно, с чем связана причина разницы в обряде, почему на одном памятнике фиксируются и трупоположения, и трупосожжения. А это, в свою очередь, могло бы пролить свет на социальное положение погребенных.

Все захоронения с оружием принадлежат взрослым мужчинам, только в погребении 5 Кочергинского могильника, погребениях 4 и 36 могильника Нижняя Стрелка похоронены дети. В первом случае, вероятно мальчик, имел богатый костюм, содержащий наборный пояс, височные украшения, гривну и подвеску в виде шестиконечной звезды на цепочке, другие украшения. В погребении 4 найдены наборный пояс, другие украшения и два наконечника стрел. Погребение 36 содержит топор-кельт, три стрелы, височное кольцо, дирхем, пронизки и бубенчик. Сложно интерпретировать эти захоронения, учитывая, что сам факт погребения ребенка на домонгольских марийских могильниках фиксируется крайне редко.

Говоря о племенной знати, логично предположить наличие воинов-всадников. Действительно, предметы, связанные с верховой ездой, встречаются, но не обозначают богатые захоронения или захоронения с обилием оружия. Не исключено, что лошадь была только средством передвижения и не использовалась в бою.

В приведенной таблице выбраны вещи, в наибольшей степени характеризующие полный мужской костюм: височные, шейно-нагрудные (гривны, под-

вески) украшения, наборный пояс, кошельки, другие украшения (браслеты, перстни, обувные привески). В таблицу не вошли некоторые захоронения, датируемые рубежом XI–XII или началом XII в., женские и детские погребения (за исключением погребения 5 Кочергинского могильника, содержащего полный мужской костюм).

Номера погребений и название могильника	Височные украшения или серьги	Шейно-нагрудные украшения	Наборный пояс	Кошелек	Другие украшения
Только стрелы					
Могильник Нижняя Стрелка					
8 кремация					+
16		+	+		+
Дубовский могильник					
2			+	+	
12			+		
46 кремация		+	+		+
53	+	+	+		+
Русенихинский могильник					
1 частично разрушено	+		+	+	+
9		+	+		+
10			+		+
Кочергинский могильник					
1 кремация			+		+
2					+
4 кенотаф	+		+		+
Могильник Черемисское Кладбище					
8 разрушено?	+	+			+
12 разрушено?				+	
Только копье					
Дубовский могильник					
76					+
Стрелы и топор (либо топоры)					
Могильник Нижняя Стрелка					
2	+		+	+	
11		+	+		+
12	+	+	+		+
18			+		+
23		+		+	+

26 кремация			+	+	
27	+	+	+		+
28 кремация			+	+	
34 кремация			+		
Дубовский могильник					
3	+		+	+	
4	+	+	+	+	+
25			+	+	
32	+	+	+		
38 кенотаф	+		+	+	
42	+	+	+	+	+
45	+	+	+	+	+
50 кремация		+			+
51 кремация		+		+	+
52	+		+	+	+
55	+	+	+		+
58	+		+	+	+
67 кремация			+		
73			+	+	+
78 разрушено					
Русенихинский могильник					
3	+	+	+	+	+
4		+	+		+
8	+	+	+	+	+
12	+	+	+	+	+
13		+	+	+	+
Кочергинский могильник					
5 детское	+	+	+	+	+
Юмский могильник					
2	+		+	+	
4 разрушено?		+	+	+	+
5	+	+	+	+	+
Веселовский могильник					
2 частично разрушено		+	+		+
11	+		+		
13	+	+	+	+	+
14			+	+	+
30 кремация				+	+

Стрелы и копье					
Русенихинский могильник					
7	+		+	+	+
Могильник Кузинские Хутора					
32		+	+		+
Стрелы, топор, копье					
Могильник Нижняя Стрелка					
10 кенотаф	+		+	+	+
Дубовский могильник					
68	+			+	+
71	+	+	+	+	+
75 разрушено			+		+
79 кремация			+	+	+
Кочергинский могильник					
3	+		+		+
Веселовский могильник					
5	+	+	+	+	+
31–32 кремация		+	+		+
С клинковым оружием					
Могильник Нижняя Стрелка					
15 кенотаф	+	+	+		+
19а кенотаф	+	+	+	+	+
22			+	+	
Русенихинский могильник					
5	+		+		+
Юмский могильник					
7 кремация	+		+	+	+
Могильник Кузинские Хутора					
36 кремация		+	+		+

Из таблицы видно, что ни одна категория вещей, выделенных в качестве показателя полноты костюма, не является строго обязательной для владельца оружия. Все же большинство вооруженных мужчин носили наборные пояса. Но наборный пояс не был сугубо воинским атрибутом, его носили и женщины.

Как правило, в плане инвентаря, погребения с одним видом оружия менее богатые. Только стрелы без другого оружия в основном встречаются с незначительным количеством вещей. Но имеются исключения. Это погребения 2 и 4 Кочергинского могильника, содержащие наборные пояса, браслеты и другие украшения. В погребениях 46 и 53 Дубовского, 4 Русенихинского

могильников присутствуют наборные пояса, подвески-всадники, браслеты. В погребении 16 могильника Нижняя Стрелка найдены шейная гривна и наборный пояс.

Воины, вооруженные топором (топорами) и стрелами, – наиболее многочисленная категория. Близка к ней группа, вооруженная еще и копьем или копьем и стрелами без топора. Характерной особенностью этих групп можно назвать меньшее применение рабочих топоров, довольно часто встречаются кельты и чеканы, даже если рабочий топор в погребении имеется. Нет основания называть эту прослойку дружиной, занимающейся исключительно военным делом, но она, по-видимому, составляла основу племенного ополчения. Но и здесь есть некоторые захоронения, не богатые инвентарем. Например, в погребении 68 Дубовского могильника нет наборного пояса. Не исключено, что эта особенность связана с обрядом.

Таким образом, сами предметы вооружения не обязательно отражают высокий статус его обладателя (учитывая хорошую вооруженность и слабое социальное расслоение), но высокий социальный статус, как правило, предполагает наличие оружия.

Отдельно стоит рассмотреть захоронения с клинковым оружием. Здесь выделяется погребение 15 могильника Нижняя Стрелка. Оно является кенотафом. В нем обнаружен каролингский меч [Кирпичников, 1966, с. 20–27], кинжал, стрелы, браслеты, перстни, наборный пояс, больших размеров круглая нагрудная подвеска (аналогий которой нет в марийских материалах). Дорогое привозное оружие, необычное нагрудное украшение, общее богатство погребального инвентаря маркировали статус их обладателя в обществе. Не исключено, что можно говорить о племенном вожде.

Схожая ситуация наблюдается в погребении 5 Русенихинского могильника. Здесь ингумация сопровождается копьем, стрелами, топором-кельтом, височными украшениями, наборным поясом, браслетами, перстнем. Нет шейно-нагрудных украшений, но две серебряные шейные гривны свернуты и носились в качестве браслетов. В этом захоронении обнаружен скрамасакс – боевой нож в украшенных металлическими пластинами ножнах. Это редкое оружие, происходящее из Скандинавии, стран Балтии и Руси. Такие ножи перестали употребляться в XI веке [Кирпичников, 1966, с. 70]. Учитывая разнообразный и богатый погребальный инвентарь, человека со скрамасаксом можно назвать руководителем группы населения, вождем.

Остальные захоронения с клинковым оружием содержат кинжалы. В погребениях 7 Юмского могильника и 36 Кузинских Хуторов найдены только рукоятки кинжалов без лезвий. Погребенные здесь люди по разнообразию и богатству инвентаря не выделяются среди остальных комплексов. Погребение 19а могильника Нижняя Стрелка представляет собой кенотаф с конструкцией из

досок, в которой содержатся различные вещи (стрелы, топор-кельт, наборный пояс, гривна), в погребении 22 этого же памятника найдены браслеты, наборный пояс, но нет ни шейно-нагрудных, ни височных украшений. Эти захоронения в целом можно отнести к группам стрелы-топор, стрелы-копье и стрелы-топор-копье.

Как и в случае с оружием вообще, наличие клинкового оружия не свидетельствует об особом положении его обладателя, в данном случае не говорит о том, что его обладатель является каким-либо предводителем, равно как и отсутствие клинкового вооружения не может сказать напрямую о том, что погребенный был рядовым членом общества. Исключение относится только к привозному оружию – мечу и скрамасаксу. Это в полной мере иллюстрирует погребение 5 Веселовского могильника, которое разительно выделяется своим богатством на фоне остальных. На костяке были сразу две гривны, височные подвески, браслеты и перстни, украшения обуви, привозная фибула, наборный пояс. Еще один пояс находился в ногах. При погребенном были стрелы, топор-кельт и топор-чекан, копье, кошельки, другие вещи. Причем захоронение сопровождалось богатыми заупокойными дарами из женских украшений. Клинкового оружия не встречено, но найдена пара богато украшенных ножен, обычно являющихся принадлежностью женского костюма. Возможно, это тоже заупокойный дар. Несомненно, здесь покоился человек, занимавший руководящее положение.

Ситуация меняется на рубеже XI–XII веков. Значительно уменьшается количество оружия ближнего боя. Исчезают боевые топоры, не встречается больше клинковое оружие, находки копий единичны. Несмотря на это, предметы вооружения по-прежнему встречаются чаще в богатых захоронениях, однако выделить какие-либо группы материал не позволяет, поскольку количество металлических украшений резко сокращается, как резко сокращается и обилие погребального инвентаря.

Оружие найдено и в женских захоронениях. Женские погребения достаточно хорошо выделяются украшениями, имеющими этнические черты: головной убор (браслетообразные височные кольца, головные цепочки, венчики), нагрудные украшения (парные или одиночные с ажурным щитком), гораздо чаще, в сравнении с мужским костюмом, встречаются украшения обуви. Выводы о половой принадлежности, основанные на вещевых комплексах, дополняются антропологическими исследованиями [Никитина, 1990, с. 73–74; Пузаткина, Никитина, 2011, с. 142–148].

Предметы вооружения в женских захоронениях имеют ряд особенностей:

1. Отсутствует специализированное боевое оружие (мечи, боевые топоры, копья). Исключением является погребение 10 могильника Кузинские Хутора. Здесь рядом с женскими украшениями сбоку положены копье и дротик с шипами. Причем другого оружия нет. Вероятно, копье и дротик здесь можно рассматривать в качестве мужского заупокойного дара [Акилбаев, 2020, с. 47],

2. Стрелы встречены в 6 погребениях в единичном экземпляре (только в погребении II Руткинского могильника их 3). В мужских же захоронениях стрелы часто лежат компактно, вероятно, в колчанах.

3. Топоры найдены в 25 женских погребениях. Все представленные экземпляры небоевые. В большинстве случаев топоры найдены вместе с льячками или литейными формами, кресалом и кремнями. Нахождения такого оружия в женских погребальных комплексах уместно ассоциировать с литейщицами [Никитина, Ефремова, 2012, с. 8–22]. В нескольких случаях топоры были воткнуты или лежали в засыпи. Это можно связать с обрядом «запирания» покойника [Никитина, 2018, с. 234], не исключено, что и единичные находки стрел выполняли ту же функцию.

4. Иногда в женских могилах встречаются небольшие ножи (или кинжалы) в длинных украшенных ножнах (5 случаев). Такие находки дважды сопровождались топорами. Г.А. Архипов называет их «имитациями кинжалов» [1973, с. 46].

Рассматривая весь инвентарь захоронений в целом, можно сделать вывод о небоевом назначении оружия в женских погребальных комплексах. Все они связаны с бытовыми функциями и обрядом.

Заключение

Из приведенных данных видно, что оружие для марийского средневекового населения выполняло роль значимого предмета в культурном плане и маркирующего социальный статус. Особенно это заметно по материалам женских захоронений, где предметы вооружения выполняли обрядовую функцию и маркировали высокое или особенное положение в обществе.

Ситуация с мужскими захоронениями является более сложной. Зачастую оружие здесь – это утилитарная вещь, предназначенная для охоты или боевых действий. Охота играла важную роль в хозяйстве, большинство мужчин так или иначе было задействовано в ней и, судя по распространенности стрел, умело стрелять из луков. Война же еще не стала привилегией воинов, дружина не выделилась из племенного ополчения, хотя неравномерность вооружения в захоронениях говорит о наличии этого процесса.

Таким образом, наличие предметов, которые могут выполнять роль оружия в женских захоронениях обозначает привилегированное положение, в большинстве случаев – принадлежность к литейщицам. Находки оружия в мужских погребениях является показателем того, что человек был взрослым (за единичным исключением), полноправным членом рода. Однако процесс социального расслоения не зашел далеко, обладатели оружия еще не стали племенной знатью. О руководящем положении может говорить дорогое привозное оружие или наличие обычного оружия, но сопровождаемое особым богатством погребального инвентаря.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акилбаев А.В. Предметы вооружения из марийских могильников IX–XIII веков // Марийский край в военной истории России. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. С. 7–15.

Акилбаев А.В. Оружие в женских погребениях марийских могильников IX–XIII веков // Регионы России в военной истории страны: сборник материалов Межрегион. науч.-практ. конф., г. Йошкар-Ола, 20–21 нояб. 2019 г. / ред.-сост. О.А. Кошкина, Е.П. Кузьмин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. С. 46–50.

Архипов Г.А. Марийцы IX–XI веков. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. 199 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1 / Свод археологических источников. Вып. Е1-36. М.-Л., 1966. 176 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2 / Свод археологических источников. Вып. Е1-36. М.-Л., 1966-а. 147 с.

Никитина Т.Б. Погребальный обряд могильника «Нижняя стрелка» // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1990. Вып. 17. С. 65–80.

Никитина Т.Б. Захоронения женщин-«литейщиц» Выжумского могильника XI–XIII веков // Мужской и женский мир в отражении археологии. Материалы Всерос. с междунар. участием конф. г. Уфа, 19–21 нояб. 2018 г. Уфа, 2018. С. 231–238.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Погребальный обряд комплексов с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XII веков. Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. № 2. Казань, 2012. С. 146–165.

Пузаткина Е.А., Никитина Т.Б. К вопросу о методах биоархеологических исследований Русенихинского марийского могильника IX–XI веков // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. Материалы науч. конф., посвящ. 90-летию Республики Марий Эл и 80-летию МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. С. 142–148.

Aleksandr Akilbaev

WEAPONS OF THE MARI OF THE IX-XIII CENTURIES: CULTURAL AND SOCIAL ASPECTS

Introduction. The article examines weapons from Mari burial grounds of the IX–XIII centuries in the context of social stratification of the society. **The purpose of the article** is to identify the characteristics of Mari weapons from the point of view of the status of the weapon owners. **Materials and methods.** The article includes materials from all published sources of Mari burial grounds. Correlation is the main research method. **Research results and discussion.** An analysis of the correlation of weapons with other things made it possible to identify groups and justify in some cases the non-combat character of weapons. **Conclusion.** Weapons in women's burials indicate the high social status of their owners. Men's weapons, on the contrary, indicate a slight stratification of society.

Keywords: ancient Mari culture; burial grounds; weapons; social stratification of society.

REFERENCES

Akilbaev A.V. Predmety vooruzhenija iz marijskih mogil'nikov IX–XIII vekov [Weapons from Mari burial grounds of the IX-XIII centuries]. *Marijskij kraj v voennoj istorii Rossii*, Joshkar-Ola, 2019, pp. 7-15 (In Russian).

Akilbaev A.V. Oruzhie v zhenskih pogrebenijah marijskih mogil'nikov IX–XIII vv. [Weapons in female burials of Mari burial grounds of the IX-XIII centuries]. *Regiony Rossii v voennoj istorii strany. Materialy Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii*, 20-21 November 2019, Joshkar-Ola, 2020, pp. 46-50. (In Russian).

Arhipov G.A. Marijcy IX–XI vv. K voprosu o proishozhdenii naroda [Mari People in IX–XI Centuries: to the Issue on the Genesis of People]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1973, 199 p. (In Russian).

Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie, iss. 1 [Ancient Russian Weapons]. *Svod arheologicheskih istochnikov*, Moscow-Leningrad, 1966, iss. E1-36, 176 p. (In Russian).

Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie, iss. 2 [Ancient Russian Weapons]. *Svod arheologicheskih istochnikov*, Moscow-Leningrad, 1966-a, iss. E1-36, 147 p. (In Russian).

Nikitina T.B. Pogrebal'nyj obrjad mogil'nika «Nizhnjaja strelka» [Funeral rite of the burial ground 'Nizhnyaya strelka']. *Arheologija i etnografija Marijskogo kraja*, Joshkar-Ola, 1990, iss. 17, pp. 65-80. (In Russian).

Nikitina T.B. Zahoronenija zhenshhin-«litejshhic» Vyzhumskogo mogil'nika XI–XIII vv. [Burials of female 'founders' of the Vyzhumsky burial ground of the XI-XIII centuries]. *Muzhskoj i zhenskij mir v otrazhenii arheologii. Materialy Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem konferencii*, 19-21 November, Ufa, 2018, pp. 231-238. (In Russian).

Nikitina T.B., Efremova D.Ju. Pogrebal'nyj obrjad kompleksov s litejnymi prinadlezhnostjami iz srednevekovyh mogil'nikov IX–XII vv. Vetluzhsko-Vjatskogo mezhdurech'ja [Funeral rite of complexes with casting accessories from medieval burial grounds of the IX-XII centuries of the Vetluga-Vyatka interfluves]. *Povolzhskaja arheologija*, Kazan', 2012, no. 2, pp. 146-165. (In Russian).

Puzatkina E.A., Nikitina T.B. K voprosu o metodah bioarheologicheskih issledovanij Rusenihinskogo marijskogo mogil'nika IX–XI vekov [On the methods of biological and archaeological research of the Rusenikhinsky Mari burial ground of the IX–XI centuries]. *Razvitie gumanitarnyh issledovanij v Respublike Marij El. Materialy nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 90-letiju Respubliki Marij El i 80-letiju MarNIIJALI*, Joshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2011, pp. 142-148. (In Russian).

Акилбаев Александр Владимирович
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: akilbaev.alexandr@yandex.ru

Aleksandr Akilbaev
Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher of Vasilyev Research Institute of Language, Literature and History
Yoshkar-Ola
e-mail: akilbaev.alexandr@yandex.ru

УДК 398.8+784.4
DOI 10.51254/2312-0312-2024-4-68-115-125

ПЕСНИ В ГОСТЕВОМ ОБРЯДЕ МЕДВЕДЕВСКИХ МАРИ

© 2024 г. Н.В. Мушкина

Введение. Марийская народная музыкально-песенная культура имеет локальный характер. Одной из групп луговых мари являются марийцы, проживающие в центральной части Республики Марий Эл на территории Медведевского района. В этнографическом отношении они относятся к группе «сорокан мари», являются носителями йошкар-олинского говора лугового наречия. Марийцы этой этнографической группы пришли на современную территорию проживания со стороны Волги. **Цель статьи** – представить описание и анализ песенного компонента гостевого обряда медведевских мари. **Материалы и методы.** В качестве материалов использованы фольклорные, этнографические источники, записи песен, опубликованные в различных сборниках, материалы экспедиций ученых Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева и записи автора. В работе применены музыкально-этнографический, музыкально-аналитический методы исследования народно-песенного фольклора. **Результаты исследования, обсуждение.** Гостевой обряд – один из архаичных обрядов у медведевских марийцев. Гостевые песни *уна муро* входят в цикл семейно-обрядовых песен. Музыка и пение – неотъемлемые компоненты обряда. Гостевания (*унала коштмо*) проходили в основном во время праздников, календарных и престольных. Гостевой обряд имеет строгую структуру, состоит из нескольких этапов. Песни подчеркивают наиболее значимые моменты гостевого ритуала, выполняют функцию лирических отступлений. Записи старинных гостевых песен содержатся в собрании Т.Е. Евсеева. Бытовали песни хозяев и песни гостей. Жанровые разновидности гостевых песен: песни-встречи гостей, песни гостей по приезде, застольные, величальные, благодарственные, песни-пожелания, прощальные и др. песни. Мелодии гостевых песен представляют собой *кужу муро* – протяжные песни, для них характерны спокойный темп, распевность, квадратная форма, гармоническая опосредованность, относительно широкий диапазон. **Заключение.** Гостевые песни медведевских мари отличаются поэтическим и музыкальным разнообразием, являются важной составляющей традиционной культуры.

Ключевые слова: медведевские мари; гостевые песни; праздники; застольные песни; благодарственные песни; прощальные песни.

Введение

Медведевско-оршанские марийцы проживают на территории Медведевского, Оршанского, части Советского районов Республики Марий Эл и прилегающих с севера территориях Кировской области – Яранском, Пижанском, Санчурском районах. В этнографическом отношении они относятся к группе «сорокан мари», т.е. женским головным убором которых является сорока – каркасный головной убор, воспринятый от русских в период христианизации. По языку они являются носителями йошкар-олинского (кокшаго-ошлинского) говора лугового наречия.

Марийцы этой этнографической группы пришли на современную территорию проживания со стороны Волги. Д.Е. Казанцев писал: «В бассейне М. Кокшаги встретились, по-видимому, два потока марийцев, двигавшихся друг другу навстречу: с юга, со стороны Волги и с северо-востока – со стороны Вятки. Произошло некоторое смешение правобережной и левобережной групп марийского населения, что нашло своеобразное отражение в языке йошкар-олинских мари, населяющих бассейн М. Кокшаги» [1967, с. 246].

В настоящей статье мы представим анализ песен одного диалектного куста, охватывающего территорию Медведевского района, в центральной части Республики Марий Эл. Носители этой песенной традиции обозначены нами «медведевскими марийцами». В данной статье мы рассмотрим функции песен в гостевом обряде медведевских мари и их музыкальные особенности.

Цель статьи – – представить описание и анализ песенного компонента гостевого обряда медведевских мари.

Материалы и методы

В качестве материалов использованы фольклорные, этнографические источники, записи песен, опубликованные в различных сборниках, материалы экспедиций ученых Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ) и личные записи автора. В работе применены музыкально-этнографический, музыкально-аналитический методы исследования народно-песенной традиции.

Результаты исследования, обсуждение

Одним из архаичных обрядов у марийцев, в т.ч. и медведевских, является гостевой обряд – *унам ончымо йӱла* (досл. «обряд ухаживания за гостями»). Гостевание – одна из древних форм социального общения, посредством которого происходит укрепление семейных, соседских, дружеских связей, выражается уважение и внимание друг к другу, осуществляется обмен новостями и т.д.

Традиция гостевания имеет разветвленную систему в быту марийского народа. Гостевые песни, наряду со свадебными, рекрутскими и похоронно-поминальными входят в цикл семейно-обрядовых песен. Обряд гостевания, по нашему предположению, является централизующим компонентом в цикле семейно-обрядовых песен. Этот обряд, будучи связан как с праздниками, так и со всеми значительными событиями в жизни рода, определяет традиционный ритм их течения, исполнение некоего календарно-семейного устава [Мушкина, 2006, с. 58].

Специальных исследований гостевой музыкально-песенной традиции медведевских мари не имеется. Отдельные наблюдения над марийским гостевым обрядом содержатся в работах этнографов, фольклористов начиная с XIX века. Комплексному исследованию поэтических текстов марийских гостевых песен и традиций приема гостей (преимущественно восточных и луговых северо-восточных) посвящена монография Л.А. Абукаевой «Марийские гостевые песни в контексте традиций гостеприимства» [2023].

Гостевой обряд имеет строго закрепленную традицией структуру и состоит из нескольких этапов. Неотъемлемые компоненты обряда – музыка и пение, подчеркивающие значимость и важность проводимого мероприятия. Гостевые песни *уна муро* относятся к архаичному слою песенной культуры мари. Так как исполнялись они в основном во время праздников – календарных, общинных, семейных, их называют праздничными, празднично-гостевыми песнями – *пайрем муро, пайрем да уна муро*. Существует также термин «песни марийского этикета», впервые введенный Фёдором Васильевым в «Пособии к изучению черемисского языка на луговом наречии» [1887, с. 26], а в наше время возрожденный этномузыковедом О.М. Герасимовым применительно к песням елабужских мари [1997, с. 89].

Песни и музыка звучат на всем протяжении гостевого обряда и превращают его в своего рода «народную оперетту». Песни подчеркивают наиболее значимые моменты гостевого ритуала, выполняют функцию лирических отступлений. Обязательные участники праздника – гости, без которых праздник не состоялся бы. Об этом поется в одной из масленичных песен:

Шошым вучеда, шошым вучеда,
Шырчык толде шошо ок тол.
Пайремым вучеда, пайремым вучеда,
Уна толде, пайрем ок тол.

Весну вы ждёте, весну ждёте,
Пока не прилетят скворцы, весна не наступит.
Праздника вы ждёте, праздника ждёте,
Пока не придут гости, праздник не наступит.

[Песни луговых мари, 2011, с. 48].

Все важные события в жизни марийской общины сопровождались проведением праздников, застолий. Поводов для похода в гости могло быть много. Это и специальные приглашения со стороны хозяев посетить их дом в связи

с предстоящим событием: новосельем, рождением ребёнка и др. В социальной жизни деревни существовала традиция отмечать в кругу близких и дальних родственников некоторые из праздников календарного цикла. Следует отметить, что медведевские мари являются приверженцами и традиционный веры, соблюдают и православные обычаи. Поэтому и праздники (у медведевских мари – *празныk*) отмечали как марийские традиционные, так и церковные престольные.

В каждой местности был свой состав и особенности проведения праздников. Из календарных справляли Шорыкйол, Ӱярня, Кугече, Агавайрем, Семык, Угинде, Ӱдырйӱыш, имеющие аграрный характер. Например, около деревни Орешкино была расположена священная роща, куда весной, летом и осенью ходили молиться марийцы из деревень Энерумбал, Цибикнур, Куптур, Шихмамат, Яшково, Поланур.

Населенные пункты Медведевского района относятся к церковным приходам сел Цибикнур, Нурма, Упша. Из престольных праздников (*церкы празник*) наиболее крупные – *Шоцынава* (день Казанской иконы Божьей Матери, в июле), *Трӧчын* (Троица), *Ошламбал* (Третий спас). В эти дни проводились ярмарки (*ярминка, пазар*). Так, в д. Пекшиксола в июле, в День Казанской иконы Божьей Матери, сначала ходили на кладбище, затем устраивались большие гуляния: *«Шоцынава годым – тунам эше цыланат шӱгарыш каеныт, а солаште вара кугу гуляний лийын. Гармонь, тӱмыр-шӱвыр поштек мурен-куштен коштыныт. Тыге кум кеце эртареныт. Вара адак мланде пашам тыҥалыныт – шудым соленыт, пырце тӱредаш ӱзгарым ямдыленыт, косилкым да монь»* [Калинина, 1994, с. 6] ‘Во время Казанской иконы Божьей матери все шли на кладбище, а в деревне были большие гуляния. В сопровождении гармони, барабана и волынки ходили с пением и плясками. Так проводили три дня. Потом опять приступали к сельскохозяйственным работам – косили траву, готовили инструменты для жатвы – косилки и т.п.’.

Во время престольных праздников марийцы ходили друг к другу в гости, привозили с собой хлеб, лепешку и другие продукты. Хозяйка встречала гостей песней-приглашением за стол:

Ой, туларем-тулацем,
Куце толын моштенда?
Мемнан солаш Энерӱмбак
Куце корным муында?
Толда шыцда стел коклашке
Мемнан мелнам коцкын онцаш.
Толда шыцда стел коклашке
Мемнан сыранам йӱн колтыда.

Ой, сват-сваха,
Как смогли приехать?
В нашу деревню Энерӱмбал
Как нашли дорогу?
Садитесь, пожалуйста, за стол
Отведать наших блинов.
Садитесь за стол,
Попробуйте наше пиво.

[Калинина, 1994, л. 24].

Для языка медведевских мари характерны такие отличительные особенности, как цоканье, наличие диалектизмов и другое. Но современные этнографические ансамбли зачастую исполняют песни медведевских мари без соблюдения этих диалектных особенностей, ориентируясь в произношении на литературную норму марийского языка.

В прошлом обязательными участниками праздников были музыканты – *шӱвырзӧ* (волынщик) и *тӱмырзӧ* (барабанщик), позже гармонист. Их игра сопровождала пение и танцы.

Наиболее старинные записи гостевых песен находим в собрании этнографа, фольклориста Тимофея Евсеева. В период работы учителем в Поланурской церковно-приходской школе в 1905–1916 годах он записывал произведения фольклора от своих учеников из деревень Нюхта, Цибикнур, Поланур, Шихмамат, Яшково, Орешкино. В следующей песне описывается процесс подготовки к поездке, характеризуется путь к дому гостей (этнограф Тимофей Евсеев записал ее, как и другие песни, на литературном языке):

Чалка алашам кычкышым,
Чалка сапым пыштышым.
Парняшан пижем кыдалыштем,
Той курыкетым тӧргален кӱзышым.

Запряг я мерина в яблоках,
Пристегнул синие вожжи.
Перчатки у меня за поясом,
На медную гору я вскачь взобрался.

Ший капкатым почын-тӱчын пурышым,
Мо шулдо, мо шерге маньым,
Озан кумыл шерге улмаш.

Открыв-закрыв серебряные ворота, въехал,
Спросил: что дёшево, что дорого,
Дорого гостеприимство хозяев, оказывается.

[Евсеев, тетр. 1, л. 345, с. 331].

В тексте песни подчеркивается элемент действия, движения, преобладают глагольные словесные формулы. Многие старинные песни, судя по записям, являются песнями-экспромтами, т.е. сочиняются «на ходу». Об этом говорят отсутствие рифмы, близость к прозаическому повествованию, импровизационность.

Большим количеством представлены застольные песни, исполняемые как со стороны хозяев, так и со стороны гостей. В следующей песне хозяев о гостях применен прием многочленного параллелизма: описанию образа гостей предшествует перечисление образов птиц и животных:

Кочкаш толшо комбыжо
Шурнын кужужым йӧрата.
Йӱаш толшо лудыжо
Вӱдын кугужым йӧрата.
Чодыра покшел маскаже
Чодыран пичшым йӧрата.
Ӱстел коклясе унаже
Чесын моторжым йӧрата.

Гусь, прилетевший поесть,
Любит длинный колос.
Утка, прилетевшая попить,
Любит большую воду.
Медведь, живущий посреди леса,
Любит дремучий лес.
Гости за нашим столом
Любят вкусные угощения.

[Евсеев, тетр. 1, с. 169; Песни, 2011, с. 319–320].

Для угощений готовили традиционные блюда: *мелна* (блины), *паринге перемеч* (картофельные ватрушки), *пӧчыж перемеч* (брусничные ватрушки), *коровеч* (пирог с начинкой из крупы и мяса), *кол когыльо* (рыбный пирог), *торык когыльо* (вареники с творогом), *муно пулашка* (запеканка из яиц, молока и картофеля), *туара* (творожник), *шӱлӧ але шыдаҥ немыр* (овсяная или пшеничная каша), *шопо* (пиво).

В настоящее время среди медведевских мари распространена следующая застольная песня:

Ӱстел йолдат пӧрдымӧ улмаш,
Ӱстел шовычдат тӱран улмаш.
Мемнан толын пурмыланна
Чевер чесдат ямде улмаш.

Ножки стола вашего крученые, оказывается,
И скатерть вышитая, оказывается.
К нашему приходу
Хорошие угощения ваши приготовлены, оказывается.

Пасу гына покшелнет кугу тумо,
Кугу тумо йымалне ош куэже.
Ош куэжын парчаже ме улына,
Парча мучаш саскаже те улыда.

Посреди поля большой дуб,
Под большим дубом белая берёза.
Веточки белой березы – это мы,
Плоды на веточках – это вы.

Айста гына, погынен, мӧр олыкыш волена,
Кенеж кече мемнам огеш вучо.
Айста йӱаш, айста кочкаш,
Рвезе ӱмыр мемнам огеш вучо.

Давайте, собравшись, спустимся на клубничный луг,
Летняя пора нас не ждёт.
Давайте пить, давайте есть,
Молодость нас не ждёт.

[Диск «Мари муро. Только лучшее». Исп. ансамбль с. Цибикнур].

Обязательным моментом в гостевом обряде было исполнение величальных, хвалебных песен – *моктымо муро*. «По своему содержанию это магические песни», – писал Ю.Г. Круглов о русских народных песнях, что справедливо и в отношении марийский песен [1982, с. 63]. Слову в обряде (и вообще в жизни) придавалось большое значение. Слово же омузыкаленное наделялось еще большей силой, т.к. музыка считалась сверхъестественным, космическим явлением, способным влиять на окружающий мир. Пример песни о сыне, растущем в отцовском доме подобно цветку:

Сатеш пеледеш – олма пеледеш,
Йыранҥеш пеледеш – маке пеледеш.
Купеш пеледеш – мӧр пеледеш.
Кугу Павулет кӧн пӧртеш пеледеш?
Микувур Илян пӧртеш пеледеш.

В саду цветет – яблоня цветет,
На грядке цветет – мак цветет.
На болоте цветет – клубника цветет.
Большой Павел в чьём доме цветет?
В доме Ильи Никифоровича цветёт.

[Евсеев, тетр. 2, с. 213. Яшково (Пележдӱр). 1912].

Пример современной народной гостевой хвалебной песни, обращенной к гостям, где они сравниваются с возвышенными природными образами цветов, бабочек:

Йывыртенам, куаненам
Пакчаштем олмапуэм пеледмылан.
Йывыртенам, куаненам
Тыгай родо толмылан.

Я очень обрадовалась тому,
Что в моем огороде зацвела яблоня.
Я очень обрадовалась,
Что такие гости ко мне пришли.

Ончалза вуйышкем, ончалза вуйышкем –
Пеледышан шовычым пидынам.
Ончалза тӧрышкем, ончалза тӧрышкем –
Пеледыш гай родо-влакем толын улыт.

Посмотрите на мою голову, взгляните на голову –
Повязала я цветастый платок.
Посмотрите за столы, посмотрите за столы –
Словно цветы, гости мои приехали.

Куку йӱкан куэрна уло,
Шӱшпык йӱкан ломберна уло.
Пеледыш пушан ялна уло,
Кенеж лыве гай унана уло.

С пением кукушки березняк у нас есть,
Со свистом соловья черемушник у нас есть.
С запахом цветов деревня у нас есть,
Словно летние бабочки гости есть.

[Зап. автора. 2009. Йошкар-Ола. Исп. женский ансамбль д. Арбаны].

В основе поэтического текста данной песни лежит 4-стишная рифмованная строфа. Распевается текст на мелодию *кужу муро*, которая используется для исполнения и лирических песен. Для нее характерны следующие черты:

– замедленный, спокойный темп;
– распевность, интонационная выразительность, красота;
– квадратная форма напева, состоящая из 4-х фраз, структура – **а в а с**;
– широкий диапазон мелодии (ч. 8 – чистая октава);
– ладовая основа – ангемитонная пентатоника типа *соль–ля–до–ре–ми*;
– квинтовая оппозиция ладовых опор;
– мелодика гармонически опосредованная, опевает и/или движется по звукам аккордов тоники и доминанты;
– ритмический рисунок с преобладанием триольно-ямбических формул.

Во время застолий могли исполняться и лирические песни – о семье, родственниках, детях, о любви, песни-раздумья, шуточные, игровые и другие песни, связанные с тематикой праздника. Звучали и так называемые песни-презентации, принадлежащие отдельным участникам праздника, в которых они поют о себе, своих занятиях. Пример песни снохи, где она рассказывает о своих обязанностях по дому:

Мончаш олтен кодалын,
Выньык тодаш каяльым.
Выньык тодын толалын,
Немыр подым сакальым.

Мончаш тарватен колтымек,
Немыр подым кондальым.
Пукшаш-йўышаш огыл дык,
Молан лияш пӧрвӧй шешке?

Оставив топиться баню,
Пошла ломать веники.
Наломав веники, пришла,
Поставила варить котёл каши.

Проводив всех в баню,
Принесла котёл каши.
Если не кормить, не поить,
Зачем быть первой снохой?

[Евсеев, тетр. 3, с. 331; Песни, 2011, с. 341].

Среди песен марийского этикета особенно выделяются благодарственные песни – *тау ыштыме,* или *тауштыме муро*. В них гости благодарят хозяев за гостеприимство и хорошие угощения. Пример песни сватьям, гостевания у которых особенно распространены у марийцев:

Ой, туларем, тулачем!
Пешат кугу тау.
Пурыдымо кудывечыш пурышым,
Пурыдымо пӧртыш пурышым,

Шичдыме ӱстел коклаш шинчым.
Йӱктымыландат тау,
Пукшымыландат тау!

Ах, сват и сваха!
Большое спасибо.
Зашёл я на двор, на который никогда не заходил,
Вошёл я в дом, в который никогда не входил,

Сел за стол, за которым никогда не сидел.
И за то, что поили, спасибо,
И за то, что кормили, спасибо!

[Евсеев, тетр. 3, с. 241; Песни, 2011, с. 335–336].

Обязательны были песни-пожелания *тыланыме муро*, имеющие заклинательный характер. «Что пожелаешь, то и сбудется», – верили марийцы. В следующей песне такую функцию словесного текста усиливает многократное повторение одной и той же мелодической формулы:

Вӱта кӧргӧ вольыкан лийза,
Тошкем кӧргӧ мӱкшан лийза!
Клат кӧргӧ поган лийза,
Шондык кӧргӧ шийвундан лийза!

Пусть хлев ваш будет скотиной полон,
Задворки пусть будут пчёлами полны!
Амбар пусть будет имуществом полон,
Сундуки пусть будет деньгами полон!

Юмынава волтен пуыжо,
Мландава кӱзыктен пуыжо!
Латкок тулар-тулачан лийза,
Калыкым йӱктышӧ-пукшышо лийза!

Божья мать пусть ниспошлёт,
Мать Земли пусть преподнесет!
Пусть у вас будет двенадцать сватьев,
Будьте кормильцами людей!

Ала омса йолдат тӱганен да,
Ала капка йолдат тӱганен.
Илыш ӱмыр кужу лиялеш,
Кумылда гына ынже тӱгане.

Может, петли дверей ваших износились,
Может, петли ворот ваших износились.
Жизнь бывает длинной,
Лишь расположение ваше пусть не исчезнет.

[Запись автора. 2008. На празднике Кугече. Исп. анс. «Чон онгыр»].

На заключительном этапе церемонии гостевания звучали многочисленные прощальные песни – *чевeрласыме муро*. Иногда их называют *кошартыме муро* (досл. «завершающие, финальные песни»). Например:

Идымвече куэрет
Кечылан кум гана ужаргалеш.
Пакчавече ломберет
Кечылан кум гана пеледеш.

Березняк на огороде
Зеленеет трижды в день.
Черёмушник на овощном поле
Зацветает трижды в день.

Кудывече пече олмапуэт
Кечылан кум гана ошемалеш.
Меже каен колтена гын,
Кечылан кум гана ушешда возеш.

На дворе яблоня
Белеет трижды в день.
Если мы уйдём,
Трижды в день о нас будете вспоминать.

[Евсеев, тетр. 3, с. 303; Песни, 2011, с. 381].

Заключение

Гостевые песни медведевских мари являются одним из архаичных жанров марийского устного творчества. Они отличаются поэтическим и музыкальным разнообразием и богатством, являются важной составляющей традиционной культуры мари. Сохранение и развитие традиций гостевания и песенно-гостевого фольклора не теряет своей актуальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абукаева Л.А. Марийские гостевые песни в контексте традиций гостеприимства. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2023. 192 с.

Васильев Ф. Песни черемис // Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии. Казань: Изд. Православного миссионерского о-ва, 1887. Приложения. С. 9–26.

Герасимов О.М. Элнет кундемын поянлыкше. Музыкальный фольклор елабужских мари. Йошкар-Ола: Мар. полиграф.-изд. комбинат, 1997. 240 с.

Евсеев Т.Е. Муро орланге // Научно-рукописный фонд МарНИИЯЛИ. Оп. 4. Д. 219.

Казанцев Д.Е. К вопросу о разделении мари на горных и луговых. Общая и отличительная лексика горного и лугового наречий марийского языка // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1967. С. 230–246.

Калинина О.А. Полевые материалы этнографических экспедиций 1994–1995 гг. // МЭЭ МарНИИ-94, 95, № 131. 184 л.

Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. М.: «Высшая школа», 1982. 272 с.

Мушкина Н.В. Гостевые песни сернурских мари // Финно-угроведение. 2006. № 2. С. 58–69.

Песни луговых мари. Свод марийского фольклора / сост. Н.В. Мушкина. Ч. I. Обрядовые песни. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 592 с.

Natalia Mushkina

SONGS IN THE GUEST RITUAL OF THE MEDVEDEVO MARI

Introduction. Mari folk song culture is characterised by rich genre diversity, it reflects the spirit and mentality of the people. The article deals with the local properties of the guest song tradition of the dialect cluster covering the territory of Medvedevo district of the Mari El Republic. The preservation of local constants in song creation determines the originality and ethno-cultural richness of the Mari. **The purpose of the article** is to provide a description and analysis of the song component of the guest rite of Medvedevo Mari. **Materials and methods.** The materials include folklore, ethnographic sources, records of songs published in various collections, materials of expeditions of researchers of the Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasiliev and the author's notes. The work applies musical-ethnographic, musical-analytical methods of research of folk song folklore. **Research results, discussions.** The guest rite is one of the archaic rites among the Medvedevo Mari. Guest songs (*una muro*) are included in the cycle of family-ritual songs. Music and singing are integral components of the rite. Guest performances (*unala koshtmo*) took place mainly during season and religious holidays (*praznyk*). The guest rite has a strict structure, it consists of several stages. The songs emphasize the most significant moments of the guest ritual; perform the function of lyrical digressions. Recordings of old guest songs are contained in the collection of T.E. Evseev. There were songs of the hosts and songs of the guests. Genre varieties of guest songs include songs for meeting guests, guest songs upon arrival, table, grand, grateful, songs-wishes, farewell songs and etc. The melodies of guest songs are *kuzhu muro* – lengthy songs, they are characterized by a calm pace, chant, square form, harmonic mediation, a relatively wide diapason. **Conclusion.** Guest songs of Medvedevo Mari are distinguished by poetic and musical diversity; they are an important component of traditional culture.

Keywords: Medvedevo Mari; guest songs; holidays; table songs; songs of thanksgiving; farewell songs.

REFERENCES

Abukaeva L.A. Marijskije gostevyje pesni v kontekste tradicij gostepriimstva [Mari guest songs in the context of hospitality traditions]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2023, 192 p. (In Russian).

Vasil'ev F. Posobie k izucheniju cheremisskogo jazyka na lugovom narechii [Manual for the study of the Cheremis language in the meadow dialect]. Kasan', Izdanie Pravoslavnogo missionerskogo obshhestva, 1887, pp. 9-26 (In Russian and Mari).

Gerasimov O.M. Elnet kundemyn pojanlykshe. Muzykal'nyj fol'klor elabuzhskih mari [Musical folklore of Elabuga mari]. Joshkar-Ola, Marijskij poligraficheskо-izdatel'skij kombinat, 1997, 240 p. (In Russian and Mari).

Evseev T.E. Muro orlange [Bunch of songs]. *Nauchno-rukopisnyj fond Marijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i istorii. Opis' 4. Delo 219.* (In Mari).

Kasancev D.E. K voprosu o razdelenii mari na gornyh i lugovyh. Obshhaja i otlichitel'naja leksika gornogo i lugovogo narechij marijskogo jasyka [To the question of the division of mari into mountain and meadow. General and distinctive vocabulary of the mountain and meadow dialects of the Mari language]. *Proishozhdenie marijskogo naroda*. Joshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut, 1967, pp. 230-246. (In Russian).

Kalinina O.A. Polevye materialy etnograficheskih ekspedicij 1994-1995 gg. [Field materials of ethnographic expeditions 1994-1995]. *Materialy etnograficheskoj ekspedicii Marijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta-94, 95*, no. 131, 184 p. (In Mari).

Kruglov Ju.G. Russkie obrjadovye pesni [Russian ritual songs]. Moscow, Vysshaja shkola, 1982, 272 p. (In Russian).

Mushkina N.V. Gostevyje pesni sernurskih mari [Guest songs of Sernur mari]. *Finno-ugrovedenie*, 2006, no. 2, pp. 58-69. (In Russian).

Pesni lugovyh mari. Svod marijskogo fol'klora [Songs of meadow mari. Collection of Mari folklore]. Joshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2011, 592 p. (In Russian and Mari).

Мушкина Наталья Валерьевна
научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: mushkinanatalya@mail.ru

Natalia Mushkina
Researcher of Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: mushkinanatalya@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.511.151+299.4

Рец.: Марийская этническая религия в призме лингвокультурологического анализа (о монографии Л.А. Абукаевой) / Абукаева Л.А. Концептосфера марийской этнической религии: монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2024. – 364 с.

© 2024 г. Р.Р. Садиков

В культуре любого этноса важное место занимает его религиозная составляющая. Комплекс религиозных верований, представлений, обрядов и обычаев напрямую связан с историческим прошлым народа и его настоящим, он влияет на его мировоззрение и психологические особенности. В прошлом религиозным содержанием были проникнуты практически все стороны жизнедеятельности этноса. В настоящее время, несмотря на процессы глобализации, секуляризации и распространения научного мировоззрения, во многих сферах культуры религиозные верования и обряды удерживают прочные позиции. Развившиеся в течение тысячелетий, они представляют собой целостную систему мировоззрения этноса и способов его взаимодействия с окружающим миром. Старинные ритуалы и обычаи некоторыми представителями народа стали восприниматься в качестве национального культурного наследия, а их соблюдение стало считаться важным этническим маркером. Изучение религиозных верований, обрядов и обычаев различных этносов и этнических групп имеет значительный научно-теоретический и практический интерес. В современных условиях усиливается роль религиозного фактора, активизируется деятельность религиозных организаций, возникают новые религиозные течения. Эти процессы требуют научной оценки и анализа.

Большой интерес для науки представляют традиционные (этнические) религии, сохранившиеся у народов Урало-Поволжья – марийцев, удмуртов, чувашей. Испытав в прошлом глубокий прессинг со стороны православия и атеизма, религиозные традиции этих народов в настоящее время активно возрождаются как в форме развития исконных сохранившихся образцов, так и в «неоязыческих» проявлениях. Имея богатую историю изучения, данные религиозные

системы требуют глубокого анализа в призме современных научных методов и подходов. Подобной работой является подготовленная в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева монография доктора филологических наук Любови Алексеевны Абукаевой «Концептосфера марийской этнической религии» (Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2024. 364 с.). Написанная на стыке научных дисциплин (лингвистики, фольклористики, этнографии, религиоведения) и учитывающая достижения таких современных научных направлений, как лингвокультурология, теолингвистика, лингвоконцептология, книга объективирует новый взгляд на марийскую религию. Об этом свидетельствует также использование в названии работы дефиниции «марийская этническая религия», а не традиционных для прежних публикаций определений, как-то: «язычество», «религиозные верования», «дохристианские верования» и пр. В центре внимания исследователя – определение смыслов базовых концептов марийской этнической религии. Лингвокультурологическому анализу были подвергнуты народные молитвы и другие жанры марийского фольклора, в вербальных формах которых зашифрованы культурные коды, составляющие основу религиозного мировоззрения народа. Они способствуют раскрытию и пониманию сущности марийской этнической религии, воззрений мари на природу божественного, духовных ценностей народа.

От предшествующих трудов работа Л.А. Абукаевой принципиально отличается подходом и выбором предмета исследования. Глубокий анализ текстов марийских молитв в их связи с другими жанрами марийского фольклора (песнями, заговорами, паремиями и др.), обрядами позволил автору раскрыть особенности концептов *юмо* ‘бог’, *ото / кӱсото* ‘священная / молитвенная роща’, *онапу* ‘священное / молельное дерево’, *кумалтыш* ‘моление’, *перке* ‘обилие, изобилие, удача, успех, благо, благополучие’, *шулык* ‘здоровье / жизненная сила / благополучие / счастье’, *серлагыш* ‘защита / милость’. Специфика исследования определила структуру монографии. Изучению указанных концептов посвящены отдельные главы.

Работа предваряется Введением и теоретической частью, в которой марийские молитвы рассматриваются как объект лингвокультурологического анализа. Автором дается определение важных для исследования терминов, таких как концепт, культурный код, марийская этническая религия и др. По мнению ученого, религиозную систему марийцев целесообразно именовать «марийской этнической религией», данное определение подходит для обозначения всех периодов истории религии мари. Проанализировав тексты молитв, Л.А. Абукаева выделяет в них древние мифологические коды, коды, возникшие под влиянием христианства и появившиеся как результат социально-исторических процессов. По ее мнению, «Система культурных кодов марий-

ской этнической религии остается одной из основ ценностных ориентаций марийского этноса. Однако в силу того, что в настоящее время в социальной и духовной сферах марийская этническая религия не является доминирующей, некоторые культурные коды утрачивают свою ясность». Автор обращает внимание на такой актуальный вопрос как модернизация молитвенных текстов: современные реалии требуют новых молитв. Чтобы не исказить сакральные тексты, избежать ошибок и противоречий между традицией и нововведениями, она предлагает служителям культа «использовать описательные выражения универсального характера», так как введение новых элементов требует «внимательного, осторожного обращения, высокой степени эрудиции и языкового чутья».

Во второй главе рассматривается один из важнейших понятий марийской религии, а именно концепт *юмо* ‘бог’, который является универсальным для всех конфессий. Автор анализирует значение, внутреннюю форму и этимологию слова, отражение данного концепта в молитвах, народных песнях, заговорах и паремиях. Тексты молитв позволили автору отметить область ответственности и деяний персонажей марийского пантеона, ответить на вопрос о количестве богов в нем, показать их иерархию и взаимоотношения между собой, а также выявить сущностные свойства *Юмо*. Интересно замечание Л.А. Абукаевой, что, несмотря на наличие многочисленного пантеона, персонажи которого упоминаются в начале каждой молитвы, их единство и нераздельность подчеркиваются обращением к множеству богов как к одному существу. Также ценно упоминание исследователем, что в верованиях марийцев некоторые образы пантеона (*Водыш*) сохранили зооморфный облик (олень). Как известно, олень – священное животное древних охотников. Автор отмечает, что тексты молитв являются весьма репрезентативным источником для анализа концепта *юмо* ‘бог’ в марийской этнической религии: *Юмо* выступает в них как «высшая сила, наделяющая жизнью, обеспечивающая здоровьем, долголетием, безопасностью, как податель всевозможных материальных благ, источник радости». В то же время ценную информацию представляют и заговоры, в которых «представлен фрагмент религиозной картины мира, который не обнаруживает себя в других жанрах фольклора».

Третья глава посвящена анализу важного для любой этнической религии концепта ‘священная / молитвенная роща’. Автор приводит сведения о марийских священных рощах в источниках XVIII–XXI веков, рассматривает лексикографическую репрезентацию данного концепта, его отражение в текстах молитв, систему запретов, связанную со священными рощами. На основе лингвокультурологического анализа молитв Л.А. Абукаева показывает организацию сакрального пространства в *кӱсото*, порядок священнодействий в них и их смысл. Ее выводы показывают, что в религиозной картине мира

марийцев священная роща это «место пребывания богов во время молений; место ритуального общения человека с Богом; место принесения даров богам; символическое воплощение места, через которое ниспосылается изобилие, плодородие, плодовитость, благополучие; обеспечивается продолжение жизни, единение верующих, развитие общества».

Другой важный для религии марийцев концепт, а именно *онапу* ‘священное / молельное дерево’, рассматривается в четвертой главе. В ней проанализированы сведения о священных деревьях в источниках, лексикографическая репрезентация слова *онапу*, отражение концепта в народных молитвах и других фольклорных жанрах. Автор также показывает символически значимые функции священного дерева в роще, священнодействия, связанные с ним. Проанализированный материал свидетельствует, что «многофункциональность и многозначность *онапу* подчеркивают его высокую духовную значимость. *Онапу* обеспечивает поддержание неразрывной связи земного и небесного, человеческого и божественного, *Юмо*, служителей культа и молящихся, единение верующих, их укрепление в вере».

В следующей главе, посвященной концепту *кумалтыш* ‘моление’, приведены терминологические определения понятий «жертвоприношение» и «моление», рассмотрены типология марийских молений, их формы, время и цели проведения, проанализированы лексикографические репрезентанты слова *кумалтыш* и отражение данного концепта в молитвах. Тексты молитв позволили автору изучить порядок проведения молений: моление-обещание, подготовка, предваряющие обряды, обрядовые действия в роще, а также рассмотреть состав жертвенных даров и порядок их поднесения божествам: пищевые продукты, возлияния, животные, вещи, монеты, свечи и т.д. Л.А. Абукаева приходит к выводу, что моления, совершаемые в священных рощах, имеют целью «побудить божества к вниманию, подтвердить договор между людьми и богами, ощутить их поддержку, получить всевозможные блага, защиту, выразить благодарность, почувствовать в полной мере единение с окружающим миром, единство в рамках этнического сообщества, пережить чувство сопричастности к актам божественного, чувство включенности в единое целое, поддержать гармонию между силами природы, продолжить соблюдение древних традиций и порядков, связывающих жизнь людей и природы».

В следующих трех главах исследованы понятийные зоны концептов *перке* ‘обилие, изобилие, удача, успех, благо, благополучие’, *шулык* ‘здоровье / жизненная сила / благополучие / счастье’, *серлагыш* ‘защита / милость’ и их репрезентация в молитвах. В Заключении подведены основные выводы исследования, отмечено, что «Базовые концепты марийской этнической религии раскрывают особенности воззрений мари на природу божественного, позволяют осмыслить и приблизиться к пониманию духовных ценностей народа».

В качестве приложения приведены таблицы со списками божеств марийского пантеона и полагающихся им даров.

Данное издание очень ценно как в научном, так и в практическом значениях. Марийская традиционная религия в ней впервые рассматривается в лингвоконцептологическом аспекте, проводится лингвокультурологический анализ марийских молитв. Они дают сравнительный материал для подобных исследований по религиозным системам других народов. Эмпирический материал, выводы и заключения автора ценны и для этнографического понимания сущности этнической религии марийцев. Важны они и для религиоведов, так как раскрывают вероучительные аспекты религии мари, современные тенденции ее развития. В целом рассматриваемая книга представляет собой своеобразную энциклопедию этнической религии мари, в которой ее сущность раскрывается через анализ базовых концептов, зашифрованных в народных молитвах и других фольклорных жанрах. В ней народное миропонимание, мировоззрение, философия соотносятся с научным дискурсом, что позволяет читателям понять сущность религии мари. Поэтому книга будет полезна не только для ученых, но и служителей культа и для рядовых верующих марийцев.

Садиков Ранус Рафикович
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
заведующий отделом этнографии
Института этнологических исследований
им. Р.Г. Кузеева – обособленного
структурного подразделения
Уфимского федерального
исследовательского центра РАН,
г. Уфа
e-mail: kissapi@mail.ru

Ranus Sadikov
Doctor of Historycal Sciences,
Chief Researcher, Head of Ethnography
Department of Kuzeyev Institute for
Ethnological Studies - Subdivision of the
Ufa Federal Research Centre of the Russian
Academy of Sciences
Ufa
e-mail: kissapi@mail.ru

ХРОНИКА

УДК 001(=511.1)

VII ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФИННО-УГРОВЕДОВ «СОВРЕМЕННОЕ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ: НАУКА – ОБЩЕСТВО – КУЛЬТУРА»

© 2024 г. Л.Я. Григорьева

С 27 по 30 июня в г. Йошкар-Оле прошла VII Всероссийская научная конференция финно-угроведов «Современное финно-угроведение: наука – общество – культура», посвященная 300-летию Российской академии наук.

Российская академия наук, крупнейший центр фундаментальных исследований нашей страны, на протяжении столетий вносила выдающийся вклад в изучение финно-угорских народов и сыграла важную роль в становлении финно-угроведения в России. И в настоящее время при академии функционируют многие финно-угроведческие центры.

Традиция проведения всесоюзных финно-угорских конференций, заложенная известным финно-угроведом, членом-корреспондентом АН СССР Д.В. Бубрихом в 1947 году, была возобновлена в середине 1990-х годов всероссийскими конференциями, которые проводятся один раз в пять лет в финно-угорских регионах России. Научная общественность Республики Марий Эл выступила организатором I Всероссийской научной конференции, проходившей в г. Йошкар-Оле в 1994 году. Далее конференции проводились: в Республике Мордовия (г. Саранск, 2000), в Республике Коми (г. Сыктывкар, 2004), в Ханты-Мансийском автономном округе (г. Ханты-Мансийск, 2009), в Республике Карелия (г. Петрозаводск, 2014), в Удмуртской Республике (г. Ижевск, 2019). Спустя 30 лет столица Республики Марий Эл вновь стала центром притяжения для российских экспертов и исследователей в области финно-угроведения.

В соответствии с положением VII Всероссийской научной конференции высший научный форум финно-угроведов проводится с целью содействия развитию науки, образовательной и просветительской деятельности, сохранения и использования историко-культурного, языкового наследия финно-угорских народов России. Конференция объединяет специалистов различных научных школ из регионов России, занимающихся вопросами финно-угорского

языкознания, литературоведения, фольклористики, этнографии, этнической истории и современных этносоциальных процессов (https://marnii.ru/upload/medialibrary/fed/uayivtuy4q8dqf9ie46swd1nlcu4rne2.pdf).

Финно-угроведение базируется на фундаментальных и прикладных научных исследованиях, на основании которых развиваются академические школы и направления гуманитарных наук. В настоящее время основным стратегическим документом является Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.), утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3684-р, где обозначены приоритетные научные задачи гуманитарных исследований (http://static.government.ru/media/files/skzO0DEvyFOIBtXobzPA3zTyC71cRAOi.pdf).

VII Всероссийская конференция финно-угроведов отличалась тем, что общая концепция и тематика конференции определялась согласно вышеназванной Программе фундаментальных научных исследований, которая предлагает «осмысление социально-гуманитарного аспекта функционирования науки и инноваций, проблем, связанных с нарастающим влиянием науки на общество в самых разных аспектах – от экономического и инновационно-технического до ценностного». Наименование конференции «Современное финно-угроведение: наука – общество – культура» – это и есть новый вектор развития. Наука, образование, культура и общество являются фундаментальными основами стратегии развития любого государства, важнейшими компонентами национальной безопасности. Одна из ведущих ролей принадлежит гуманитарным наукам и гуманитарному образованию – в них основа духовной культуры общества и человечества.

Ведущими финно-угроведческими научными центрами России являются научно-исследовательские институты, высшие образовательные учреждения, институты образования и институты повышения квалификации работников образования Пермского края, Республики Карелия, Республики Коми, Республики Марий Эл, Республики Мордовия, Удмуртской Республики, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. При Институте языкознания Российской академии наук функционирует сектор финно-угорских языков (Москва), при Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена – кафедра уральских языков, фольклора и литературы (Санкт-Петербург). В работе VII Всероссийской научной конференции финно-угроведов приняли участие свыше 300 ученых из 19 регионов России, в т.ч. и молодые исследователи, что свидетельствует о том, что научный интерес к современному финно-угроведению не уменьшается.

География участников конференции: Республика Башкортостан, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Мордовия,

Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Хакасия, Чувашская Республика, Пермский край, Архангельская область, Мурманская область, Самарская область, Свердловская область, Тверская область, Тюменская область, Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

Конференция проводилась при организационной и финансовой поддержке Правительства Республики Марий Эл, Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл в рамках реализации государственной программы Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2030 годы» и в соответствии с Постановлением Правительства Республики Марий Эл № 138 от 30 марта 2023 года. Организаторы – Комитет финно-угроведов Российской Федерации, Марийский региональный комитет финно-угроведов, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ), Марийский государственный университет.

На сайте МарНИИЯЛИ создан информационный ресурс конференции, где размещены Постановление Правительства Республики Марий Эл, план подготовки к конференции, составы оргкомитета, программного комитета и рабочей группы, положение конференции, информационные письма, список рекомендуемых гостиниц в г. Йошкар-Оле с адресами, программа конференции, фото- и видеоматериалы, сборник научных статей по материалам конференции (https://marnii.ru/osnovnyye_svedeniya/novosti/vii-vserossiyskaya-nauchnaya-konferentsiya-finno-ugrovedov). Фото- и видеосъемку мероприятия проводил Государственный архив Республики Марий Эл и корреспондент газеты «Марий Эл» М.И. Скобелев. Информационную поддержку оказали средства массовой информации республики.

Работа научного форума проходила на площадках Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Марийского государственного университета, Марийского национального театра драмы им. М. Шкетана.

На торжественном открытии конференции с приветственным словом к участникам и гостям обратились Глава Республики Марий Эл Ю.В. Зайцев, Председатель Государственного Собрания Республики Марий Эл А.В. Смирнов, Заместитель Председателя Правительства Республики Марий Эл – министр культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл К.А. Иванов, врио мэра г. Йошкар-Олы А.А. Трудинов. Приветственные адреса от имени Президиума Российской академии наук и Всероссийского научно-исследовательского института лекарственных и ароматических растений озвучила доктор фармацевтических наук, профессор, советник ФГБНУ ВИЛАР П.Г. Мизина. За вклад в развитие финно-угроведения ряд ученых был отмечен государственными наградами и поощрениями.

В первый день конференции в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева состоялось заседание Комитета финно-угроведов Российской Федерации, где были приняты отчеты работы Комитета за последние пять лет и выдвинуты перспективные задачи. Местом проведения VIII Всероссийской научной конференции финно-угроведов определена Республика Мордовия, г. Саранск. Избраны председатель Комитета финно-угроведов Российской Федерации – О.А. Сергеев (Республика Марий Эл) и заместитель председателя Комитета финно-угроведов Российской Федерации И.Н. Рябов (Республика Мордовия), а также члены Комитета финно-угроведов Российской Федерации на вакантные места от Республики Карелия – И.П. Новак, Республики Коми – Н.А. Ракин, Республики Марий Эл – Л.Я. Григорьева, Республики Мордовия – И.Н. Рябов, Удмуртской Республики – Н.В. Кондратьева.

Научная программа конференции включала два пленарных заседания, работу 17 тематических секций и трех круглых столов на темы: «Финно-угорские исследования: история и современность», «Использование современных цифровых технологий в сохранении и исследовании языков и культур финно-угорских народов России», «Научное наследие марийских лингвистов: к памятным датам 2024 года».

В преддверии VII Всероссийской научной конференции финно-угроведов и к 30-летию I Всероссийской научной конференции финно-угроведов был составлен и издан библиографический указатель научных трудов «История, язык и культура марийского народа в современных исследованиях» (2024). Указатель включает библиографические сведения о монографиях, сборниках статей, очерков, материалов научных конференций, словарях, а также научных публикациях в журналах и сборниках на русском, марийском и иностранном языках об истории, языке и культуре марийского народа, опубликованных с 2019 по 2023 годы. В целях систематизации современных финно-угроведческих научных трудов предлагаем ввести в добрую традицию подготовку к конференциям библиографических указателей трудов финно-угроведов России, вышедших в свет за каждые пять лет.

В дни конференции проходили выставки-продажи литературы по финно-угорской тематике, организованные Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Институтом языка, литературы и истории Коми научного центра РАН, Удмуртским институтом истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, Марийским книжным издательством, Национальной библиотекой им. С.Г. Чавайна. Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева представил интересную выставку «О народах, чьи предки едины».

Следующей «изюминкой» конференции стала выставка художественно-графических работ «В каждом языке звучит мир», подготовленная Российским университетом дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН) и Московским академическим художественным училищем (МАХУ). Идея создания работ, иллюстрирующих стихи поэтов, пишущих на родных языках, и концепция выставки принадлежит С.А. Москвичевой, директору лаборатории «Динамика языков в миноритарной ситуации» Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграции (филологический факультет РУДН). Работы были выполнены учащимися I и II курсов отделения дизайна МАХУ под руководством преподавателей И.О. Борисовой и И.В. Разиной. Как отмечает Светлана Алексеевна, «московские студенты, будущие художники, открыли для себя мир народов России с их культурами и традициями, радостями и бедами, размышлениями о хрупкости этого мира и желанием его сохранить. Они не просто узнали о народах нашей Родины, но через поэтическое слово соприкоснулись с ними, прочувствовали важность и ценность родного языка, родной речи, родной земли. В результате получились яркие, живые, эмоционально насыщенные работы, где в основе образа лежат традиционные мотивы национальных культур, отражающие тонкие, трепетные и светлые стороны лирического героя стихотворений. В некоторых работах представлены тревожные иллюстрации, в которых передано отчаяние людей – свидетелей утраты родной культуры и языка».

В рамках культурной программы конференции были продемонстрированы фильмы о достижениях Республики Марий Эл, организованы экскурсии в Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева и в другие музеи, обзорные экскурсии по городу Йошкар-Оле, концерт Марийской государственной филармонии «Мы ветви одного древа» и мюзикл «Ший Пампалче» («Серебряная Пампалче») театра им. М. Шкетана.

На первом пленарном заседании с приветственной речью выступил Первый заместитель Председателя Правительства Республики Марий Эл Е.П. Кузьмин. Были оглашены приветственные адреса Председателя Комитета финно-угроведов Российской Федерации А.Н. Ракина, Сенатора Совета Федерации, члена Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре, Председателя Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации П.Н. Тултаева и руководителя филиала Государственного Российского дома народного творчества им. В.Д. Поленова «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», члена Совета по культуре и искусству при Главе Республики Коми Т.Т. Бараховой. Участники и гости конференции почтили минутами молчания выдающихся финно-угроведов, ушедших из жизни в минувшие годы (на презентации был представлен их вклад в финно-угроведение).

С пленарными докладами выступили директор Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, кандидат филологических наук, доцент (Йошкар-Ола) Л.Я. Григорьева («Современное финно-угроведение: достижения и новые векторы развития»); доктор фармацевтических наук, профессор, советник Всероссийского научно-исследовательского института лекарственных и ароматических растений (Москва) П.Г. Мизина («Официальная медицина и традиции финно-угорских народов в использовании лекарственных растений»); доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск) Н.И. Шутова («Перспективы изучения этногенеза удмуртов на современном этапе: источники, подходы, проблемы»); доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, заведующий кафедрой уральских языков, фольклора и литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) С.А. Мызников («Некоторые аспекты этимологического анализа тюркизмов в финно-угорских языках»); доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорских литератур Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Саранск) Ю.Г. Антонов («Идейно-художественная и жанрово-тематическая специфика современной мордовской литературы»).

Исследования Всероссийского научно-исследовательского института лекарственных и ароматических растений можно привести в качестве образца, которые подтверждают о том, что ученые, определяя приоритетные задачи современной науки, смело начали обращаться к междисциплинарному знанию, к интеграции естественно-научных и гуманитарных подходов.

Секционные заседания были посвящены следующим темам: «Актуальные вопросы исторической и современной лексикологии финно-угорских языков и их диалектов», «Проблемы морфологии и синтаксиса финно-угорских языков и их диалектов», «История письменности финно-угорских народов», «Картина мира в финно-угорских языках», «Современные проблемы стилистики финно-угорских языков», «Фольклор как отражение этнокультурной картины мира», «Словесно-музыкальная и литературная парадигматика фольклора», «Актуальные теоретико-методологические аспекты современного финно-угорского литературоведения», «Жанровое развитие литератур финно-угорских народов», «Вопросы поэтики литератур финно-угорских народов», «Опыт научного осмысления художественного содержания литератур финно-угорских народов», «Вопросы истории финно-угорских народов», «Проблемы этнографии финно-угорских народов», «Социокультурная динамика народного художественного творчества и профессионального искусства»,

«Культурное пространство и образование финно-угорских народов», «Проблемы культурной антропологии и сохранения историко-культурного наследия», «Современные этносоциальные процессы в финно-угорских регионах Российской Федерации».

В работе заключительного пленарного заседания принял участие Первый заместитель Председателя Правительства Республики Марий Эл М.З. Васютин. Были заслушаны доклады кандидата исторических наук, доцента, ведущего научного сотрудника научно-исследовательского отдела истории и этнологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск) Т.В. Волдиной «Реинкарнация в верованиях обских угров: опыт реконструкции», доктора исторических наук, профессора РАН, и.о. директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва) А.Е. Загребина «Советское этнографическое финно-угроведение 1920–1980-х годов: возможности и обстоятельства», кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории ФИЦ Карельского научного центра РАН (Петрозаводск) И.П. Новак «Разработка диалектной классификации карельского языка на основе применения метода кластерного анализа».

В ходе конференции были продемонстрированы новые достижения в области финно-угорского языкознания, литературоведения, фольклористики, истории, этнологии, изучения образовательных и социальных процессов и выработаны рекомендации, основные из которых сводятся к следующим тезисам:

- оказывать всемерную поддержку молодым ученым, осуществляющим перспективные исследования в области финно-угроведения;
- усилить работу по подготовке научных кадров в области филологии, истории, этнологии, социологии;
- приступить к реализации совместных межрегиональных грантовых проектов по актуальным проблемам финно-угроведения;
- всемерно поддерживать и развивать в финно-угроведении сравнительные междисциплинарные исследования;
- научным работникам продолжать деятельность по сбору и фиксации нематериального культурного наследия в финно-угорских регионах, большее внимание уделить изданию сборников аутентичного фольклора;
- в целях развития научного стиля финно-угорских языков шире практиковать издание языковедческих, литературоведческих работ на национальных языках;
- инициировать проведение научных онлайн-семинаров по узкоспециальным проблемам финно-угроведения;
- усилить изучение локальных культур финно-угорских народов и актуализировать их содержание в развитии бренд-политики, этномоды, современного декоративно-прикладного искусства;

- учитывая, что нормы обычного права имеют огромное значение для сохранения самобытности малочисленных финно-угорских народов, содействовать признанию этих норм в качестве их культурного достояния, что требует проявления различных форм уважения и признания норм обычного права за рамками их общин;

- активизировать проведение научных исследований по изучению языковой ситуации в режиме мониторинга, публикации результатов исследований;

- приступить к созданию общего электронного корпуса исследовательских работ по финно-угроведению (https://marnii.ru/osnovnyye_svedeniya/novosti/vii-vserossiyskaya-nauchnaya-konferentsiya-finno-ugrovedov-sovremennoe-finno-ugrovedenie-nauka).

При подведении итогов VII Всероссийской научной конференции финно-угроведов участники форума выразили уверенность в том, что результаты научных дискуссий найдут свое практическое применение, дадут импульс для новых научных разработок и привлечению в научную сферу молодежи. Отметили, что дальнейшая работа ученых во многом будет определяться тем вектором, который обозначен в названии конференции «Современное финно-угроведение: наука – общество – культура», что интеллектуальные ресурсы будут способствовать усилению духовного потенциала Российского общества и культуры, развитию туризма и привлечению инвестиций в экономику регионов и страны.

По итогам работы конференции издан сборник статей: Современное финно-угроведение: наука – общество – культура: сборник научных статей по материалам VII Всероссийской научной конференции финно-угроведов, посвященной 300-летию Российской академии наук (Йошкар-Ола, 27–30 июня 2024 года) / МарНИИЯЛИ. – Йошкар-Ола, 2024. – 642 с. Статьи включены в наукометрическую базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Уважаемые коллеги, друзья, выражаем вам огромную благодарность за активное участие и плодотворную работу в конференции. До новых встреч на VIII Всероссийской научной конференции финно-угроведов, в столице Республики Мордовия – г. Саранск. Кугу тау!

Григорьева Людмила Яковлевна
кандидат филологических наук,
доцент, директор МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: ludyagrig@mail.ru

Lyudmila Grigoryeva
Candidate of Philological Sciences,
Associate professor, Director
of Vasilyev Research Institute
of Language, Literature and History
Yoshkar-Ola
e-mail: ludyagrig@mail.ru

ХРОНИКА НАУЧНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ФИННО-УГОРСКОГО МИРА ЗА 2024 ГОД

1 февраля, г. Йошкар-Ола	Всероссийская научно-практическая конференция «XVII Евсеевские чтения. Музей и технологии: изменения, вызовы и тенденции развития». В рамках конференции состоялась презентация выставочного проекта «Земля, рожденная небом».
21–22 февраля, г. Йошкар-Ола	V Международная научно-практическая конференция «Электронная письменность в России: опыт, задачи, векторы развития» прошла в рамках празднования Дня родного языка. На ней рассматривался широкий круг актуальных вопросов в области языковых технологий и компьютерной лингвистики.
27 февраля	Комплекс мер по этнокультурному развитию финно-угорских народов в Российской Федерации утвердило Правительство Российской Федерации. Документ предусматривает государственную поддержку творческих проектов и общественных инициатив, мероприятий в сфере образования, культуры, науки, представленности финно-угорских языков страны в информационном и цифровом пространстве.
22 апреля, г. Йошкар-Ола	Международная научно-практическая конференция «Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности». Она собрала исследователей международных отношений, культурной и межконфессиональной дипломатии, проблем исторической памяти, роли языков, культуры и искусства в диалоге цивилизаций.
24–25 апреля, г. Ханты-Мансийск	V Всероссийский форум национального единства, в рамках которого проведены отраслевые дискуссии, семинары-практикумы, образовательные интенсивы, креативные лаборатории и этноквартирник.
22–23 мая, г. Йошкар-Ола	XI Международный финно-угорский студенческий форум «Богатство финно-угорских народов», который ежегодно собирает молодых людей из разных регионов России и других стран. Студенты представили результаты исследований по проблемам языкознания, литературоведения и фольклористики, истории и этнографии, современных образовательных, проектных, социальных, информационных технологий.

6–9 июня, г. Москва	Фестиваль национальных литератур народов России (Нацлитфест) прошел при поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в рамках государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» и X книжного фестиваля «Красная площадь».
27–30 июня, г. Йошкар-Ола	VII Всероссийская научная конференция финно-угроведов «Современное финно-угроведение: наука – общество – культура», посвященная 300-летию Российской академии наук. Участниками обсуждались актуальные проблемы современного отечественного финно-угроведения, определены перспективы его дальнейшего развития, содействия сохранению и развитию языков, культур, традиций финно-угорских народов, расширения научного и культурного сотрудничества регионов России. На заседании Комитета финно-угроведов Российской Федерации был представлен отчет о работе Комитета за последние пять лет, выдвинуты перспективные задачи, определено место проведения VIII Всероссийской научной конференции финно-угроведов – Республика Мордовия.
28–29 июня, дер. Старые Быги, Удмуртская Республика	X Международный фестиваль национальной финно-угорской кухни «Быг-Быг» собрал 8 тысяч гостей из разных регионов Российской Федерации. Участниками приготовлен рекордный 12-метровый Мильымен жуко (в переводе с удмуртского «блин с кашей»).
30 июня–2 июля, г. Санкт-Петербург	II Международная конференция «Всемирная сокровищница родных языков: оберегать и лелеять. Контекст, политика и практика сохранения языков коренных народов» прошла в рамках Международного десятилетия языков коренных народов. На ней обсуждены актуальные проблемы изучения родных языков и в целом языковой сферы. Специалисты из разных стран представили накопленный опыт и делились наработанными методиками.
1 июля, г. Саранск	Всероссийская научно-практическая конференция «Великая война и российская провинция. 1914–1918 годы», посвященная 110-летию начала Первой мировой войны. На форуме были рассмотрены актуальные вопросы истории Первой мировой войны, ее влияния на российскую провинцию, участия жителей регионов в войне и др.
6–12 августа, г. Йошкар-Ола	Международный лагерь детей и молодежи финно-угорских народов, организованный Комитетом молодежной политики Республики Марий Эл и региональной общественной организацией Республики Марий Эл «Союз детских и подростковых организаций «Эр вий» – «Юная сила».

9 августа, г. Ханты-Мансийск	Международный день коренных народов отметили в Этнографическом музее под открытым небом «Торум Маа» Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, где собирались представители ханты, манси, лесных ненцев и коми-зырян.
15–18 августа, г. Алушта	Фестиваль культур финно-угорских народов «Шумбрат» – долгосрочный и планомерно развивающийся проект, который включает в себя широкую панораму мероприятий: официальные встречи, круглые столы, тематические презентации, спортивные мероприятия, разноплановые творческие площадки – выставки, мастер-классы, музыкальные гостиные и гала-концерты.
5–8 сентября, г. Санкт-Петербург, Ленинградская обл.	VIII Всероссийский фестиваль художественного творчества малочисленных финно-угорских и самодийских народов «Напевы северного ветра». В рамках фестиваля прошли круглый стол «Актуальные методы и формы вовлечения детей и молодежи в сохранение и популяризацию культурного наследия коренных народов Российской Федерации» и конференция «Культурное наследие коренных народов Российской Федерации как основа формирования, укрепления и продвижения традиционных семейных ценностей».
11–12 сентября, г. Ижевск	V Международный полевой этнографический симпозиум «БАКЧА: Традиции огородничества в культуре народов Урало-Поволжья» прошел в Архитектурно-этнографическом музее-заповеднике «Лудорвай». Он посвящен междисциплинарному изучению роли культуры огородничества в указанном регионе в разные периоды.
14 сентября, г. Екатеринбург	Фестиваль «Семь чудес финно-угорского мира» в рамках межнационального культурного проекта «Финно-угорская мозаика» прошел в Парке семейного отдыха «Эльмашевский». Свою культуру продемонстрировали марийцы, удмурты, мордва и манси. Главной темой стали семейные традиции.
20 сентября, г. Сыктывкар; 26–28 сентября, г. Саранск; 3–5 октября, г. Москва	Международный фестиваль искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит». В 2024 году он состоялся под девизом «Новые ритмы традиций» и открыл девятый двухгодичный сезон. Первые мероприятия и презентация нового фестивального цикла прошли в Сыктывкаре. В Саранске на сцене Национального драматического театра выступили коллективы из Коми, Мордовии и Удмуртии. Впервые в фестивале приняли участие исполнители из новых регионов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, г. Донецка. В Москве мероприятия прошли с участием народных ансамблей и солистов из Карелии, Москвы, Донецка и Республики Беларусь. Организаторы подготовили программу, представляющую традиции и современную культуру народов России.

20–21 сентября, г. Петрозаводск	X Съезд карелов. Делегаты на нескольких площадках обсуждали актуальные проблемы развития сельских территорий, экологии и использования природных ресурсов, вопросы традиционных духовных ценностей в семье, развития печатных и электронных СМИ на карельском языке, издания литературы и другие.
3–4 октября, г. Йошкар-Ола	Всероссийская научно-практическая конференция «Межнациональные и межконфессиональные отношения в регионах России». На заседаниях состоялись обсуждения вопросов этноконфессионального многообразия как основы гражданского единства и стабильности, его социологического мониторинга, роли семьи в сохранении духовно-нравственных ценностей народов России, формирования гражданской и патриотической идентичности молодого поколения, проблем, связанных с миграционными процессами в стране.
9–11 октября, г. Казань	Международный научный форум «Языки, литературы и культуры народов России в современной академической науке», посвященный 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. На площадках форума (в рамках круглых столов, панельных дискуссий, открытых лекций, секционных заседаний и др.) рассматривались актуальные вопросы развития языков, литератур, сохранения языкового и культурного многообразия как основополагающего фактора российской идентичности.
9–11 октября, г. Саранск	VIII Съезд Межрегиональной общественной организации мордовского народа. Участники обсудили консолидацию мордовского народа и укрепление единства российской нации в условиях современных вызовов.
14–19 октября, финно-угорские регионы	Дни родственных финно-угорских народов – это серия мероприятий, посвященных истории и культуре финно-угорских народов и способствующих их сотрудничеству. В финно-угорских регионах состоялись встречи, концерты, фестивали, мастер-классы, выставки.
16–18 октября, г. Чебоксары	X Всероссийская (XVIII региональная) конференция историков-аграрников Среднего Поволжья «Российское сельское сообщество в эпоху перемен: социально-экономический и социокультурный аспекты».
17–18 октября, г. Пермь	Всероссийская научно-практическая конференция «Филология в пространстве гуманитарных исследований: традиции и перспективы» состоялась в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете. Она посвящена как общим вопросам лингвистики, литературоведения и методики преподавания, так и рассмотрению региональных филологических и методических проблем.

18 октября, г. Сыктывкар	V Международная методическая конференция «Родной язык и литература в образовательном пространстве: преемственность, опыт, межкультурный диалог». Данная конференция – один из форматов, позволяющих создать единое коммуникативное пространство для профессионального обсуждения актуальных вопросов обучения родным языкам и литературе, их развития и сохранения.
18–20 октября, г. Кудымкар	Фестиваль «Дни родственных народов». Он был посвящен 100-летию Коми-Пермяцкого округа. Участие приняли организации из Ханты-Мансийска, Сыктывкара, Йошкар-Олы, Саранска, Санкт-Петербурга и Москвы, Удмуртии и Карелии.
22–25 октября, г. Петрозаводск	XX Научная конференция «Бубриховские чтения: традиции и новации в исследовании финно-угорских языков и культур». На ней прошло обсуждение широкого круга вопросов финно-угорского языкознания, фольклористики, литературоведения, этнографии, истории и современных этносоциальных процессов. В рамках конференции проведен круглый стол «Вопросы функционирования языков и культур прибалтийско-финских народов» для начинающих исследователей, магистрантов, аспирантов.
23–24 октября, г. Ижевск	XX Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвященный памяти доктора филологических наук, профессора В.К. Кельмакова. На заседаниях рассмотрены вопросы внутренней структуры коми, коми-пермяцкого и удмуртского языков и их диалектов, истории отдельных языковых явлений, обсуждены проблемы функционирования и методики преподавания языков, исследования традиционной культуры коми, русских, удмуртов, хантов, поэтики художественного текста, а также научное наследие пермских ученых.
25 октября, г. Москва	Всероссийский форум «Языковое воспитание в семье – основа сохранения и развития языков народов Российской Федерации». Форум стал платформой для обсуждения актуальных вопросов языкового воспитания в семье и сохранения культурной идентичности. Ярким завершением стал фестиваль детского и семейного творчества «Родной язык – источник вдохновения».
28 октября – 1 ноября, г. Йошкар-Ола	II Международный форум «Языки. Культуры. Этносы», посвященный Году семьи в Российской Федерации. В его рамках проведены международная конференция, объединившая исследователей вопросов перевода, языковой картины мира, художественных текстов и образовательных технологий, викторины, турниры и конкурсы, кейс-батл, мастер-классы от ведущих преподавателей перевода, а также мастер-классы по разным языкам (хинди, итальянскому, китайскому, турецкому и др.).

29 октября – 1 ноября, г. Ханты-Мансийск	Вторая Всероссийская конференция финно-угорских писателей с международным участием прошла в рамках Дней финно-угорской литературы в Югре. Участники обсудили комплекс актуальных вопросов в сфере финно-угорской литературы и рассмотрели ее значение в сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей народов России, оценили состояние и перспективы развития книгоиздания в Югре и других финно-угорских регионах Российской Федерации.
29 октября, г. Санкт-Петербург	Межрегиональная научно-практическая конференция «Дни финно-угорских народов. Петербург. Гармония культур» прошла в Доме журналиста. Были заслушаны доклады известных экспертов, работали две Секции «Традиции культур. Добрососедство, семья, созидательный труд» и «Служение Отечеству. Историческая память для укрепления гражданского единства и межнационального согласия».
31 октября– 2 ноября, г. Йошкар-Ола	XII Всероссийский Съезд марийского народа, посвященный Году семьи. Съезд проводится один раз в четыре года. Секционные заседания проходили по пяти направлениям: «Семья и вера», «Семья и культура», «Семья и образование», «Семья и здоровье», «Семья, наука и цифровизация».
1–8 ноября, регионы Российской Федерации	IX Международная просветительская акция «Большой этнографический диктант» – проект, который знакомит с культурой народов, проживающих в России, а также позволяет оценить общий уровень этнокультурной грамотности.
4−15 ноября, г. Саранск	Межрегиональная научно-практическая конференции «Языковая политика в Республике Мордовия: сохранение традиционных знаний и инновационные IT-решения». Участники – представители науки и образования, лингвисты, специалисты в области цифровых языковых технологий, разработчики IT-систем, языковые активисты. Ими отмечена важность использования современных информационно-коммуникативных технологий для сохранения и развития мордовских языков, национальной культуры, традиций и обычаев.
7 ноября, г. Ижевск	Итоговые мероприятия в рамках проекта Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации «Национальная школа лидерства» прошли в Доме дружбы народов Удмуртской Республики. Одним из главных итогов Национальной школы лидерства является создание Молодежного Совета Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации. В его состав вошли представители финно-угорских и самодийских народов нашей страны.

11 ноября, г. Казань	Круглый стол «Актуальные вопросы археологии Волго-Уралья: от палеолита до позднего Средневековья», посвященный 90-летию выдающегося археолога, доктора исторических наук Евгения Петровича Казакова – одного из ведущих археологов, крупнейшего специалиста в области древней и средневековой археологии Волго-Уралья, талантливого организатора науки и образования. На нем состоялась презентация монографии Е.П. Казакова «Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга вторая. Могильник именьковской культуры урочища Девичий городок (IX Измерский могильник)».
14–15 ноября, г. Чебоксары	Всероссийская научно-практическая конференция «Национальные картины мира в литературах народов Волго-Уралья», посвященная 125-летию со дня рождения классика чувашской поэзии Михаила Сеспеля.
14–16 ноября, г. Москва	Международная научная конференция «Вклад академической фольклористики в развитие отечественной гуманитарной науки (К 300-летию Российской академии наук)». На конференции обсуждались вопросы: предметное поле фольклористики и ее методологические проблемы; фольклор и книжная культура; ранняя фиксация фольклора; визуальный фольклор; проблемы современного фольклора; фольклористика в кругу научных дисциплин; междисциплинарные подходы, которые стимулировали развитие фольклористики в XIX – начале XXI в.; аспекты взаимодействия и зоны пересечения фольклористики и лингвистики, социальной и культурной антропологии, исследований медиа, нарратологии и т.д.
19 ноября, г. Йошкар-Ола	II Международная научно-практическая конференция «Язык, традиционная и художественная культура народов Волго-Камья в парадигме современности». На ней рассмотрены актуальные вопросы языкознания, литературоведения, междисциплинарных исследований в области филологии и межкультурной коммуникации, филологического образования в школе и вузе, проблемы изучения и сохранения культурного наследия народов Волго-Камья, традиционной культуры в образовательном пространстве, развития народной художественной культуры в современных условиях и др.
22–24 ноября, г. Мурманск	VII Международная выставка-ярмарка достижений в сфере культуры и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера «Сокровища саамской земли», проводимая в рамках Года семьи в Российской Федерации и Международного десятилетия языков коренных народов. В рамках выставки состоялся круглый стол, посвященный вопросам сохранения и развития духовного богатства и самобытной культуры коренных народов.

25–27 ноября, г. Санкт-Петербург	Четвертая конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам прошла в Институте лингвистических исследований РАН. В рамках конференции была проведена тематическая секция «Историческая фонетика и грамматика самодийских языков».
9–13 декабря, г. Москва	Первый Евразийский конгресс лингвистов. Мероприятие приурочено к 300-летию Российской академии наук. Цель конгресса – создание площадки для обмена мнениями и опытом, на которой лингвисты всего мира смогут представить свои исследования, посвященные решению наиболее актуальных проблем науки о языке. Одна из задач – познакомить молодых исследователей с последними достижениями в изучении языка во всем его многообразии.
10–11 декабря, г. Москва	VIII форум «Языковая политика в Российской Федерации», приуроченный к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина. В рамках программы прошли заседания тематических сессий, на которых ведущие ученые, эксперты и практики обсудили различные аспекты языковой политики, ключевые тенденции и опыт регионов в сфере сохранения и развития языков и литератур народов Российской Федерации.
10–12 декабря, г. Ханты-Мансийск	XI Международный проектный семинар «Финно-угорский вектор к креативной экономике». Цель мероприятия – содействие стартап-движению в научно-образовательном пространстве среди молодежи в поддержку сохранения и развития самобытных культур, языков, традиций и обычаев финно-угорских народов. В рамках семинара обсуждены лучшие практики по вовлечению молодежи в проектную деятельность этнических общностей, а также по взаимодействию поколений в этнокультурных проектах финно-угорских стран.
13–15 декабря, Подмосковье	Ежегодный «Сенежский» форум – Всероссийский семинар по актуальным вопросам государственной национальной политики. Его участниками стали руководители региональных отделений ОГО «Ассамблея народов России» Ассамблея народов России, федеральных национально-культурных автономий, представители органов власти более чем из 80 субъектов Российской Федерации.

20 декабря, г. Ханты-Мансийск	Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция XXIII Югорские чтения «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Всё начинается с родного очага», посвященная Году семьи. Цель конференции – активизация научно-практической и инновационной деятельности, направленной на решение актуальных проблем в области сохранения традиционных семейных ценностей коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.
декабрь, г. Йошкар-Ола	Вышли четыре номера научного журнала «Финно-угроведение» (№ 1 (64), 2 (66), 3 (67), 4 (68).

Пекшеева Эльвира Ивановна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

Elvira Peksheeva
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher of Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History
Yoshkar-Ola
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

Любимов Николай Иванович
помощник министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл,
г. Йошкар-Ола
e-mail: nikolaj.lyubimov@bk.ru

Nikolay Lyubimov
Assistant to the Minister of Culture, Press and Ethnic Affairs
of the Republic of Mari El
Yoshkar-Ola
e-mail: nikolaj.lyubimov@bk.ru

«Финно-уговедение», № 4 (68) 2024

Научный журнал

16+

Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–73922 от 12.10.2018 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Корректор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Английский текст *Н.М. Красновой*
Дизайн обложки *Ю.П. Клюкина, В.В. Безденежных*

Адрес редакции и издателя:
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
телефон: 8(8362) 64-19-28, 45-06-47
т. факс 8(8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 24.12.2024. Вышел в свет 27.12.2024. Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,03. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Заказ № 3072

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «Стринг»
424006, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
помещение 12-12А, корпус 101А